

РАЗМИНКА

СИЛЬНОЕ ТЕЛО — ЯСНЫЙ УМ.
ПЕРВЫЙ ШАГ К ИЗМЕНЕНИЮ МИРА.

ТЕЛО

ДИСЦИПЛИНА

ВРЕМЯ

ЗНАНИЯ

РАЗВИТИЕ

Яромир Яров

Разминка

<https://litres.ru/74377093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бодибилдер из нашего мира получает второй шанс на жизнь — в мире магии, древних кланов и наследственных источников силы. Вот только магии у него почти нет. Зато есть тело, дисциплина и привычка постоянно искать, что можно улучшить.

Начав с собственных тренировок, он постепенно берётся за всё вокруг: перестраивает систему развития, наводит порядок в активах клана, оптимизирует работу людей и улучшает их повседневную жизнь. И чем больше он меняет, тем очевиднее становится простая истина: если можно сделать лучше — зачем продолжать делать по-старому?

А его первая тренировка — всего лишь разминка.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Чужая комната	32
Глава 2. Наследник	123
Глава 3. Исходная точка	176
Глава 4. Повторяемость	228
Глава 5. Контроль	284
Глава 6. Право наследника	306
Глава 7. Мельница	372
Глава 8. Следующее ограничение	420
Гл	454
Конец ознакомительного фрагмента.	455

Яромир Яров

Разминка

Пролог

Двести двадцать килограммов не интересовало, какое у Александра сегодня настроение.

Штанге было плевать, что он спал на сорок минут меньше обычного, вчера провёл четыре персоналки подряд, а ночью ещё час разбирал отчёт по залу.

Она либо вставала.

Либо нет.

Александр шагнул под гриф, упёрся трапециями в холодную насечку и чуть повёл плечами, устраивая железо удобнее.

— Снимаю, — предупредил страхующий.

— Сам.

Он выпрямился.

Стойки сухо звякнули, освобождая штангу.

Шаг назад.

Ещё один.

Стопы чуть шире плеч. Носки наружу. Вдох.

Воздух упёрся в пояс изнутри.

Музыка была где-то за пределами помоста, за зеркалами

двигались люди, лязгали блины, кто-то смеялся у блока, у входа пищал турникет.

Для него всё это исчезло.

Остался гриф.

Двести двадцать килограммов.

И его тело.

Первое повторение пошло легко.

Колени в сторону. Таз вниз. Спина жёсткая. Глубина.

Разворот.

Вверх.

Гриф едва слышно дрогнул на блинах.

Второе было тяжелее.

Не настолько, чтобы это увидел случайный человек.

Но Александр почувствовал.

Скорость выхода из нижней точки упала.

Совсем немного.

На третьем повторении квадрицепсы уже налились тяжёлым жаром, в ушах ударил пульс, а под поясом выступил пот.

Вверх.

Зафиксировал.

Выдох.

— Ещё два! — донеслось сбоку.

Не ответил.

Вдохнул.

Четвёртое.

Вниз он ушёл нормально.

А вот вверх штанга двинулась иначе.

Медленнее.

Левая сторона на мгновение отстала.

Мизер.

Может, сантиметр.

Для камеры — ничего.

Для него — достаточно.

Александр закончил повторение, сделал шаг вперёд и вернул гриф на стойки.

Металл грохнул о крюки.

— Всё.

— В смысле всё?

Антон выглянул из-за стойки.

— В прямом.

— Там пятёрка стоит.

Он кивнул на планшет, закреплённый на стойке.

Александр расстегнул пояс.

Грудь ещё тяжело поднималась.

— Теперь стоит четвёрка.

— Саш, у тебя четвёртый даже не в отказ был.

— Поэтому я завтра смогу ходить.

Антон фыркнул.

— Двести двадцать на четыре. Великая тренировка.

— Особенно если неделю назад было двести пятнадцать на четыре.

Александр взял бутылку и сделал два небольших глотка.

Не половину бутылки сразу.

Два.

Он следил, как успокаивается дыхание.

Антон всё ещё смотрел на него с выражением человека, которому только что испортили хороший видеоролик.

— Подписчики опять напишут, что ты халтуришь.

— Пусть.

— Можно было хотя бы пятую попробовать.

— Можно.

Он посмотрел на секундомер.

— А зачем?

Антон открыл рот.

Закрыл.

— Чтобы сделать пять?

— Отличная причина получить травму.

Он сел на край помоста и внёс результат в телефон.

Присед. 220 × 4.

Рядом автоматически появилась предыдущая запись.

215 × 4.

Александр добавил:

Четвёртое — заметное падение скорости. Левая сторона начала отставать. Сон 6:42. Вес утром 104,8. Следующая тяжёлая — без повышения.

Сохранил.

Антон заглянул через плечо.

— Ты серьёзно даже сон сюда пишешь?

— Я сюда скоро погоду начну писать, если замечу зависимость.

— Маньяк.

— Зато живой маньяк.

Александр поднялся.

Ноги приятно гудели.

Именно приятно.

Не та тупая ватная дрожь, когда после тренировки приходится держаться за перила, а нормальная тяжёлая усталость мышцы, которая получила ровно столько работы, сколько ей сегодня было нужно.

В этом и была самая скучная тайна прогресса.

Люди почему-то любили нагрузку.

Тяжёлый вес.

Отказ.

Пот.

Крик.

Видео, где тренер орёт над человеком так, словно от последнего повторения зависит судьба человечества.

Потому что нагрузку видно.

А сон не видно.

Еду не видно.

День без тренировки вообще невозможно эффектно выложить в соцсети.

Хотя рос человек именно тогда.

Александр снял со штанги первый двадцатипятикило-

граммовый блин.

За спиной гроыхнул металл.

Не обычный звук поставленного на пол грифа.

Что-то другое.

Он обернулся.

В дальней части зала, у становой платформы, стоял Егор.

Девятнадцать лет.

Восемьдесят семь килограммов веса.

Полтора года тренировок.

И совершенно необъяснимая любовь к весам, к которым он пока не был готов.

На грифе лежало сто восемьдесят.

Александр посмотрел на блины.

Потом на Егора.

Потом снова на блины.

— Нет.

Егор, уже затягивающий лямки, поднял голову.

— Что?

— Сними.

— Я ещё даже не начал.

— Именно поэтому у нас есть шанс закончить разговор без травматолога.

Кто-то рядом засмеялся.

Егор помрачнел.

— Я сто семьдесят пять тянул.

— Видел.

— Нормально вытянул.

Александр подошёл ближе.

— Когда?

— В понедельник.

— Сегодня среда.

— Ну.

— Очень содержательно.

Он присел у грифа.

Лямки новые.

Магнезии столько, будто Егор собирался не тянуть штангу, а штукатурить стену.

— Сто семьдесят пять сколько?

— На раз.

— Я спрашиваю: сколько попыток?

Егор замялся.

— Три.

— Удачная?

— Последняя.

Александр посмотрел на него.

— Значит, пять.

— Почему пять?

— Потому что две неудачные перед этим ты сейчас почему-то не считаешь.

Егор ничего не ответил.

Александр выпрямился.

— Дневник покажи.

— Да нормально всё.

— Дневник.

— Александр...

— Егор.

Тот демонстративно выдохнул, достал телефон и открыл приложение.

Александр пролистал записи.

Понедельник.

Становая.

Сто пятьдесят на три.

Сто шестьдесят на два.

Сто семьдесят.

Сто семьдесят пять — неудача.

Снова неудача.

Отдых семь минут.

Удачная попытка.

Во вторник — тяжёлая спина.

Подтягивания.

Тяга штанги.

Три упражнения на бицепс.

Сегодня опять становая.

— Ты программу менял?

Егор пожал плечами.

— Немного.

— Кто разрешил?

— Да я нормально восстанавливаюсь.

— Откуда знаешь?

— Чувствую.

Александр провёл пальцем по экрану.

— Вес стоит три недели.

— Поэтому и добавляю.

— Повторы в рабочем подходе упали с восьми до шести.

Егор промолчал.

— Пульс утром?

— Не мерил.

— Сон?

— Нормально.

— Сколько?

— Ну... часов шесть.

— Еда?

— Нормально.

Александр поднял глаза.

— Когда человек три раза подряд говорит мне «нормально», обычно ничего нормального там нет.

Кто-то снова хмыкнул.

Егор раздражённо оглянулся.

— Да что не так-то? Вес не растёт. Чтобы он рос, надо больше работать.

— Иногда.

Александр указал на штангу.

— А иногда нужно перестать долбить по одной и той же стене лбом и посмотреть, почему она не падает.

— Ты сам только что двести двадцать приседал.

— И остановился на четвёртом.

— Ну и что?

Александр уже хотел ответить, но передумал.

Подошёл к стойке.

Снял со штыря маленький красный блин.

Два с половиной килограмма.

Протянул Егору.

— Держи.

Тот машинально взял.

— Что?

— Твоя проблема.

— Два с половиной килограмма?

— Нет. Ты думаешь, что твоя проблема — два с половиной килограмма.

Александр забрал блин обратно.

— Сто семьдесят пять ты уже поднял. Значит, в твоей голове следующий шаг — сто восемьдесят. Потом сто восемьдесят два с половиной. Потом сто восемьдесят пять.

Он вернул диск на место.

— Только организм про твой красивый план ничего не знает.

Егор нахмурился.

— И что делать?

Вот теперь в голосе появилось нужное.

Не раздражение.

Интерес.

Александр снова взял телефон.

— Для начала не тянуть сегодня сто восемьдесят.

— А потом?

— Потом три дня нормально поспать.

— Серьёзно?

— Представляешь.

— А тренировки?

— Будут.

Он быстро пролистал его записи.

— Сегодня сто сорок. Четыре подхода по четыре. Без отказа. В пятницу — задняя поверхность лёгкая. В понедельник вместо максимума сделаем объём.

Егор скривился.

— Я сто сорок могу раз десять.

— Поэтому четыре.

— Где логика?

— В том, что мне сейчас не нужно узнать, сколько ты можешь поднять.

Александр вернул ему телефон.

— Мне нужно сделать так, чтобы через месяц ты мог поднять больше.

На секунду Егор замолчал.

Потом посмотрел на сто восемьдесят.

— А если сегодня пойдёт?

— Пойдёт.

— Тогда почему...

— Потому что один удачный подъём ничего мне не докажет.

Александр постучал пальцем по его телефону.

— Мне нужен результат, который можно повторить.

Егор уже не спорил.

— Сто сорок?

— Сто сорок.

— Четыре по четыре?

— Если скорость не посыплется.

— А если посыплется?

— Закончишь раньше.

— Прямо как ты?

— Быстро учишься.

Егор усмехнулся.

И наконец начал снимать блины.

Александр вернулся к своей стойке.

Антон ждал его там с телефоном.

— Ты понимаешь, что половина зала после твоих разговоров начинает тренироваться меньше?

— Отлично.

— Для владельца фитнес-клуба звучит подозрительно.

— Если они перестанут ломаться, будут ходить дольше.

— Вот теперь узнаю предпринимателя.

Александр посмотрел на часы.

Пауза между подходами закончилась.

Он снова собрался.

Следующее упражнение.

Следующая задача.

В зале всегда было просто.

Не легко.

Именно просто.

У любого результата существовала причина.

Иногда очевидная.

Иногда приходилось искать.

Менять питание.

Урезать объём.

Добавлять объём.

Переставлять упражнения.

Следить за техникой.

Проверять анализы.

Отдыхать неделю, хотя голова требовала идти и ещё раз доказать железу, кто здесь главный.

Но если достаточно долго записывать факты, тело рано или поздно начинало отвечать.

Не словами.

Цифрами.

Весом на штанге.

Сантиметром на талии.

Лишним повторением.

Лучшим временем восстановления.

Александр любил цифры именно за это.

Они не обещали.

Не хвалили.

Не жалели.

Просто показывали, сработало или нет.

Через сорок минут тренировка закончилась.

Он сидел на скамье у стены, медленно пил воду и смотрел на экран.

Общий объём оказался на три процента выше прошлой тяжёлой тренировки.

При меньшем субъективном усилии.

Небольшая победа.

Настолько небольшая, что никто, кроме него, её бы даже не заметил.

Александр улыбнулся.

Вот из такого всё и складывалось.

Не из одного героического подхода.

Не из одного идеального дня.

Ты даёшь телу задачу.

Тело сначала сопротивляется.

Потом справляется.

Потом получает еду, сон и время.

А когда возвращаешься с той же задачей через неделю — оказывается, что вчерашний предел уже не предел.

Ничего мистического.

Обычная адаптация.

— Александр!

Он поднял голову.

Егор стоял у платформы.

— Чего?

— Четвёртый подход легче второго пошёл.

— Запиши.

— Я запомню.

Александр молча посмотрел на него.

Егор закатил глаза, достал телефон и начал печатать.

— Деспот.

— Через месяц скажешь спасибо.

— Если сто восемьдесят потяну.

— Если не потянешь, будем разбираться почему.

— А если потяну?

Александр встал.

— Тоже будем разбираться почему.

Егор рассмеялся.

Александр забросил полотенце на плечо и пошёл в раздевалку.

Телефон завибрировал уже у двери.

Три сообщения от администратора.

Одно от бухгалтера.

Два предложения по рекламе.

Напоминание о встрече.

Он посмотрел на время.

— Чёрт.

Если не выехать сейчас, можно было сразу переносить

встречу.

Александр быстро переоделся, закинул форму в спортивную сумку и ещё раз взглянул на тренировочную запись.

220 × 4.

Хотелось исправить четвёрку на пятёрку.

Совсем чуть-чуть.

По-детски.

Чтобы цифра выглядела красивее.

Он усмехнулся и убрал телефон.

Факты должны оставаться фактами.

Иначе дневник не имел смысла.

На выходе из зала он привычно кивнул администратору, толкнул стеклянную дверь и вышел на улицу.

После прохладного кондиционированного воздуха августовское утро показалось почти горячим.

Александр вдохнул.

Ноги после приседа уже начинали наливаться знакомой тяжестью.

Хорошая тренировка.

Завтра будет легче.

Через неделю — сильнее.

По крайней мере, обычно это работало именно так.

Он достал из кармана ключи от машины.

На парковке было душно.

Солнце уже успело нагреть тёмный асфальт, от машин тянуло горячим металлом, а где-то за соседним торговым центром надрывно сигналил грузовик.

Александр бросил сумку на заднее сиденье, сел за руль и первым делом посмотрел на часы.

Опоздание пока составляло ноль минут.

Запас — двенадцать.

Навигатор обещал двадцать семь до места встречи.

Александр посмотрел на цифры ещё раз.

— Великолепно.

Телефон тут же завибрировал.

Марина, администратор.

Он подключил гарнитуру и выехал с парковки.

— Да.

— Ты уже уехал?

— Судя по тому, что я еду, подозреваю, что да.

— Очень смешно. Тут мужчина пришёл по поводу аренды второго этажа.

Александр нахмурился.

— Сегодня?

— Говорит, вы договаривались.

— Мы договаривались на четверг.

Небольшая пауза.

— Сегодня четверг.

Александр посмотрел на дату на приборной панели.

Потом на дорогу.

Потом снова на дату.

— Прекрасно.

Марина засмеялась.

— Передать, чтобы ждал?

Он мысленно переставил сегодняшний день.

Встреча через полчаса.

Потом поставщик оборудования.

В два — онлайн-консультация.

В четыре — две персоналки.

Вечером нужно было снять материал для канала.

И ещё бухгалтер прислал что-то с пометкой «срочно», что обычно означало либо налоги, либо желание испортить ему настроение.

— Посади в переговорке. Кофе предложи. Скажи, что буду через час.

— Он вроде торопится.

— Тогда пусть оставит предложение.

— Хорошо.

— И Марин.

— М?

— Егор сегодня больше ничего тяжёлого не делает.

— Я поняла.

— Нет, не поняла. Он сейчас дождётся, пока я уеду, и полезет ставить рекорд.

— Я скажу тренерам.

— Лучше сними с грифа все блины тяжелее пятнадцати

килограммов и спрячь.

— Александр!

— Шучу.

Он перестроился в левый ряд.

— Наверное.

Марина снова засмеялась и отключилась.

Александр прибавил температуру кондиционера.

Тело постепенно остывало после тренировки.

Сердце давно успокоилось, зато ноги уже начали напоминать, что двести двадцать килограммов никуда из реальности не исчезли только потому, что подход закончился.

На светофоре он потянулся к бутылке с водой.

Отпил.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз бухгалтер.

Александр посмотрел на экран и не ответил.

Красный.

Пятьдесят две секунды.

Можно было успеть прочитывать сообщение.

Он открыл.

По прошлому месяцу расход на рекламу выше плана на 14%. Посмотри таблицу.

Следом пришёл файл.

Александр даже не стал открывать.

Четырнадцать процентов сами по себе не означали ничего.

Вопрос был не в расходе.

Вопрос был в том, что они за этот расход получили.

Загорелся зелёный.

Он убрал телефон и тронулся.

Через минуту надиктовал ответ:

— Посчитай стоимость заявки отдельно по каждому каналу. И повторные продажи за три месяца. Просто общий рекламный бюджет мне ничего не даёт.

Сообщение отправилось.

Почти сразу пришло новое.

Теперь от Антона.

Видео.

Александр бросил взгляд на заставку.

Егор.

Становая платформа.

— Вот же...

Он нажал воспроизведение только после следующей остановки.

На экране Егор тянул сто сорок.

Чисто.

Спокойно.

Без привычного дёрганья грифа с пола.

Четыре повторения.

Под видео сообщение:

**«Сказал, что так даже тяжелее, потому что медлен-
но »**

Александр усмехнулся.

Ответил:

Пусть ещё через неделю догадается, что техника тоже считается.

Телефон он положил экраном вниз.

Впереди поток начал уплотняться.

Навигатор тут же пересчитал маршрут.

Двадцать девять минут.

Потом тридцать одна.

— Нет.

Красная полоска появилась почти на всём проспекте.

Авария.

Александр постучал пальцами по рулю.

Можно было уйти направо через старый район.

Навигатор предлагал именно это.

Экономия семь минут.

Он перестроился.

Узкая улица между многоэтажками встретила его лежащими полицейскими, припаркованными в два ряда машинами и курьером на велосипеде, решившим, что правила дорожного движения — это рекомендательная литература.

Александр сбросил скорость.

Курьер проскочил перед капотом и даже не повернул головы.

— Пожалуйста.

Он проводил его взглядом.

— Я ведь сегодня ноги тренировал. Мне за тобой бегать неудобно будет.

Телефон опять завибрировал.

Он не посмотрел.

Через несколько секунд — ещё раз.

Потом третий.

— Все проснулись.

Александр свернул на следующую улицу.

Здесь движение было свободнее.

Навигатор показывал двадцать две минуты.

Уже терпимо.

За окном проносились остановки, небольшие магазины, кофейни, люди с пакетами.

Обычное утро.

Смешно.

Он только что два часа заставлял организм работать почти на пределе, считал секунды отдыха, следил за положением каждого колена под штангой.

А теперь самым сложным упражнением дня оказалось успеть на встречу.

На очередном светофоре Александр всё-таки посмотрел, кто писал.

Мама.

Не забудь, что в воскресенье мы тебя ждём.

Следом:

И не говори потом, что работа.

Третье сообщение:

Я знаю тебя.

Александр улыбнулся.

Написал:

Буду.

Подумал.

Добавил:

Точно.

Ответ появился почти сразу.

Скрин сделала.

— Вот это уровень доверия.

Загорелся зелёный.

Александр убрал телефон.

Выехал на перекрёсток.

И увидел грузовик.

Сначала он даже не понял, что происходит.

Большая белая кабина появилась справа там, где её не должно было быть.

Слишком быстро.

Слишком близко.

Александр автоматически ударил по тормозам.

Шины взвизгнули.

Ремень впился в грудь.

Мир вдруг стал очень медленным.

Он увидел лицо водителя.

Широко открытые глаза.

Руки на руле.

Чёрную решётку радиатора.

На долю секунды в голове совершенно спокойно возникла

мысль:

Не успевает.

Александр дёрнул руль влево.

Удар пришёлся в правую сторону.

Звук оказался совсем не таким, как в кино.

Не один громкий хлопок.

Сначала хруст.

Потом металл.

Потом стекло.

Потом всё сразу.

Машину развернуло.

Что-то ударило Александра в плечо.

Подушка безопасности взорвалась перед лицом белым облаком.

В нос ударил резкий химический запах.

Где-то далеко кричали.

Он попытался вдохнуть.

Не получилось.

Ещё раз.

Воздуха было мало.

Очень мало.

Перед глазами плавали белые точки.

Александр попытался пошевелить правой рукой.

Рука не ответила.

Это было плохо.

Он знал достаточно о травмах, чтобы понять хотя бы это.

Паники почему-то не было.

Наверное, пока.

Мозг делал то, что привык делать всегда.

Собирал данные.

Дыхание.

Сознание.

Боль.

Конечности.

Он чувствовал левую ногу.

Правую...

Непонятно.

Грудь болела.

Сильно.

Каждый вдох становился короче предыдущего.

Так.

Нужно было вызвать помощь.

Телефон.

Где телефон?

Он попытался повернуть голову.

Перед глазами качнулась приборная панель.

Где-то снизу слышался сигнал.

Наверное, его машина.

Или чужая.

Александр снова попробовал вдохнуть глубже.

На этот раз боль вспыхнула под рёбрами настолько резко, что темнота на несколько секунд почти закрыла зрение.

— Чёрт...

Голос прозвучал тихо.

Совсем не его.

Снаружи кто-то подбежал к машине.

— Мужчина! Вы меня слышите?!

Слышу.

Ответить получилось не сразу.

— Да.

— Скорую вызвали! Не двигайтесь!

Хороший совет.

Александр и не собирался.

Он закрыл глаза.

В голове почему-то всплыло утреннее число.

220 × 4.

Не пять.

Четыре.

Потом Егор.

Сто сорок.

Четыре по четыре.

Потом воскресенье.

Скрин сделала.

Надо было написать матери что-нибудь ещё.

Странная мысль.

Очень важная.

Он попробовал открыть глаза.

Не получилось.

Голоса снаружи стали тише.

Будто люди внезапно отошли далеко-далеко.

Александр заставил себя вдохнуть.

Раз.

Выдох.

Ещё.

Тело умело терпеть.

Тело вообще умело удивительно много.

Дай ему правильную нагрузку.

Время.

Еду.

Сон.

Восстановление.

И оно станет сильнее.

Простая схема.

Работала годами.

Нагрузка.

Восстановление.

Адаптация.

Рост.

Александр попытался вдохнуть ещё раз.

Организм не справился.

И впервые за много лет ему нечего было изменить в про-

грамме.

Нечего измерить.

Нечего скорректировать.

Темнота пришла без боли.

Последнее, что он успел подумать, было неожиданно спокойным.

Жаль. Я ведь только начал нормально прогрессировать.

Глава 1. Чужая комната

Первым Александр почувствовал сердце.

Оно билось быстро.

Не так, как после тяжёлого подхода, когда каждый удар отдаёт в висках и грудная клетка будто пытается вытолкнуть из себя лёгкие.

Здесь было иначе.

Слишком часто.

Слишком слабо.

Александр лежал неподвижно и несколько секунд просто слушал собственное тело.

Раз.

Раз.

Раз.

Примерно сотня ударов в минуту.

Может, чуть больше.

Дыхание поверхностное.

Во рту сухо.

Голова тяжёлая.

Пальцы...

Он осторожно пошевелил правой рукой.

Пальцы слушались.

Все пять.

Александр замер.

Правая рука.

Он очень хорошо помнил последний момент, когда пытался ею пошевелить.

Не получилось.

Грудь тогда словно разрывали изнутри.

Воздуха не хватало.

Кто-то кричал снаружи машины.

Потом становилось темнее.

Он помнил слова незнакомца:

Скорую вызвали. Не двигайтесь.

Помнил мать.

Сообщение.

Скрин сделала.

Помнил свою последнюю попытку вдохнуть.

А потом...

Ничего.

Александр открыл глаза.

Потолок оказался слишком высоким.

Он несколько секунд смотрел на него, пытаясь понять, что именно не сходится.

Потом понял.

В больницах не делали потолков из тёмного дерева.

По крайней мере, в тех, которые он видел.

Толстые балки пересекались над головой, между ними виднелись светлые панели, покрытые каким-то мелким орнаментом. Не рисунком даже — скорее повторяющейся

резьбой.

Александр моргнул.

Потолок остался на месте.

— Так.

Голос прозвучал хрипло.

И чужим.

Он замолчал.

Попробовал ещё раз.

— Так...

Нет.

Это был не его голос.

Моложе.

Мягче.

Выше.

Александр медленно поднял руку к лицу.

Рука тоже оказалась не его.

Он слишком много лет провёл перед зеркалами, под штангой и с клиентами, чтобы ошибиться.

Запястье тонкое.

Предплечье мягкое.

Никаких привычных вен.

Другие пальцы.

Другие ногти.

Да даже ладонь была другой.

— Твою мать.

Он резко сел.

И тут же пожалел.

Комната качнулась.

К вискам прилила кровь, перед глазами на мгновение потемнело.

Александр упёрся ладонями в кровать и замер, ожидая, пока зрение вернётся.

Слабость.

Серьёзная.

Не просто после сна.

Так чувствовал себя человек после болезни, длительного голодания или очень тяжёлого истощения.

Он знал это состояние.

Только не по себе.

По клиентам.

По тем, кто приходил «быстро похудеть», сидел неделю на одном кофе, потом удивлялся, почему темнеет в глазах после приседаний.

Александр несколько раз спокойно вдохнул.

Без боли.

Грудь была цела.

Рёбра не отзывались.

Плечо тоже.

Он осторожно повернул корпус.

Ничего.

Провёл ладонью по груди.

Никаких повязок.

Никаких трубок.

Никаких электродов.

Только тонкая белая рубашка из странной грубоватой ткани.

Александр опустил ноги с кровати.

И окончательно понял, что дело не только в руке.

Ноги были другими.

Намного тоньше его собственных.

Хотя тоньше — не совсем правильное слово.

Мышц почти не было.

Зато живот под рубашкой ощущался вполне отчётливо.

Александр поднял ткань.

Посмотрел.

Помолчал.

— Да ладно.

Мягкий живот.

Белая кожа.

Никакого пресса.

Ни следа привычного рельефа.

Он потрогал бедро.

Потом напряг квадрицепс.

Мышца послушалась, но выглядела так, будто до сегодняшнего дня её существование носителю этого тела особенно не мешало.

Александр несколько секунд сидел, глядя на собственную ногу.

Страх пришёл не сразу.

Сначала было профессиональное недоумение.

Он автоматически оценивал то, что видел.

Низкая мышечная масса.

Лишний жир.

Слабый тонус.

Пульс высокий.

Кожа бледная.

Общее состояние после какого-то тяжёлого стресса.

Потом мозг наконец догнал очевидное.

Это было не его тело.

Александр поднял голову.

— Нет.

Сказал негромко.

Просто чтобы услышать.

Комната молчала.

— Нет-нет-нет.

Он встал.

Колени тут же задрожали.

Пришлось ухватиться за деревянную стойку кровати.

— Отлично.

Пульс подскочил ещё сильнее.

Александр закрыл глаза.

Паника сейчас ничего не давала.

Вообще ничего.

Есть проблема.

Значит, сначала данные.

Он заставил себя стоять.

Дождался, пока перестанут дрожать ноги.

Потом огляделся.

Комната была огромной.

Не гостиничной огромной.

Не той искусственной роскошью, где в центре ставят кровать размером с небольшую квартиру, чтобы показать стоимость номера.

Здесь пространство выглядело естественным.

Будто так и должно быть.

Кровать с высокими резными стойками.

Тяжёлый шкаф.

Низкий сундук возле стены.

Стол.

Несколько стульев.

Книжный шкаф.

Широкое окно почти от пола до потолка.

На стенах — тканевые полотна с изображениями людей, лошадей и каких-то зверей.

Ни одного телевизора.

Ни одной розетки.

Ни одного выключателя.

Телефона тоже не было.

Александр медленно повернулся вокруг себя.

— Больница отпадает.

Собственный голос всё ещё раздражал.
Он сделал первый шаг.
Ноги выдержали.
Второй.
На третьем пришлось остановиться.
Слабость была настоящей.
Не придуманной.
Организм будто работал на остаточном заряде.
У окна стоял кувшин.
Рядом — широкий кубок.
Александр посмотрел на воду.
Потом на кубок.
Потом снова на воду.
Хотелось выпить всё сразу.
Он заставил себя остановиться.
Неизвестно, сколько он пролежал.
Неизвестно, что с организмом.
Неизвестно вообще ничего.
Сначала немного.
Он налил воды.
Кувшин оказался тяжёлым, глиняным.
Пальцы едва заметно дрожали.
Александр сделал несколько маленьких глотков.
Подождал.
Желудок не возражал.
Выпил ещё.

Стало лучше почти сразу.

— Обезвоживание.

Хоть что-то знакомое.

Он поставил кубок и подошёл к окну.

И замер.

За стеклом был двор.

Большой.

Каменный.

С дорожками, аккуратно подстриженными кустами и несколькими огромными деревьями.

Дальше поднималась стена.

Настоящая крепостная стена.

По ней шёл человек.

Нет.

Не человек.

Мужчина.

В длинном тёмном плаще.

На поясе у него висел меч.

Александр моргнул.

Мужчина продолжил идти.

Во дворе стояли ещё двое.

Тоже с оружием.

Один держал копьё.

Настоящее.

Не декоративное.

Александр медленно отступил от окна.

В голове начали появляться варианты.

Очень плохие.

Ещё хуже.

И совсем бредовые.

Реконструкция?

Ролевой лагерь?

Съёмочная площадка?

Психиатрическая больница с крайне спорным дизайном?

Похищение?

Последний вариант хотя бы не нарушал известных законов физики.

Проблема была только в теле.

Его похитили, сделали неизвестную пластическую операцию, уменьшили рост, поменяли руки, голос и лет на десять омолодили.

Очень убедительная версия.

Оставалось только объяснить, зачем.

Александр подошёл к столу.

На нём лежали книги.

Настоящие, толстые, с кожаными корешками.

Рядом — листы бумаги.

Чернильница.

Перо.

И только теперь заметил зеркало.

Оно стояло возле шкафа.

Высокое.

Почти в полный рост.

Александр смотрел на него несколько секунд.

Подходить не хотелось.

Это было глупо.

Но не хотелось.

Потому что до сих пор можно было делать вид, что всё происходящее имеет какое-то рациональное объяснение.

Руки могли казаться другими после травмы.

Голос — из-за лекарств.

Слабость — после операции.

Даже незнакомую комнату ещё можно было как-нибудь запихнуть в реальность.

Зеркало должно было поставить точку.

Александр подошёл.

Из зеркала на него смотрел незнакомый парень.

Лет восемнадцать.

Может, девятнадцати.

Тёмные волосы лежали неровно, будто их давно не приводили в порядок.

Лицо круглое.

Слишком бледное.

Под глазами тени.

Щёки мягкие.

Плечи узкие.

Красивым Александр его бы не назвал.

Некрасивым тоже.

Обычный молодой парень, который явно никогда серьёзно не занимался своим телом.

Он поднял руку.

Парень в зеркале повторил.

Александр коснулся щеки.

Отражение сделало то же самое.

— Вот теперь можно паниковать.

Не помогло.

Как ни странно, наоборот.

Когда невозможное окончательно стало фактом, мозг снова начал работать.

Хорошо.

Не хорошо.

Но допустим.

Факт первый: авария была.

Он её помнил.

Факт второй: он, скорее всего, умер.

Здесь возникало внутреннее сопротивление.

Слово было слишком окончательным.

Но альтернативы выглядели ещё хуже.

Факт третий: сейчас он находился в чужом теле.

Факт четвёртый: место незнакомое..

Факт пятый...

Александр напрягся.

Что он вообще помнил?

Он закрыл глаза.

Свою квартиру.

Помнил.

Зал.

Антон.

Егора.

Марину.

Мать.

Машину.

Школу.

Университет.

Первое соревнование.

Как открывал зал.

Как три месяца подряд практически жил там, потому что денег на нормальный штат ещё не было.

Свою жизнь он помнил.

До аварии.

Всё.

А это тело?

Пусто.

Александр попытался представить человека из зеркала.

Имя?

Ничего.

Родители?

Ничего.

Дом?

Ничего.

Комната?

Ничего.

Мужчины с мечами?

Ничего.

Он посмотрел на кровать.

Попытался вспомнить, как лёг в неё.

Пустота.

Не туман.

Не провал, за которым что-то пряталось.

Просто отсутствие информации.

Будто ему показали фотографию чужой комнаты и спросили, что здесь происходило вчера.

Откуда ему знать?

Александр почувствовал, как по спине прошёл холод.

— Хорошо.

Слово прозвучало неубедительно.

Он сделал вдох.

— Значит, так.

Никаких воспоминаний.

Это было плохо.

Очень плохо.

Если здесь существовал человек с этим лицом, у него были имя, семья, знакомые, обязанности.

И кто-то наверняка скоро войдёт.

А Александр понятия не имел, как с ними разговаривать.

Он даже не знал, на каком языке разговаривают здесь.

Мысль пришла слишком поздно.

За дверью слышались шаги.

Александр замер.

Один человек.

Шёл тяжело.

Неторопливо.

Шаг.

Пауза.

Шаг.

Уверенно.

За дверью кто-то остановился.

Александр вдруг отчётливо осознал, что стоит посреди комнаты босиком, в одной длинной рубашке и держится рукой за стол.

Отличная позиция для знакомства с неизвестным миром.

Дверь открылась.

В комнату вошёл старик.

Первое слово, которое пришло Александру в голову, было неправильным.

Старик.

Да.

Человеку явно было далеко за шестьдесят.

Седые волосы.

Коротко подстриженная борода.

Глубокие морщины.

Но стариком в привычном смысле он не выглядел.

Слишком прямая спина.

Слишком широкие плечи.

Слишком спокойно двигался.

Такие движения Александр видел у людей, которые десятилетиями занимались единоборствами.

Никакой лишней суеты.

Шаг поставлен точно.

Корпус собран.

Вес распределён правильно.

Даже дверь он закрыл движением, в котором не было ни грамма лишнего усилия.

На старике была тёмная одежда непривычного покроя.

Без украшений.

Только на груди поблёскивала небольшая металлическая застёжка.

На левом боку висел меч.

Не церемониальный.

По крайней мере, рукоять была потёрта слишком сильно для украшения.

Мужчина увидел Александра.

И остановился.

На лице почти ничего не изменилось.

Почти.

Александр успел заметить, как на мгновение ослабли губы.

Как будто человек несколько часов держал себя в руках и

только сейчас позволил себе поверить, что всё закончилось.

— Ярослав.

Александр понял слово.

Нет.

Не слово.

Имя.

И остальную речь тоже понял.

Он только сейчас осознал странность.

Старик говорил не по-русски.

Александр был в этом уверен.

Звуки отличались.

Но смысл возникал в голове сразу.

Без перевода.

Будто язык был родным.

Ещё один факт.

В список.

Потом.

Сейчас важнее было другое.

Старик сделал шаг к нему.

— Ты встал.

В голосе прозвучало неодобрение.

И облегчение.

Странная смесь.

— Мне сказали, тебе нельзя вставать как минимум до вечера.

Александр открыл рот.

Закрыл.

Что отвечать человеку, который явно тебя знает?

Здравствуйте, простите, а вы кто?

Можно.

Наверное.

Старик нахмурился.

— Ярослав?

Имя повторилось.

Значит, так зовут тело.

Александр медленно выпрямился.

— Я...

Горло пересохло.

Он взял кубок и отпил воды.

Старик внимательно следил за каждым движением.

Слишком внимательно.

— Простите.

Незнакомец не отреагировал на форму обращения.

— За что?

— Я не совсем понимаю, что происходит.

Тишина.

Лицо старика изменилось.

Совсем немного.

Но Александр увидел.

Тревога вернулась.

— Сядь.

Это прозвучало не как просьба.

Александр решил не спорить.

До кровати было четыре шага.

На третьем ноги опять задрожали.

Старик оказался рядом мгновенно.

Подхватил его под локоть.

Сильная рука.

Очень сильная для этого возраста.

Александр автоматически отметил хват.

И сразу разозлился на себя.

Человек, возможно, сейчас объяснит, почему он находится в теле восемнадцатилетнего парня в замке с вооружённой охраной, а он оценивает силу предплечья.

Профессиональная деформация.

Старик помог ему сесть.

Сам придвинул стул.

Сел напротив.

Между ними осталось около двух метров.

Не близко.

Не далеко.

Александр заметил, что мужчина специально выбрал позицию, с которой видел его целиком.

— Посмотри на меня.

Александр посмотрел.

— Ты знаешь, кто я?

Прямо.

Без подготовки.

— Нет.

Ответ вырвался сразу.

Старик не шевельнулся.

— Совсем?

Александр внимательно посмотрел на его лицо.

Попробовал найти хоть что-то.

Фотографию.

Ассоциацию.

Обрывок.

Ничего.

— Совсем.

Мужчина медленно вдохнул.

— Хорошо.

Слово не соответствовало выражению его лица.

— Как тебя зовут?

Вот здесь Александр замялся.

— Александр.

Старик застыл.

Теперь реакция была заметной.

Взгляд стал жёстче.

— Повтори.

— Александр.

— Тебя зовут Ярослав.

— Судя по всему.

Старик несколько секунд молчал.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Тебе восемнадцать.

Александр посмотрел на свои руки.

— Я уже понял, что с этим есть проблема.

Мужчина не улыбнулся.

Наверное, не лучшее время для шуток.

— Как называется этот дом?

— Не знаю.

— Город?

— Не знаю.

— Земли, на которых ты находишься?

— Не знаю.

— Имя твоей сестры?

Вопрос ударил неожиданно.

Александр поднял глаза.

— У него есть сестра?

Старик побледнел.

Вот теперь по-настоящему.

— У тебя.

— Простите. Я...

Он остановился.

Слишком рано.

Нужно было сначала понять ситуацию.

Собрать больше информации.

Именно так он поступил бы с любой проблемой.

Не принимать решение, пока данных недостаточно.

Но перед ним сидел человек, которому, судя по первой реакции, Ярослав был очень дорог.

Продолжать притворяться означало вытягивать из него информацию вопросами и одновременно изображать кого-то другого.

Александру это не нравилось.

Старик тем временем продолжил:

— Что ты помнишь о вчерашнем дне?

— Ничего.

— Об инициации?

Слово было незнакомым по смыслу, хотя он его понял.

— Нет.

— О храме?

— Нет.

— О лекаре?

— Нет.

— О том, что произошло после ритуала?

— Нет.

Ритуала.

Храм.

Инициация.

Александр мысленно складывал слова.

Картина не становилась понятнее.

Старик поднялся.

Прошёл к окну.

Несколько секунд стоял к Александру спиной.

— Лекарь предупреждал, что такое возможно.
Александр насторожился.

— Что именно?

— Потеря памяти.

Это объясняло вопросы.

И одновременно давало идеальный выход.

Самый простой.

Сказать, что ничего не помнит.

Принять имя Ярослав.

Слушать.

Смотреть.

Учиться.

Рано или поздно понять правила этого места.

Безопасно.

Рационально.

Наверное.

Старик повернулся.

И впервые Александр увидел в его лице не воина.

Не опасного пожилого мужчину.

Просто человека, который боялся.

— Ты не помнишь меня, — тихо сказал он. — Хорошо.

Это можно пережить.

Он произнёс последнее словно самому себе.

— Ты не помнишь дом. Научишься. Не помнишь людей

— тебе их назовут. Историю рода выучишь заново.

Он подошёл ближе.

— Мне важно другое.

Александр ждал.

— Ты понимаешь, кто ты?

Тот не ответил.

Старик присел напротив.

— Посмотри на меня.

Александр посмотрел.

— Я твой дед.

Вот оно.

Никаких эмоций.

Именно это оказалось хуже всего.

Александр смотрел на человека напротив и не чувствовал ничего.

Не потому, что был бесчувственным.

Просто перед ним сидел незнакомец.

А в глазах незнакомца было столько надежды, что становилось физически неуютно.

Его дед.

Дед Ярослава.

Мужчина, который, вероятно, провёл здесь всю ночь.

Который только что вошёл и на секунду потерял свою железную выдержку, увидев внука на ногах.

Александр мог сказать:

Я ничего не помню.

Это даже было правдой.

Почти.

Оставалось только не уточнять, что вспоминать ему нечего.

Самый безопасный вариант.

Самый разумный.

И самый мерзкий.

Он вспомнил, как сам учил людей не подгонять результаты дневника под красивую картинку.

Факты должны оставаться фактами.

Иначе всё остальное перестаёт иметь смысл.

Конечно.

Очень подходящий момент для принципов.

Александр провёл ладонью по лицу.

— Можно вопрос?

— Спрашивай.

— Ваш внук... каким он был?

Взгляд старика стал острее.

— Почему ты спрашиваешь о себе в третьем лице?

Вот и всё.

Дальше отступить было некуда.

Александр опустил руки на колени.

Посмотрел на незнакомые пальцы.

Потом снова на старика.

— Потому что я не ваш внук.

Тишина стала абсолютной.

Даже звуки со двора словно исчезли.

Старик не шевельнулся.

Александр продолжил, пока хватало решимости.

— Я понимаю, как это звучит.

Никакой реакции.

— И я понимаю, что, возможно, сейчас совершаю очень большую ошибку.

Старик медленно поднялся.

Александр тоже хотел встать.

Не получилось.

Ноги были слишком слабы.

Он остался сидеть.

Мужчина смотрел сверху вниз.

Всё тепло из его лица исчезло.

— Объясни.

Одно слово.

Тихое.

Александр внезапно совершенно ясно понял: меч на его боку действительно не был украшением.

— Меня зовут Александр. Мне двадцать семь лет.

— Это ты уже сказал.

— Я помню свою жизнь.

Старик нахмурился.

— Какую жизнь?

— Другую.

— Что значит — другую?

Хороший вопрос.

Александр попытался подобрать слова.

Машина.

Фитнес-клуб.

Телефон.

Многоэтажные дома.

Самолёты.

Интернет.

Объяснять всё это сейчас было бессмысленно.

— Я жил в другом месте.

— В каком городе?

— Вы всё равно его не знаете.

— Назови.

— Москва.

Никакой реакции.

Даже узнавания слова.

— Государство?

— Россия.

Снова ничего.

— Твой род?

— У нас это... работает иначе.

— Имя отца.

Александр ответил.

Потом имя матери.

Старик задавал вопросы быстро.

Где родился.

Где учился.

Чем занимался.

Сколько лет.

Какие родственники.

Александр отвечал.

Не всё подробно.

Но честно.

С каждым ответом лицо старика становилось всё неподвижнее.

— Последнее, что ты помнишь?

Вот здесь Александр замолчал.

Перед глазами снова возникла белая кабина грузовика.

Чёрная решётка.

Ремень.

Стекло.

Невозможность вдохнуть.

— Я ехал на машине.

— На чём?

— Это... повозка. Только без лошадей.

Старик ничего не сказал.

— В меня врезалась другая.

— Повозка?

— Да.

Очень упрощённо.

— Потом?

— Я получил травмы.

— Какие?

— Серьёзные.

— Потом?

Александр посмотрел ему в глаза.

— Думаю, я умер.

В комнате снова стало тихо.

Старик медленно подошёл к окну.

На этот раз Александр видел его профиль.

— А потом?

— Открыл глаза здесь.

— В этой комнате?

— Да.

— И ты утверждаешь, что до этого никогда её не видел?

— Да.

— Меня?

— Нет.

— Ярослава?

Александр сглотнул.

— Только в зеркале.

Пальцы старика сжались на подоконнике.

Дерево тихо скрипнуло.

Александр услышал это с другого конца комнаты.

Он посмотрел на руку мужчины.

Потом на толстую деревянную доску.

Так.

Это тоже в список.

Позже.

Если будет это самое «позже».

Старик повернулся.

— Ты понимаешь, что именно мне говоришь?

— Примерно.

— Нет.

Он подошёл ближе.

— Не понимаешь.

В голосе не было крика.

От этого становилось хуже.

— Мой внук вчера вошёл в храм живым. После инициации у него остановилось сердце.

Александр замер.

Старик продолжал:

— Лекари вернули его.

Короткая пауза.

— Или решили, что вернули.

Александр почувствовал неприятный холод в животе.

Вот теперь ситуация приобрела совсем другой оттенок.

— Я не знаю, что произошло.

— Удобный ответ.

— Другого нет.

Старик остановился прямо перед ним.

— Что ты такое?

Александр несколько секунд смотрел на него.

— Не знаю.

— Кто тебя прислал?

— Никто.

— Как ты оказался в теле моего внука?

— Не знаю.

— Где Ярослав?

Вот на этот вопрос ответить оказалось трудно.

Александр отвёл взгляд.

— Не знаю.

— Он жив?

— Я не знаю.

— Ты убил его?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Жёстко.

Старик всмотрелся в его лицо.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что до того, как открыть здесь глаза, я понятия не имел, что он существует.

— Твои слова ничего не доказывают.

— Знаю.

— Ты можешь быть тварью, которая украла его тело.

Александр медленно кивнул.

— Могу.

Старик явно не ожидал.

— Что?

— С вашей точки зрения.

Александр вытер ладонью выступивший на лбу пот.

Разговор выматывал сильнее, чем должен был.

Тело опять начинало дрожать.

— Вы меня не знаете. Я говорю, что оказался в теле вашего внука после его... смерти или чего-то похожего. Я бы на вашем месте тоже не поверил.

Старик молчал.

— Но я действительно ничего не знаю о нём. Ни о вас. Ни об этом доме. Ни о том, что такое инициация.

— Ты говоришь на нашем языке.

Александр поморщился.

— Вот это я тоже объяснить не могу.

— Очень много того, чего ты не можешь объяснить.

— Мне это нравится не больше вашего.

На несколько секунд в глазах старика мелькнуло что-то похожее на злость.

— Не сравнивай.

Александр замолчал.

Справедливо.

Для него происходящее было кошмаром.

Для человека напротив — возможно, смерть внука.

Причём тело этого внука сейчас сидело перед ним и разговаривало чужим голосом, который только Александр считал чужим.

Он вдруг представил обратную ситуацию.

Мать подходит к его больничной койке.

Он открывает глаза.

Смотрит на неё.

И спокойно сообщает, что её сын умер, а внутри теперь кто-то другой.

Александр отвёл взгляд.

— Простите.

Старик замер.

— За что ты просишь прощения?

— Не знаю.

Он усмехнулся без радости.

— Наверное, потому что больше ничего сделать не могу.

Старик долго смотрел на него.

Потом неожиданно спросил:

— Почему ты сказал?

— Что?

— Ты мог промолчать.

Александр не ответил сразу.

— Мог.

— Потеря памяти после повреждения Источника возможна. Лекарь сам это сказал. Тебе достаточно было соглашаться.

— Да.

— Я бы рассказал тебе всё.

— Наверное.

— Ты получил бы дом. Имя. Положение. Всё, что принадлежит Ярославу.

Александр посмотрел на него.

— Но я не Ярослав.

— Это тело Ярослава.

— Знаю.

— Его лицо.

— Знаю.

— Его кровь.

— Видимо.

Старик резко прищурился.

— Тогда почему?

Александр задумался.

Нормального красивого ответа не было.

Сказать, что он очень честный?

Глупость.

Он врал.

Не раз.

Клиентам, когда говорил, что последние два повторения выглядели лучше, чем они выглядели на самом деле.

Сотрудникам, когда обещал разобраться «сегодня», а разбирался через три дня.

Самому себе, когда открывал холодильник ночью и уверял себя, что кусок сыра совершенно точно помещается в дневную норму калорий.

Святым он не был.

— Потому что вы смотрели на меня как на внука.

Старик не шелохнулся.

Александр пожал плечами.

— И я понял, что не смогу каждый раз делать вид, будто

имею право на этот взгляд.

Что-то изменилось.

Не сильно.

Меч не исчез.

Недоверие тоже.

Но старик больше не смотрел на него так, будто выбирал место для удара.

Он медленно вернулся к стулу.

Сел.

Несколько секунд молчал.

— Ярослав был плохим лжецом.

Александр не понял, что ответить.

— Это хорошо?

— Сейчас не знаю.

Впервые голос мужчины прозвучал устало.

Очень устало.

Он вдруг действительно стал выглядеть старше.

Не слабее.

Просто старше.

— Как мне вас называть?

Старик поднял глаза.

Вопрос явно задел его сильнее многих предыдущих.

— Моё имя тебе ничего не скажет.

— Пока вообще ничего не говорит.

На этот раз уголок рта мужчины едва заметно дёрнулся.

И тут же исчез.

— Всеволод.

Александр повторил:

— Всеволод.

— Для Ярослава я дед.

Он помолчал.

— А для тебя...

Фраза осталась незаконченной.

Александр не стал помогать.

Рано.

Слишком рано.

Всеволод поднялся.

— Ты никому больше ничего не скажешь.

Александр напрягся.

— Почему?

— Потому что до тех пор, пока я не пойму, что произошло, ты остаёшься Ярославом.

— Но я только что объяснил...

— Мне.

Всеволод отрезал слово одним взглядом.

— Ты объяснил это мне.

Он подошёл к двери.

— Если ты скажешь подобное лекарю, слугам, советникам или жрецам, события перестанут зависеть от моего решения.

Александр почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

— Что со мной сделают?

Всеволод задержал руку на дверной ручке.

— Я не знаю.

Очень честный ответ.

И именно поэтому самый неприятный.

— Отдыхай.

— Подождите.

Всеволод обернулся.

Вопросов было сотни.

Где он?

Что это за место?

Что произошло вчера?

Что такое Источник?

Почему он понимает язык?

Кто такая сестра?

Что случилось с родителями Ярослава?

Почему за окном люди ходят с мечами?

Но один вопрос оказался важнее остальных.

— Ваш внук точно умер?

Всеволод долго смотрел на него.

— Его сердце не билось почти четыре минуты.

Александр задержал дыхание.

— Потом начало снова.

— Да.

— Само?

— Нет.

— Что сделали?

Всеволод нахмурился.

— Зачем тебе это?

Александр посмотрел на чужие руки.

Тонкие.

Слабые.

Живые.

— Хочу понять, с чего всё началось.

Молчание.

Потом Всеволод впервые посмотрел на него иначе.

Не как на внука.

Не как на чудовище.

Как на проблему.

Которую тоже собирался понять.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнём с начала.

Он отпустил ручку двери.

И вернулся в комнату.

На этот раз он сел не напротив Александра, а чуть сбоку, возле окна.

Несколько секунд молчал.

— С чего ты хочешь начать?

Вопрос был настолько широким, что Александр почти рассмеялся.

С чего начать?

Например, с того, почему он умер в Москве, а проснулся в теле незнакомого восемнадцатилетнего парня в комнате, за окном которой ходят люди с мечами.

Или с того, почему он понимает язык, которого никогда не слышал.

Или с того, что такое Источник.

Или где вообще находится.

Но если разбирать всё сразу, получалась каша.

Александр привычно отсёк лишнее.

Сначала последнее известное событие.

— Что произошло с вашим внуком вчера?

Всеволод едва заметно напрягся.

— На инициации?

— Да.

— Ты понимаешь, что это?

— Слово понимаю. Что именно за ним стоит — нет.

Всеволод задумался.

— В восемнадцать лет человек проходит окончательное пробуждение Источника.

Александр ждал продолжения.

Не дождался.

— Что значит «пробуждение»?

— Источник становится полностью доступен.

— До этого он недоступен?

— Не полностью.

— Насколько?

Всеволод посмотрел на него.

— Ты всегда задаёшь столько вопросов?

— Обычно больше.

— Я заметил.

Александр чуть пожал плечами.

— Мне надо понять правила.

— Какие правила?

— Любые. Пока я даже не знаю, что здесь считается нормальным.

Всеволод медленно кивнул.

— До совершеннолетия Источник развивается вместе с человеком. Его можно почувствовать. Иногда использовать небольшую часть силы. Но настоящее обучение начинается после инициации.

— Почему именно после восемнадцати?

— Потому что раньше Источник нестабилен.

— У всех?

— Почти.

— Бывают исключения?

— Бывают.

Александр уже собирался спросить какие, но остановился.

Уходили в сторону.

— Хорошо. Ярослав пришёл на эту инициацию. Что произошло дальше?

Всеволод отвёл взгляд к окну.

— Сначала всё шло как обычно.

— Что значит «как обычно»?

Дед коротко вздохнул.

— Ты вошёл в круг. Жрец начал ритуал. Источник откликнулся.

— Как вы это поняли?

— По свечению знаков.

Александр мысленно добавил ещё одну неизвестную переменную.

Знаки.

Свечение.

Потом.

— Дальше?

— Дальше ты закричал.

Вот теперь Александр перестал перебивать.

Всеволод смотрел куда-то поверх его плеча.

— Никогда не слышал, чтобы человек так кричал.

Голос остался ровным.

Но пальцы на подлокотнике стула сжались.

— Жрец остановил ритуал. Ты упал. Лекарь был рядом.

— Дыхание?

Всеволод перевёл взгляд на него.

— Что?

— Он дышал?

— Сначала да.

— Потом?

— Нет.

— Сколько?

— Не знаю.

— Примерно.

— Может быть, полминуты. Может, меньше. Там никто не считал.

Александр кивнул.

— Пульс?

— Исчез.

— Сразу?

— Почти.

— Судороги были?

Всеволод нахмурился.

— Я рассказываю тебе, как умирал мой внук.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Александр замолчал.

Всеволод отвернулся.

Попал.

Причём заслуженно.

Александр провёл ладонью по колену.

— Простите.

Всеволод ничего не ответил.

— Я не пытаюсь превратить это в... отчёт.

— Именно это ты и делаешь.

— Да.

Пришлось признать.

— Потому что иначе я вообще не понимаю, что делать с этой информацией.

Всеволод посмотрел на него.

Александр продолжил:

— Если я теперь нахожусь в его теле, мне нужно знать, что это тело пережило. Было ли кислородное голодание. Что делали лекари. Что случилось с сердцем. Были ли повреждения до этого. Болел ли он.

— Зачем?

Вопрос прозвучал резко.

Александр удивился.

— Чтобы понять его состояние.

— Твоё.

Слово повисло между ними.

Всеволод повторил:

— Теперь это твоё состояние.

Александр посмотрел на свои руки.

Принять эту мысль оказалось сложнее, чем её услышать.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Моё.

Всеволод долго изучал его лицо.

Потом напряжение немного ушло из плеч.

— Лекарь пытался вернуть дыхание. Потом сердце.

— Как?

— Руками.

Александр поднял глаза.

— Руками?

— Давил на грудь. Потом использовал силу.

Интересно.

Значит, как минимум базовые принципы реанимации им известны.

Не совсем средневековые.

Или средневековые здесь вообще не имело никакого отношения к его представлениям о нём.

— Что значит «использовал силу»?

— Направлял собственную энергию в тело.

— Куда?

— Я не лекарь.

Разумно.

— Сердце начало работать после этого?

— После нескольких попыток.

— А Источник?

На этот раз Всеволод ответил не сразу.

— Почти исчез.

Александр нахмурился.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Он может исчезнуть?

— Источник не костёр, который можно задуть.

— Тогда почему вы говорите «исчез»?

Всеволод раздражённо выдохнул.

— Потому что вчера утром его можно было почувствовать. После ритуала — почти нет.

— До инициации он был нормальным?

Пауза.

— Нет.

Вот оно.

— Каким?

— Слабым.

— Насколько слабым?

Всеволод усмехнулся без веселья.

— Ты опять.

— Что?

— «Насколько».

— Это важный вопрос.

— Для тебя, видимо.

— Если он был слабым и стал ещё слабее, мне хотелось бы понимать разницу между этими состояниями.

— Я не могу назвать тебе число.

Александр почти автоматически спросил:

— Почему?

Всеволод посмотрел на него так, будто Александр предложил измерить длину души линейкой.

— Потому что Источник так не измеряют.

— А как?

— По наполненности. Силе отклика. Устойчивости. Скорости движения энергии.

Александр замолчал.

Уже лучше.

Появлялись параметры.

Пусть пока без чисел.

— Кто это определяет?

— Лекари. Наставники. Маги.

— На глаз?

— Не глазами.

— Я понимаю.

— Не уверен.

Всеволод поднялся.

— Через несколько минут придёт лекарь. Спроси у него.

— Он знает, что я...

— Нет.

Ответ был мгновенным.

— И не узнает.

— Понял.

— Ты потерял память после инициации.

— Всю?

— Большую часть.

— А речь?

— Сохранилась.

Александр кивнул.

— Хорошо.

Он немного подумал.

— А если лекарь спросит что-нибудь, чего я должен знать?

— Не помнишь.

— А если спросит имя?

— Ярослав.

— Мне придётся привыкнуть.

Всеволод посмотрел на него тяжело.

— Придётся.

Александр понял, что снова задел.

Не специально.

С этим человеком вообще нужно было учиться разговаривать заново.

Впрочем, не только с ним.

Со всем миром.

Он потёр виски.

— Последний вопрос.

— Ты уже говорил это три вопроса назад.

— Этот действительно последний.

Всеволод жестом разрешил.

— Что такое Источник?

Пауза.

— Если совсем просто?

— Пока желательно совсем просто.

Всеволод посмотрел на его грудь.

— То, благодаря чему человек может пользоваться магией.

Александр ждал.

— И всё?

— Ты просил просто.

— Справедливо.

— Источник собирает энергию, удерживает её и позволя-

ет направлять дальше.

— Где он находится?

Всеволод нахмурился.

— В человеке.

— Это я предполагал.

— Ты хочешь точное место?

— Да.

— Его нет.

Александр моргнул.

— Как это?

— Источник не орган.

— Но вы говорите, что он находится внутри тела.

— Потому что он связан с телом.

— С чем именно?

— Со всем.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Интересно.

Александр наклонился вперёд.

— Если человеку отрезать руку...

Всеволод резко поднял бровь.

— Что?

— Теоретически.

— Уже становится легче.

— Источник уменьшится?

— Нет.

— А способность проводить энергию через руку исчезнет?

Всеволод помолчал.

— Да.

— Значит, энергия идёт через тело.

— Конечно.

— Как?

— По путям.

— Каким?

— Александр.

Он впервые назвал его настоящим именем.

Получилось неожиданно.

— Я действительно не маг-наставник.

— Понял.

— Нет, не понял. Я вижу это по твоему лицу.

Александр прикрыл рот ладонью.

— Всё. Молчу.

— Было бы полезно.

За дверью слышались шаги.

На этот раз несколько человек.

Всеволод сразу изменился.

Усталость исчезла.

Плечи выпрямились.

Лицо снова стало спокойным.

Будто предыдущего разговора не было.

— Запомни, — тихо сказал он. — Для всех ты Ярослав.

Александр кивнул.

— Потерявший память.

— Да.

— Ничего не помню.

— Не переигрывай.

— Постараюсь забыть естественно.

Всеволод посмотрел на него.

И Александр впервые увидел, как уголок его рта действительно дрогнул.

Совсем немного.

Потом дверь открылась.

Лекарь оказался лет на десять моложе Всеволода.

Невысокий.

Худой.

С совершенно седыми волосами и неожиданно живыми глазами.

За ним вошёл молодой мужчина с деревянным ящиком.

Всеволод указал взглядом на помощника.

— Он останется снаружи.

Лекарь даже не спорил.

Взял ящик сам.

Помощник поклонился и вышел.

Александр отметил это.

Дед явно не собирался оставлять рядом лишних ушей.

— Доброе утро, молодой господин.

Александр чуть не ответил привычным «доброе».

Успел вовремя.

Просто кивнул.

Лекарь подошёл ближе.

— Глава рода сказал, что память пока не вернулась.

— Да.

Человек внимательно посмотрел на него.

— Меня узнаете?

— Нет.

— Имя своё?

Александр на мгновение задержался.

— Ярослав.

— Хорошо.

Слово почему-то прозвучало так, будто он только что правильно ответил на первый вопрос экзамена для пятилетних.

— Возраст?

— Восемнадцать.

Всеволод не шевельнулся.

Лекарь кивнул.

— Уже лучше, чем несколько часов назад.

Александр посмотрел на деда.

Тот ничего не объяснил.

— Ложитесь.

— Зачем?

Лекарь моргнул.

— Осмотреть вас.

— А.

Александр послушно вернулся на кровать.

Признаться, это оказалось даже приятно.

Ноги опять начали слабеть.

Лекарь сел рядом.

Сначала всё было почти знакомо.

Проверил глаза.

Попросил следить за пальцем.

Посмотрел язык.

Потрогал шею.

Положил пальцы на запястье.

Александр машинально начал считать вместе с ним.

Через некоторое время лекарь убрал руку.

— Частый.

— Сколько?

Взгляд лекаря остановился на нём.

— Что?

— Пульс.

— Частый.

— Я понял. Сколько ударов?

Тишина.

Всеволод кашлянул.

Подозрительно похоже на попытку скрыть смех.

Лекарь повернулся к нему.

— Он всегда был таким?

— Каким?

— Утомительным.

— Нет.

— Значит, что-то после инициации всё-таки улучшилось.
Александр решил промолчать.

Пока.

Лекарь снова взял его за запястье.

Считал дольше.

— Около ста.

Вот.

Уже информация.

— В покое?

— Ты сейчас лежишь.

— Значит, в покое.

Лекарь прищурился.

— Да.

— Высоковато.

— Ты лекарь?

— Нет.

— Тогда оставь мне хотя бы это.

— С удовольствием.

Дальше лекарь слушал дыхание, приложив ухо к груди.
Попросил глубоко вдохнуть.

Александр вдохнул.

Никакой боли.

Попросил поднять ноги.

Сначала одну.

Потом другую.

Сопротивлялся ладонями.

Сила была отвратительной.

Именно отвратительной.

Александр даже не ожидал настолько плохого результата.

Правую ногу лекарь удержал одной рукой почти без усилия.

— Ещё.

Александр напрягся.

Ничего.

— Достаточно.

— Для кого?

— Что?

— Для вас достаточно или у меня больше не получается?

Лекарь посмотрел на него с новым выражением.

— Больше не получается.

Прекрасно.

Александр опустил ногу.

Мышца уже мелко дрожала.

Несколько секунд сопротивления.

И всё.

В прошлой жизни он мог провести тяжёлую тренировку ног, потом ещё час спокойно ходить по залу и обсуждать с клиентом программу.

Сейчас несколько секунд изометрии превратили бедро в

желе.

Если бы кто-нибудь раньше сказал ему, что можно настолько испортить человеческое тело к восемнадцати годам, он бы сначала спросил про болезнь.

И именно поэтому пока не стоило делать выводы.

Может быть, болезнь и была.

Инициация.

Истощение.

Неизвестная магия.

Слишком мало данных.

— Теперь Источник, — сказал лекарь.

Александр сразу перестал думать о ноге.

— Что мне делать?

— Ничего.

— Отличная диагностика.

— Молодой господин.

— Молчу.

Лекарь положил правую ладонь Александру чуть ниже ключицы.

Левую — на живот.

Александр напрягся.

— Расслабьтесь.

— Легко сказать.

— Больно?

— Нет.

— Тогда расслабьтесь.

Александр выдохнул.
Первое ощущение было почти незаметным.
Тепло.
Не от ладони.
Глубже.
Будто под кожей разлили очень тёплую воду.
Оно прошло от груди к плечу.
Потом вниз.
Александр нахмурился.
Тепло двигалось.
Совершенно отчётливо.
Не просто становилось горячее в одном месте.
Именно двигалось.
Он перестал дышать.
— Дышите, — сказал лекарь.
Александр автоматически вдохнул.
Тепло ушло в руку.
До локтя.
Потом вернулось.
Перешло куда-то в грудь.
Ниже.
К животу.
Там ощущения вдруг стали неприятными.
Не боль.
Скорее пустота.
Будто что-то потянуло изнутри.

Александр дёрнулся.

Лекарь сразу убрал руки.

— Что почувствовали?

— А должен был?

Всеволод едва заметно качнул головой.

Точно.

Амнезия.

— Не знаю, — поправился Александр. — Я не помню, что должен был чувствовать.

Лекарь внимательно посмотрел на него.

— Опишите.

А вот это уже нормальный вопрос.

— Сначала тепло здесь.

Александр коснулся груди.

— Потом пошло к плечу. Вниз по руке. Вернулось. После этого сюда.

Ладонь легла на живот.

— А здесь будто провал.

Лекарь замер.

— Провал?

— Ощущение, что внутри пусто.

— Боль?

— Нет.

— Жжение?

— Нет.

— Холод?

Александр задумался.

— Скорее отсутствие чего-то.

Лекарь и Всеволод переглянулись.

Не понравилось.

Совсем не понравилось.

— Что? — спросил Александр.

Лекарь снова положил ладонь ему на грудь.

На этот раз ощущение пришло быстрее.

Теперь Александр был готов.

Тепло.

Плечо.

Рука.

Обратно.

Грудь.

Живот.

Но теперь он заметил ещё кое-что.

Движение действительно имело маршрут.

Каждый раз почти один и тот же.

Он хотел запомнить последовательность, но лекарь резко отдёрнул руку.

— Хватит.

— Почему?

— Хватит.

Лицо мужчины стало серьёзным.

Он поднялся.

Всеволод тоже.

— Говори.

Лекарь посмотрел на Александра.

Потом на деда.

— Лучше снаружи.

— Нет.

Одно слово.

Лекарь помолчал.

— Он должен знать?

— Теперь должен.

Александр отметил это «теперь».

Ещё несколько часов назад настоящий Ярослав, видимо, знать не должен был.

Или его просто берегли.

— Источник сохранился, — сказал лекарь.

Всеволод медленно выдохнул.

Значит, это хорошая новость.

— Но?

Лекарь посмотрел на Александра.

— Почти пуст.

— Насколько?

Всеволод закрыл глаза.

Лекарь же, напротив, словно ожидал вопроса.

— Я не могу сказать точнее.

— Вообще?

— Вообще.

— А вчера?

— Был слабым.

— Это я уже слышал.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что «слабый» и «почти пустой» — разные вещи.

Лекарь помолчал.

— Разные.

— Значит, ухудшился.

— Значительно.

Хорошо.

Хотя ничего хорошего.

Но хотя бы понятнее.

— Он повреждён?

— Возможно.

— Возможно?

— Я не могу сейчас определить.

— Почему?

— Потому что каждое вмешательство заставляет Источник откликаться.

Александр понял первым.

— А вы не хотите лишний раз его нагружать.

Лекарь посмотрел на него удивлённо.

— Именно.

— Разумно.

Теперь удивился уже Всеволод.

Александр пожал плечами.

— Если орган повреждён, его тоже не проверяют каждые пять минут максимальной нагрузкой.

— Источник не орган, — автоматически сказал лекарь.

— Я уже слышал.

Лекарь долго смотрел на него.

— Память ты потерял, а спорить не разучился.

— Возможно, это врождённое.

Всеволод снова кашлянул.

На этот раз Александр был почти уверен.

Смеётся.

Лекарь открыл ящик и достал маленький флакон.

— По три капли после еды.

Александр посмотрел на мутную зелёную жидкость.

— Что это?

Лекарь замер.

Потом, видимо вспомнив об амнезии, ответил:

— Восстанавливающий настой.

— Что в составе?

— Молодой господин...

— Это нормальный вопрос.

— Корень желницы, лист серебрянки, сушёная ягода креста и основа.

Александр ничего не понял.

— Побочные эффекты?

Лекарь посмотрел на Всеволода.

— Возможно, память всё-таки лучше вернуть.

— Ответь, — сказал дед.

Лекарь вздохнул.

— Сонливость. Иногда тошнота. Если выпить слишком много — расстройство желудка.

— Хорошо.

— Что именно хорошего?

— Что вы знаете побочные эффекты.

Лекарь несколько секунд молчал.

— А почему мы не должны их знать?

— Неважно.

Ещё одна галочка.

Мир не состоял из дикарей, которые лечили всё кровопусканием и молитвой.

Это радовало.

Хотя усложняло будущую жизнь.

С идиотами спорить проще.

С компетентными людьми, просто использующими другую систему знаний, гораздо сложнее.

Лекарь закрыл ящик.

— Минимум три дня постельного режима.

Александр нахмурился.

— Совсем лежать?

— Вставать только по необходимости.

— Почему?

— Потому что вы едва стоите.

Справедливо.

— Через три дня?

— Посмотрим.

— Что именно должно измениться?

Лекарь замер у двери.

— Слабость уменьшится.

— Как мы это определим?

— Ты почувствуешь.

Александр поморщился.

— Другой способ есть?

— Молодой господин...

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

Лекарь вернулся на шаг.

— Тело — не торговая книга. Не всё в нём можно записать числом.

Александр посмотрел на него.

Очень знакомая фраза.

Он слышал подобное десятки раз.

Мне кажется, я ем мало.

Я нормально сплю.

Тренировка была тяжёлая.

Вроде восстановился.

А потом человек впервые начинал записывать еду, сон, подходы и пульс — и внезапно выяснялось, что «кажется» очень плохо совпадает с реальностью.

Но сейчас спорить было рано.

Он ничего не знал о местной медицине.

И вполне мог оказаться тем самым идиотом, который после двух минут знакомства с новой областью уже решил объяснять специалисту, как работать.

— Хорошо, — сказал Александр. — Буду лежать.

Лекарь подозрительно прищурился.

— Правда?

— Три дня не вечность.

— Ярослав обычно спорил.

Александр почувствовал взгляд Всеволода.

Опасная тема.

— Видимо, вчера мне хватило.

Ответ устроил лекаря.

Или он сделал вид.

— Главное, — продолжил тот, — никакой магии.

— Я не умею.

— Тем лучше.

— И никаких нагрузок на Источник, — добавил лекарь.

— Его сейчас нужно беречь.

Фраза прошла мимо Александра почти незаметно.

Потому что звучала совершенно логично.

После остановки сердца, неизвестного повреждения и почти полного истощения любой нормальный человек сказал бы то же самое.

Беречь.

Восстанавливаться.

Не лезть под нагрузку.

Именно так Александр поступил бы с клиентом после серьёзной травмы.

— Понял.

Лекарь открыл дверь.

И в этот момент из коридора раздался детский голос:

— Я знаю, что он проснулся!

Всеволод закрыл глаза.

Лекарь остановился.

Александр повернул голову.

— Открывайте!

Кто-то снаружи тихо ответил:

— Молодая госпожа, вам сказано подождать.

— Мне вчера тоже сказали подождать!

— Ваш брат должен отдыхать.

— Он уже сутки отдыхает!

Александр посмотрел на Всеволода.

— Сестра?

Тот медленно кивнул.

За дверью что-то стукнуло.

Похоже, маленький кулак.

— Дедушка!

Всеволод сделал шаг к двери.

— Я здесь.

— Я знаю!

— Тогда зачем кричишь?

— Чтобы ты вышел!

Лекарь отвёл взгляд.

Плечи у него подозрительно дрогнули.

Всеволод открыл дверь ровно настолько, чтобы самому выйти в проём.

Александр видел только кусок коридора.

И маленькую ладонь, тут же попытавшуюся пролезть внутрь.

Всеволод поймал её.

— Нет.

— Почему?!

— Потому что я сказал.

— Это не причина.

Александр невольно поднял брови.

Семь-восемь лет?

Очень перспективно.

— Это исчерпывающая причина.

— Для тебя!

— И для тебя.

— Нет!

— Да.

— Я просто посмотрю.

— Нет.

— Одним глазом.

— Каким?

Наступила пауза.

— Правым.

Александр закусил губу.

Всеволод медленно повернул голову и посмотрел на него.

Прямо через щель.

Александр сделал самое невинное лицо, на какое был способен.

Получилось плохо.

— Ярослав! — тут же крикнули из коридора. — Ты правда проснулся?

Он застыл.

Как отвечал прежний Ярослав?

Как называл сестру?

Каким тоном разговаривал?

Ничего.

Всеволод смотрел на него.

Лекарь тоже.

Молчать было ещё страннее.

— Проснулся, — ответил Александр.

За дверью стало тихо.

Совсем.

Потом детский голос спросил уже гораздо тише:

— Тебе больно?

Что-то неприятно сжалось в груди.

— Нет.

Небольшая пауза.

— Точно?

— Точно.

— Они врут.

— Кто?

— Все.

Всеволод тяжело выдохнул.

— Я не вру.

— Врёшь.

— Мирослава.

Имя.

Александр запомнил сразу.

Мирослава.

— Ты вчера сказал, что он просто спит!

— Он спал.

— А тётя Варвара плакала.

— Это не доказательство моей лжи.

— Она никогда не плачет.

Всеволод замолчал.

Похоже, возразить было нечего.

Александр смотрел на кусок маленькой руки, всё ещё видневшийся за дверью.

У настоящего Ярослава была сестра.

Не абстрактный пункт биографии.

Не строка в чужой жизни.

Вот она.

Стояла в нескольких метрах.

Не спала, скорее всего, полночи.

Спорила со взрослыми.

И ждала брата.

Которого больше не было.

По крайней мере, Александр не знал, где он.

— Ярослав?

Он сглотнул.

— Что?

— Ты меня помнишь?

Вот и всё.

Всеволод резко посмотрел на него.

Молчание затянулось.

Александр мог соврать.

Маленькая ложь.

Даже добрая.

Сказать «да».

Улыбнуться.

Ребёнку станет легче.

Но потом придётся знать то, чего он не знает.

Продолжать.

Путаться.

И одна ложь потребует следующую.

— Нет, — тихо сказал он.

За дверью стало совершенно тихо.

— Ничего?

— Пока ничего.

Он специально добавил последнее слово.

Не обещание.

Просто возможность.

Мирослава долго не отвечала.

Потом спросила:

— Даже меня?

— Даже тебя.

Ему стало почти физически плохо от того, насколько чужим прозвучал собственный ответ.

С той стороны двери послышался быстрый вдох.

Всеволод уже хотел что-то сказать, но девочка опередила:

— Тогда я тебе всё расскажу.

Александр моргнул.

— Что?

— Про меня.

Голос дрогнул.

Но упрямство победило.

— Чтобы ты снова знал.

Всеволод закрыл глаза.

Александр не нашёл ответа.

— Только не сегодня, — сказал дед.

— Завтра.

— Посмотрим.

— Завтра.

— Мирослава.

— Завтра!

По удаляющимся шагам было понятно: переговоры она

считала успешно завершёнными.

Всеволод некоторое время стоял в дверях.

Потом лекарь тихо сказал:

— Я вернусь вечером.

Никто не ответил.

Он ушёл.

Дверь закрылась.

— Мирослава, — повторил Александр.

Всеволод вернулся в комнату.

— Восемь лет.

— Она всегда такая?

— Нет.

Александр удивился.

— Обычно хуже.

Он не выдержал.

Рассмеялся.

Смех тут же отозвался слабостью в животе.

Пришлось остановиться.

Всеволод смотрел на него странно.

— Что?

— Ничего.

Но было что-то.

Александр видел.

Всеволод отвёл взгляд первым.

— Ты смеёшься похоже.

Веселье исчезло сразу.

— На него?

— Да.

Повисла пауза.

Вот оно.

Первые совпадения.

Не воспоминания.

Не чудо.

Просто два разных человека могли смеяться похожим образом.

Но для Всеволода сейчас даже этого было достаточно, чтобы сделать большее.

Александр посмотрел в сторону окна.

— Простите.

— Перестань просить прощения за каждое движение.

— Постараюсь.

Всеволод сел.

— У нас другая проблема.

— Одна?

— Не начинай.

Александр поднял руки.

— Молчу.

— Через несколько часов о том, что ты пришёл в себя, будет знать весь дом.

— Быстро.

— Через день — город.

— Ещё лучше.

— Через несколько дней начнут спрашивать другие роды.

Вот теперь стало интереснее.

И неприятнее.

— Почему?

— Потому что ты наследник.

Александр посмотрел на него.

— Наследник чего?

Всеволод несколько секунд молчал.

— Рода.

— Вашего?

— Нашего.

Снова это слово.

Нашего.

Александр пока не стал исправлять.

— Насколько большого?

— Достаточно древнего, чтобы твоё состояние интересовало людей, которые нам совершенно не нравятся.

— Это не размер.

— Нет.

— Вы специально отвечаете так, чтобы после каждого ответа появлялось ещё пять вопросов?

— Теперь понимаешь, что чувствую я.

Справедливо.

— Хорошо. Пока не буду спрашивать про род.

— Спасибо.

— Но мне нужно понимать, как себя вести.

— Именно.

Всеволод сложил руки.

— Для остальных у тебя повреждение памяти после инициации.

— Полное?

— Нет.

— Почему?

— Потому что полная потеря памяти вызовет слишком много вопросов.

Александр задумался.

— То есть что-то я должен помнить.

— Самые простые вещи.

— Например?

— Как тебя зовут. Кто я. Кто Мирослава. Название рода.

Где мы живём.

— А я этого пока не знаю.

— Узнаешь.

— Сегодня?

— Начнём сегодня.

— Лекарь сказал отдыхать.

— Ты можешь слушать лёжа.

— С этим не поспоришь.

— И ещё.

Всеволод стал серьёзнее.

— Никому не рассказывай о своей прошлой жизни.

— Я понял.

— Нет. Я хочу, чтобы ты действительно понял.

Он наклонился вперёд.

— Я пока допускаю, что ты говоришь правду.

— Очень обнадеживает.

— Это больше, чем ты имел час назад.

— Тоже верно.

— Но другие не обязаны поверить.

Александр молчал.

— Для жрецов ты можешь оказаться одержимым. Для некоторых магов — интересным объектом исследования. Для наших врагов — удобным поводом объявить наследника недееспособным.

Последнее слово прозвучало особенно неприятно.

— Что тогда?

— Тогда право рода на некоторые вещи можно оспорить.

— Какие вещи?

— Позже.

Александр вздохнул.

— Ненавижу это слово.

— Привыкай.

Всеволод поднялся.

— Сегодня тебе нужно одно.

— Лежать?

— Учиться молчать.

— Это гораздо сложнее.

— Я уже заметил.

Он направился к двери.

— Через два часа принесу тебе еду и начну рассказывать то, что ты должен знать.

— Вы сами?

Всеволод остановился.

— Пока да.

— Почему не учитель?

— Потому что обычный учитель после третьего твоего вопроса пойдёт докладывать, что у наследника не потеря памяти, а что-то значительно хуже.

Александр усмехнулся.

— Разумно.

— Кроме того, я хочу слышать твои вопросы.

— Зачем?

Всеволод посмотрел на него через плечо.

— Потому что пока это лучший способ понять, кто сидит в теле моего внука.

Дверь открылась.

— Всеволод.

Он остановился.

Александр ещё не привык произносить имя.

Особенно без отчества.

Особенно человеку, который мог одной рукой, кажется, согнуть его пополам.

— Что?

Александр замялся.

— Спасибо.

Всеволод ничего не ответил.

Только кивнул.

И вышел.

Оставшись один, Александр примерно минуту смотрел на закрытую дверь.

Потом лёг.

Потом снова сел.

Потом опять лёг.

Через тридцать секунд понял, что так ничего не выйдет.

Голова была слишком забита.

Слишком много информации.

Причём каждая новая порция не объясняла предыдущую, а открывала ещё три неизвестных.

Александр посмотрел на стол.

Бумага.

Чернила.

Перо.

Он медленно поднялся.

Лекарь велел лежать.

До стола было шесть шагов.

Это точно не считалось серьёзным нарушением режима.

Наверное.

На четвёртом шаге пришлось остановиться.

Александр подождал.

Пульс опять ускорился.

Слабость раздражала почти физически.

Он ненавидел состояние, когда тело ограничивало его сильнее, чем собственное решение.

В прошлой жизни он мог не тренироваться.

Мог снизить вес.

Мог закончить подход.

Но это был выбор.

Сейчас выбора не было.

Шесть шагов превращались в задачу.

Александр дошёл до стола.

Сел.

Перед ним лежали листы.

Он взял перо.

Посмотрел на него.

— Конечно.

Последний раз перьевой ручкой он писал, наверное, в какой-нибудь декоративной гостевой книге.

Обычным пером — никогда.

Первые две попытки закончились кляксой.

На третьей получилось что-то похожее на букву.

Александр смотрел на неё несколько секунд.

Русскую букву.

«А».

В этом мире она, скорее всего, ничего не значила.

Он почувствовал неожиданное облегчение.

Хоть что-то осталось его.

Не тело.

Не голос.

Не имя, которым его теперь будут называть.

Но язык остался.

Память осталась.

Почерк.

Мысли.

Он написал медленно:

Александр.

Посмотрел.

Добавил ниже:

27 лет.

Потом остановился.

Перечеркнул.

Нет.

Нужна структура.

Он взял новый лист.

Наверху написал:

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ.

Получилось криво.

Плевать.

Ниже:

1. Я — Александр.

Подумал.

Дополнительно:

Для остальных — Ярослав.

Важное уточнение.

2. Мне было 27 лет. Телу — 18.

3. Я попал сюда после аварии. Вероятнее всего, умер.

Перо остановилось.

Слово «умер» всё ещё выглядело неправильно.

Слишком спокойно.

Слишком буднично.

Будто речь шла о закрытом банковском счёте.

Александр несколько секунд смотрел на строку.

Перед глазами возникло последнее сообщение матери.

Скрин сделала.

Он резко отвернулся.

Не сейчас.

Просто не сейчас.

Иначе можно было лечь обратно в кровать и уже действительно не вставать три дня.

Он заставил себя продолжить.

4. Предыдущего владельца тела звали Ярослав.

Слово «владельца» не понравилось.

Перечеркнул.

Написал:

Ярослав, 18 лет.

Лучше.

5. Ярослав прошёл инициацию. После неё остановилось сердце.

6. Сердце не билось около четырёх минут.

7. После этого проснулся я.

Александр постучал пером по столу.

Следующее.

8. Здесь существует магия.

Он посмотрел на фразу.

Ещё вчера она выглядела бы как начало плохого сценария.

Теперь — пункт списка.

Удивительно быстро человек привыкает к невозможному, если невозможное начинает мешать жить.

9. Магия связана с Источником.

10. Источник Ярослава был слабым. После инициации почти опустел. Возможно повреждение.

Он остановился.

Не факт.

Лекарь сказал «возможно».

Значит, именно так и надо записать.

Не превращать предположение в знание.

11. Источник нужно пока не нагружать.

Александр кивнул.

Потом добавил:

12. Энергия ощущается как тепло и движется по

определённому маршруту.

Вот здесь было интересно.

Он вспомнил ощущение под ладонями лекаря.

Грудь.

Плечо.

Рука.

Назад.

Живот.

Маршрут.

Не хаос.

Он хотел нарисовать схему, но остановился.

Одного опыта мало.

Очень легко увидеть закономерность там, где её нет.

Сначала повторить.

Потом сравнивать.

Перо снова закрипело.

13. Я понимаю устную речь, но возможно не понимаю письменность.

14. Всеволод — дед Ярослава. Знает правду. Пока помогает.

Он задумался над последним словом.

Пока.

Оставил.

Не потому что не доверял.

Потому что знал человека меньше часа.

15. Мирослава — сестра Ярослава. 8 лет. Правду не

знает.

Перо остановилось.

Он вспомнил:

Тогда я тебе всё расскажу.

Странно.

Эта фраза зацепила сильнее разговора о собственной смерти.

Александр отложил лист.

Взял второй.

Написал:

НУЖНО УЗНАТЬ.

Список получился гораздо длиннее.

Где он находится?

Что за государство?

Как устроен род?

Кто такой Ярослав?

Что случилось с его родителями?

Почему Всеволод сказал «наши враги»?

Что именно даёт Источник?

Что считается нормальным Источником?

Можно ли его восстановить?

Почему Александр понимает речь?

Почему не понимает письменность?

Что происходит с памятью прежнего владельца?

Есть ли она вообще?

И самый неприятный:

Где настоящий Ярослав?

Александр долго смотрел на вопрос.

Потом добавил:

Можно ли вернуться домой?

Вот теперь рука остановилась окончательно.

Домой.

Допустим.

Предположим на секунду, что можно.

Что там?

Его тело?

Раздавленная машина?

Похороны?

Мать?

Сколько времени прошло?

Минута?

День?

Год?

А если здесь и там время идёт по-разному?

А если никакого «там» для него больше нет?

— Стоп.

Он сказал вслух.

Началось.

Самая бесполезная разновидность мыслительной деятельности.

Строить версии при отсутствии данных.

Можно придумать тысячу объяснений и не проверить ни

одного.

Александр жирно подчеркнул:

НЕ ДЕЛАТЬ ВЫВОДОВ БЕЗ ДАННЫХ.

Посмотрел.

Усмехнулся.

Вот теперь действительно похоже на его дневник.

Третий лист.

Он написал:

ТЕЛЮ.

Это было проще.

Знакомая территория.

Пусть тело чужое.

Но принципы пока выглядели достаточно человеческими.

Возраст — восемнадцать.

Рост?

Неизвестно.

Можно будет измерить.

Вес?

Тоже неизвестно.

Нужны весы.

Интересно, есть здесь весы?

Наверняка есть.

Торговцы же как-то взвешивают товары.

Но человека?

Позже.

Он записал то, что мог оценить сейчас.

Низкая мышечная масса.

Избыточная жировая масса.

Слово «избыточная» он несколько секунд обдумывал.

Возможно, не настолько большая.

Просто после собственного прошлого тела контраст казался чудовищным.

Перечеркнул.

Написал:

Жировая масса выше оптимальной для меня. Точный уровень неизвестен.

Так лучше.

Пульс в покое около 100.

Сильная общая слабость.

Быстрая утомляемость.

После нескольких секунд сопротивления — дрожь мышц.

Ортостатическая реакция: головокружение при резком подъёме.

Он посмотрел на термин.

Если кто-нибудь здесь когда-нибудь расшифрует русский, вопросов будет много.

Но это проблема будущего Александра.

Если он до неё доживёт.

Дальше:

Вероятное обезвоживание.

После воды состояние немного улучшилось.

Неизвестно: питание, сон, болезни, прежняя активность.

И последнее:

Нагрузка пока противопоказана лекарем.

Александр откинулся на спинку стула.

Всё.

Уже лучше.

Не потому что проблемы исчезли.

Они хотя бы перестали быть одной огромной неизвестной массой.

Вот тело.

Вот Источник.

Вот семья.

Вот политика.

Вот вопросы.

Можно работать.

Не сегодня.

Сегодня ему, судя по ощущениям, было бы неплохо суметь вернуться в кровать без посторонней помощи.

Он посмотрел на расстояние.

Шесть шагов.

В прошлой жизни разминка перед приседом занимала больше усилий, чем всё, что это тело сейчас могло выдержать за день.

Хотелось злиться.

На Ярослава.

На себя.

На грузовик.

На неизвестный ритуал.

На человека, который умудрился довести восемнадцатилетнее тело до такого состояния.

А потом Александр остановил себя.

Он ничего не знал о Ярославе.

Вообще ничего.

Возможно, тот был тяжело болен.

Возможно, Источник мешал физическому развитию.

Возможно, существовали десятки причин.

Снова выводы без данных.

Перо вернулось к бумаге.

В самом низу он написал:

Первая цель: восстановить нормальное бытовое состояние.

Задумался.

Слишком расплывчато.

Такую цель невозможно проверить.

Перечеркнул.

Написал:

Цель №1: вставать без головокружения.

Ниже:

Цель №2: спокойно ходить по комнате.

Ещё ниже:

Цель №3: узнать исходные показатели тела и Источ-

ника.

Он посмотрел на список.

И тихо рассмеялся.

Два дня назад... Нет.

Вчера.

Или когда там была его прошлая жизнь?

Неважно.

Совсем недавно он записывал:

220 × 4.

И раздражался, что не сделал пятую.

Теперь программа выглядела так:

Научиться вставать.

Научиться ходить.

Прогрессия впечатляла.

Александр положил перо.

Поднялся.

Мир тут же немного поплыл.

Он ухватился за край стола.

— Спокойно.

Подождал.

Дыхание.

Не спешить.

Когда головокружение прошло, сделал шаг.

Потом второй.

Третий.

На четвёртом ноги начали дрожать.

Он остановился.

Отдохнул стоя.

Пятый.

Шестой.

Кровать.

Александр сел.

Пульс снова молотил.

Он посмотрел на стол.

Шесть шагов.

Отдых.

Ещё шесть обратно.

Двенадцать шагов за один выход.

В прежней жизни он бы не посчитал это даже разминкой.

Сейчас это были исходные данные.

Александр лёг и закрыл глаза.

В голове снова всплыла фраза лекаря.

Источник нужно беречь.

Правильно.

Сначала восстановление.

Потом всё остальное.

Он ещё понятия не имел, что представляет собой Источник.

Не знал, что произошло на инициации.

Не знал, почему энергия двигалась по телу именно так.

Не знал, можно ли вообще что-нибудь изменить.

Но одну вещь Александр знал совершенно точно.

Если через несколько дней он сможет пройти не двенадцать шагов, а двадцать —
это уже будет результат.
А с результатом можно работать.

Глава 2. Наследник

Александр проснулся от того, что хотел в туалет.

Это почему-то показалось хорошей новостью.

Не голос незнакомого бога.

Не магическое видение.

Не нападение убийц древнего рода.

Обычный человеческий организм, получивший вчера достаточно воды, сообщил о вполне обычной человеческой потребности.

Нормальность ситуации закончилась, когда Александр открыл глаза и увидел над собой тёмные деревянные балки.

Он несколько секунд смотрел в потолок.

Потом вспомнил.

Авария.

Чужое тело.

Всеволод.

Источник.

Мирослава.

Восемнадцатилетний парень по имени Ярослав, чьё сердце не билось почти четыре минуты.

Александр закрыл глаза.

— Ладно.

Новым мир за ночь не перестал быть.

Проверим хотя бы тело.

Он не стал сразу вставать.

Сначала лежал спокойно.

Пульс.

Пальцы легли на запястье.

Вчера лекарь насчитал около ста.

Александр начал считать удары.

Пятнадцать секунд.

Умножить на четыре.

Восемьдесят восемь.

Он пересчитал.

Девяносто два.

Погрешность была слишком большой, но тенденция нравилась.

Меньше.

Или он просто считал неправильно.

Один замер ничего не доказывал.

Александр потянулся к столу возле кровати, на котором вчера оставил один из листов, и добавил:

Утро. Пульс лёжа: примерно 88–92.

Чернила подсохли хуже, чем ручка.

Перо раздражало уже меньше.

Теперь следующий тест.

Он сел.

Не резко.

Сначала повернулся на бок, опустил ноги, поднялся с помощью руки.

Подождал.

Голова чуть потяжелела, но привычной вчерашней темноты перед глазами не возникло.

Александр нахмурился.

Хорошо.

Положил пальцы на запястье.

Пульс ускорился.

Ожидаемо.

Он встал.

Колени не подогнулись.

Тоже хорошо.

Постоял.

Пять секунд.

Десять.

Пятнадцать.

Слабость была.

Но вчера в этот момент ему уже хотелось срочно найти опору.

Сегодня — просто неприятно.

Александр посмотрел на окно.

От кровати до него было немного дальше, чем до стола.

Вчера он считал только двенадцать шагов туда и обратно.

Сегодня хотелось проверить двадцать.

Нет.

Не хотелось.

Нужно было.

Он пошёл.

Один.

Два.

Три.

На пятом шаге ноги начали ощущаться тяжелее.

На седьмом он дошёл до окна.

Постоял.

Обратно.

На десятом сердце уже билось заметно быстрее.

На четырнадцатом Александр снова сел на кровать.

Не упал.

Не ухватился за стойку.

Сел.

— Четырнадцать.

Вчера было двенадцать.

Разница смешная.

Два шага.

Но Александр всё равно записал.

Утро: 14 шагов без остановки. Головокружения нет.

Слабость умеренная.

Он посмотрел на строки.

Слишком мало данных.

Но организм определённо чувствовал себя лучше.

Вопрос — почему.

Сон?

Вода?

Еда?

Естественное восстановление после инициации?

Настой лекаря?

Магия?

Всё сразу?

Пока неизвестно.

Вот это слово начинало раздражать.

Неизвестно.

В списках оно встречалось слишком часто.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Ответ получился автоматически.

Дверь открылась.

В комнату вошёл мужчина лет сорока с подносом.

Высокий, худой, с аккуратно зачёсанными назад волосами.

Одежда была проще, чем у Всеволода, но явно не крестьянская.

Увидев Александра на ногах, он замер.

— Молодой господин.

— Доброе утро.

Мужчина посмотрел на него немного странно.

Александр мысленно выругался.

Может, Ярослав никогда не здоровался со слугами?

Или говорил иначе?

Проклятая амнезия позволяла объяснить многое.

Но не бесконечно.

— Вам было велено лежать.

— Я лежал.

Мужчина опустил взгляд на его босые ноги.

— Потом перестал.

— Временно.

Похоже, это не помогло.

Слуга поставил поднос на столик.

— Господин лекарь будет недоволен.

— Не говорите ему.

Человек поднял глаза.

— Я не смею скрывать состояние наследника от лекаря.

Александр чуть не улыбнулся.

Хорошо.

Не безмолвная прислуга, готовая нарушать приказы ради первой прихоти хозяина.

— Справедливо. Тогда скажите, что я прошёл четырнадцать шагов и вернулся в кровать самостоятельно.

Мужчина снова посмотрел на него.

— Четырнадцать?

— Да.

— Вы их считали?

— Да.

Ещё одна пауза.

— Понятно.

Совершенно очевидно, что ничего ему не понятно.

— Как вас зовут?

Теперь замер уже слуга.

— Молодой господин?

— Память.

Александр постучал пальцем по виску.

— Не помню.

Лицо мужчины смягчилось.

— Матвей.

— Матвей.

Александр повторил имя.

— Вы... давно здесь служите?

— В вашем доме?

— Да.

— Двадцать два года.

Вот это было полезно.

— Значит, меня вы знаете давно.

— С вашего рождения.

Ещё полезнее.

Александр посмотрел на поднос.

На серебряной тарелке лежали яйца, несколько толстых ломтей мяса, хлеб, сыр, какая-то каша и маленькая чашка с вареньем или мёдом.

Рядом — молоко.

Нормальный завтрак.

Если считать нормальным завтрак, которым можно накормить человека после тяжёлой силовой тренировки.

Для парня, который вчера чуть не умер и едва ходит, объём выглядел внушительно.

— Это мой обычный завтрак?

Матвей растерялся.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Обычно было больше сладкого.

Александр медленно перевёл взгляд на небольшую чашку.

— Насколько больше?

Матвей явно не понимал, зачем этот допрос.

— Булочки. Иногда пирог. Варенье.

— Всё сразу?

— По-разному.

Александр посмотрел на собственный живот.

Его подозрения получали первые подтверждения.

Но опять — один завтрак ничего не доказывал.

— А мясо?

— Вы его не очень любили.

Интересно.

— Яйца?

— Иногда.

— Кашу?

— Если заставляли.

— Кто?

Матвей едва заметно улыбнулся.

— Ваш дед.

Александр сел.

— А что я любил?

— Сладкое.

— Я уже понял.

— Фрукты. Выпечку. Запечённые яблоки с мёдом. Сыр.

— Много сыра?

— Достаточно.

— Достаточно для чего?

Матвей задумался.

— Чтобы повар ворчал.

Александр рассмеялся.

Потом быстро перестал.

Живот всё ещё неприятно отзывался от смеха.

— Хорошо. Спасибо.

Матвей поклонился.

У двери остановился.

— Молодой господин?

— Да?

— Хорошо, что вы проснулись.

Просто сказал.

Без пафоса.

И вышел.

Александр некоторое время смотрел на закрытую дверь.

Ещё один человек, который знал Ярослава.

И которому было не всё равно.

Это начинало становиться проблемой другого рода.

Не опасной.

Хуже.

Личной.

Он повернулся к завтраку.

Сначала яйца.

Два.

Хорошо.

Мясо.

Похоже на свинину, хотя вкус немного отличался.

Сыр.

Каша.

Хлеб.

Александр не знал местной калорийности продуктов и не собирался изображать ходячую таблицу пищевой ценности.

Но общие принципы никуда не делись.

Белок.

Жиры.

Углеводы.

Микроэлементы.

После тяжёлого состояния организму нужна еда.

Сейчас не время устраивать сушку.

Он съел яйца.

Часть мяса.

Кашу.

Немного хлеба.

Сыр оставил наполовину.
До сладкого добрался в конце.
Попробовал ложку.
Мёд.

Почти обычный.

Очень сладкий.

Александр посмотрел на чашку.

Потом отодвинул.

Не потому что «сахар — зло».

Просто достаточно.

Тело явно привыкло получать больше еды, чем тратило.

Но менять рацион резко сейчас было бы идиотизмом.

Сначала выяснить нормальное питание.

Потом хотя бы примерно оценить расход.

Потом решать.

Он записал:

**Питание Ярослава: вероятно, много сладкого/сыра,
мало мяса. Уточнить.**

Следом:

Не менять резко до стабилизации состояния.

Ещё недавно подобные записи касались клиентов.

Теперь клиентом был он сам.

Это почему-то раздражало.

Всеволод пришёл после завтрака.

Не один.

За ним двое слуг внесли большой деревянный ящик, свёрнутую карту и несколько книг.

— Ты решил переехать ко мне? — спросил Александр.

— Нет.

— Жаль. Мне уже стало спокойнее.

Всеволод посмотрел на бумаги на столе.

— Ты опять писал.

— Да.

— Что?

— То, что не хочу забыть.

— Ты и так ничего не помнишь.

— Поэтому особенно важно не потерять новое.

Всеволод подошёл к столу.

Посмотрел на русские буквы.

— Странно.

— Что?

— Видеть письмо, которое ничего мне не говорит.

Дед развернул карту прямо на соседнем столе.

Александр подошёл.

Остановился рядом.

На карте были нарисованы реки, дороги, города, горы.

Надписи он не понимал.

Но условные обозначения выглядели довольно привычно.

— Начнём с необходимого, — сказал Всеволод. — Не со всей истории мира.

— Спасибо.

— Не перебивай.

— Не обещаю.

Всеволод тяжело посмотрел на него.

Александр поднял руки.

— Всё.

Дед ткнул пальцем в крупный город почти в центре карты.

— Столица.

Провёл дальше.

— Мы здесь.

Александр наклонился.

Небольшая область была выделена тонкой тёмной линией.

— Это земли рода?

— Часть.

— А остальное?

Всеволод показал несколько деревень, лесной массив, участок вдоль дороги.

Александр внимательно следил.

— Все?

Всеволод замолчал.

Ненадолго.

Но Александр заметил.

— Сейчас — все.

Вот это слово было важнее всего остального.

— Раньше было больше.

— Да.

— Насколько?

— Это не относится к тому, что тебе нужно знать сегодня.

— Значит, намного.

Всеволод посмотрел на него.

— Ты обещал не перебивать.

— Я соврал.

— Я уже начинаю сомневаться в твоих рассказах о принципах.

Александр усмехнулся.

— Продолжайте.

Всеволод показал соседние владения.

— Здесь земли Вяземских. Здесь Орловых. Севернее — владения Костровых.

— Нам с ними дружить?

— С некоторыми.

— С которыми?

— Это уже отдельный разговор.

Александр кивнул.

— Запишу всех как потенциально опасных.

— Очень дипломатично.

— Я пока не дипломат.

— К сожалению.

Всеволод продолжил объяснять.

Государство было монархией.

Во главе — император.

Под ним — великие и высшие роды, затем древние, малые

и нетитульные кланы.

Александр слушал.

Периодически останавливал.

Не ради деталей истории.

Ради практики.

— Наш род?

— Древний.

— Это хорошо?

— Формально.

— А неформально?

Всеволод снова замолчал.

Второй раз.

— Наша история значительно больше наших нынешних возможностей.

Вот теперь понятно.

Статус есть.

Ресурсов меньше.

Опасная комбинация.

Когда окружающие ожидают от тебя силы по старой репутации, а обеспечить её уже нечем.

— Я наследник главы рода?

— Да.

— Единственный?

— Основной.

Александр поднял голову.

— Это слово мне не нравится.

— Зря. Сейчас оно спасает тебе жизнь.

— Есть другие претенденты?

— Есть другие родственники.

— Которые могут претендовать?

— При определённых обстоятельствах.

— Например, если выяснится, что внутри Ярослава сидит двадцатисемилетний владелец фитнес-клуба из другого мира?

Всеволод посмотрел на него.

— Например.

— Понял.

Вот почему дед так быстро решил скрыть правду.

Не только из страха перед жрецами.

Если наследник объявит себя другим человеком — политические последствия начнутся сразу.

— Кто знает о моей потере памяти?

— Пока лекарь. Я. Несколько слуг.

— Скоро?

— Все.

— Отлично.

— Это объяснимая последствиями инициации болезнь.

— Люди поверят?

— Большинство.

— А остальные?

— Будут наблюдать.

Александр опёрся ладонями о стол.

Уже начинал уставать.

Всеволод заметил.

— Сядь.

— Нормально.

— Я не спрашивал.

Александр посмотрел на стул.

Потом на деда.

Сел.

— Вы точно никогда не работали тренером?

— Что это?

— Человек, который говорит другим, что они делают неправильно.

— Тогда я всю жизнь работал тренером.

Александр рассмеялся.

На этот раз аккуратно.

Когда с картой было закончено, Всеволод достал из ящика небольшой металлический предмет.

Печать.

На ней был изображён лис.

Тонкий, стремительный зверь с острыми ушами, вытянутой мордой и пышным хвостом, изогнутым за спиной.

— Герб?

— Родовой знак.

— Что за зверь?

— Лис.

Александр посмотрел внимательнее.

— Похоже.

— Ты должен узнавать этот знак.

— Где его используют?

— Документы. Знамёна. Печати. Одежда дружины. Иногда товары.

— Товары?

— Принадлежащие роду.

Александр снова посмотрел на знак.

Значит, хозяйственная деятельность есть.

Логично.

Он уже хотел спросить какая именно, но вспомнил собственное обещание не расползаться во все стороны.

Сегодня Ярослав.

Не экономика.

— Хорошо.

Всеволод убрал печать.

Александр несколько секунд молчал.

Потом спросил:

— Расскажите про него.

— Про кого?

— Про Ярослава.

Дед изменился.

Совсем немного.

Но Александр уже начинал замечать такие вещи.

— Что именно?

— Всё, что мне необходимо знать.

— Это очень много.

— Тогда начните не с наследника.

Всеволод нахмурился.

— А с кого?

— С человека.

Дед не ответил сразу.

Потом отодвинул карту.

Сел.

— Ярослав был тихим.

Александр ждал.

— С детства.

— Замкнутым?

— Скорее... осторожным.

— Из-за чего?

Всеволод посмотрел на него.

— Ты всё превращаешь в причину и следствие?

— Обычно причина есть.

— Иногда человек просто такой.

— Тоже причина. Только глубже.

Всеволод вздохнул.

— Он не любил большие компании. Особенно после смерти родителей.

Александр сразу отметил, но не перебил.

— Много читал. Хорошо знал историю. Родословные. Раз-

бирался в гербах лучше многих взрослых.

— Физически?

— Слабый.

— Всегда?

— Да.

Александр посмотрел на руки.

— Болел?

Всеволод напрягся.

— Иногда.

— Чем?

— Частые простуды. Слабость. После занятий быстро уставал.

— Каких занятий?

— Фехтование. Верховая езда. Общая подготовка.

— То есть он пытался тренироваться?

Дед резко посмотрел на него.

— Конечно.

Александр помолчал.

— Я решил, что нет.

— Я заметил.

Тон изменился.

— Почему?

— По телу.

— Ты видел его тело несколько часов и уже решил, каким человеком был мой внук?

Попал.

Александр не стал защищаться.

— Да.

Всеволод ждал.

— И это было неправильно.

Дед немного откинулся.

— Быстро сдаёшься.

— Когда факты против меня — да.

— Хорошее качество.

— Иногда дорого обходится.

Всеволод провёл пальцами по бороде.

— Ярослав занимался. Но плохо переносил нагрузки. После нескольких месяцев занятий мог заболеть и потерять всё, чего добился.

Александр нахмурился.

Вот это было интересно.

— Что значит «заболеть»?

— Температура. Слабость. Иногда проблемы с Источником.

— После физической нагрузки?

— Не всегда.

— Но такое было?

— Было.

Александр замолчал.

Внутри уже начинали собираться гипотезы.

Слишком рано.

Нет данных.

Не торопиться.

— Поэтому он перестал?

— Постепенно.

— Сам?

— Не совсем.

— Лекари запретили?

— Советовали беречь силы.

Александр едва заметно изменился в лице.

Всеволод заметил.

— Что?

— Ничего.

— Я уже понял, что твоё «ничего» обычно означает много вопросов.

— Позже.

Сейчас действительно позже.

Одно совпадение ничего не значило.

Ярослав мог иметь десятки заболеваний.

Магический Источник мог быть связан с физическими нагрузками как угодно.

— Каким он был с людьми?

— Вежливым.

— Слуги его боялись?

— Нет.

— Любили?

Всеволод задумался.

— Скорее жалели.

Слово прозвучало жёстко.

— Ему это нравилось?

— Он это ненавидел.

Александр медленно кивнул.

Вот это он понимал.

Очень хорошо.

— Друзья?

— Были.

— Настоящие?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Ярослав.

— Отлично.

Всеволод не улыбнулся.

— Были люди, которые приезжали к нему. Некоторые дети союзников. Несколько молодых людей из соседних родов.

— Они знали о его слабом Источнике?

— Все знали.

— Это имело значение?

— Здесь всё имеет значение.

— Понятно.

Именно непонятно.

Но направление ясно.

Слабость наследника древнего рода — не медицинская проблема.

Политическая.

Социальная.

Личная.

В мире, где магическая сила определяет статус, Ярослав с плохим Источником всю жизнь рос под чужими ожиданиями.

Александр посмотрел на собственные ладони уже немного иначе.

Может, парень не был ленивым.

Может, просто проигрывал игру, правила которой никто ему не объяснял иначе.

— Он знал, что род ослаб?

Всеволод долго молчал.

— Да.

— И понимал, что станет главой после вас?

— Разумеется.

— Его это пугало?

— Да.

Честный ответ.

— Он говорил?

— Нет.

— Откуда знаете?

На лице Всеволода впервые за разговор появилась настоящая грусть.

— Потому что я его дед.

Александр отвёл взгляд.

Больше здесь спрашивать было нечего.

Пока.

— Родители.

Всеволод сразу понял.

— Что родители?

— Вы сказали, они умерли.

— Да.

— Когда?

— Ярославу было двенадцать.

Шесть лет назад.

— Оба одновременно?

Всеволод посмотрел на него.

— Да.

Это уже само по себе было необычно.

— Как?

Пауза.

Очень короткая.

Но она была.

Александр запомнил.

— Возвращались из столицы. На караван напали.

— Разбойники?

— Так решили.

Так решили.

Не «разбойники».

Интересная формулировка.

— Их нашли?

— Да.

— Нападавших?

— Нет.

Александр ничего не сказал.

Всеволод продолжал смотреть на него.

Будто ждал следующего вопроса.

Он не последовал.

— Всё? — спросил дед.

— Пока.

— Почему?

— Потому что вы не хотите говорить.

Всеволод слегка сузил глаза.

— С чего ты взял?

— Вы отвечали про всё сразу. Здесь сначала замолчали.

Потом сказали «так решили», а не «это были разбойники».

Дед несколько секунд просто смотрел на него.

— Ты всегда так наблюдаешь за людьми?

— Когда не понимаю, что происходит, особенно.

— Опасная привычка.

— Полезная.

— До определённого момента.

Александр кивнул.

— Поэтому и не спрашиваю дальше.

Всеволод неожиданно улыбнулся.

Очень слабо.

— Правильное решение.

Вот и всё.

Не ответ.

Но подтверждение того, что вопрос существует.

Александр мысленно поставил галочку.

К родителям вернуться позже.

Мирослава ворвалась без стука.

Дверь ударилась о стену.

Александр вздрогнул.

Всеволод даже не повернулся.

— Ты обещала постучать.

— Я постучала вчера.

— Сегодня тоже нужно.

— Зачем? Он уже знает, что я приду.

Девочка остановилась посреди комнаты.

Тёмные волосы были собраны в две неравные косы.

Одна почти распалась.

На платье возле колена виднелось подозрительное грязное пятно.

В руках Мирослава держала три книги, деревянную лощадку и что-то завёрнутое в платок.

— Я принесла всё важное.

Всеволод посмотрел на набор.

— Боюсь спросить.

— Тогда не спрашивай.

Александр закусил губу.

Очень знакомая семейная интонация.

Мирослава подошла к кровати.

Остановилась.

Вчера между ними была дверь.

Сегодня — два шага.

Она внимательно смотрела на него.

Александр тоже.

Он не знал, что должен чувствовать.

Девочка была чужая.

Абсолютно.

Но она смотрела глазами человека, который очень хотел увидеть знакомого брата.

— Привет, — сказал Александр.

Мирослава нахмурилась.

— Ты никогда так не говоришь.

Первый же выстрел.

Всеволод прикрыл глаза.

— А как?

— Говоришь: «Что ты опять натворила?»

Александр посмотрел на грязное колено.

— Судя по платью, вопрос всё ещё актуальный.

Мирослава сначала удивилась.

Потом широко улыбнулась.

— Вот!

Всеволод покачал головой.

— Ничего «вот».

Она положила книги на кровать.

— Эта твоя любимая.

Александр посмотрел на обложку.

Ничего не понял.

— Про войну князя Ростислава.

Вторая.

— Эту ты говорил, что любишь, но я видела, что ты засыпал.

— Крайне полезная информация.

— Про законы.

Александр кивнул.

Похоже на Ярослава.

Восемнадцатилетний наследник рода читал законы не из любви.

Третья книга.

— А эта моя.

— Тогда зачем мне?

— Ты мне её читал.

Александр замолчал.

Мирослава положила рядом деревянную лошадку.

У неё была сломана одна нога, аккуратно перемотанная ниткой.

— Это тоже моя.

— Я уже начинаю подозревать, что ничего важного здесь

мне не принадлежит.

— Лошадка принадлежала тебе. Потом ты подарил мне.

— Почему нога сломана?

Мирослава сразу отвела глаза.

Всеволод усмехнулся.

— Очень хороший вопрос.

— Она сама.

— Лошадь?

— Да.

— Деревянная.

— Всё равно.

Александр рассмеялся.

Девочка тоже.

Всеволод продолжал изображать человека, который совершенно не наслаждается происходящим.

Потом Мирослава развернула платок.

Внутри лежали две сладкие булочки.

— Это ты любишь.

Александр посмотрел на деда.

— Я уже начал догадываться.

— Я взяла на кухне.

Всеволод поднял бровь.

— Взяла?

— Попросила.

— Кого?

— Никого.

— То есть взяла.

— Они всё равно наши.

Александр наклонился к ней.

— Знаешь, в моей прошлой...

Он остановился.

Мирослава смотрела внимательно.

Всеволод тоже.

Опасно.

— До инициации, — поправился Александр, — мне, похоже, стоило меньше есть булок.

Девочка потрясённо посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что я толстый.

— Нет.

— Есть немного.

— Ты просто мягкий.

Всеволод отвернулся к окну.

Плечи дрогнули.

Предатель.

— Это гораздо лучше, — сказал Александр.

— Я так и говорю.

Мирослава взяла одну булочку.

— Поэтому я съём твою.

— Очень заботливо.

— Тебе лекарь запретил много есть.

— Он такого не говорил.

— Но мог.

— Убедительно.

Она откусила.

Потом вдруг перестала улыбаться.

— Ты правда меня совсем не помнишь?

Вот оно.

Снова.

Александр не стал врать.

— Нет.

Мирослава смотрела на него.

— Даже как мы прятались в старой башне?

— Нет.

— Как ты научил меня залезать на крышу конюшни?

Всеволод резко повернулся.

— Что?

Мирослава замерла.

— Ничего.

— Продолжай.

— Я забыла.

Александр посмотрел на неё.

— Память заразная.

Она ткнула его локтем.

Слабо.

Но улыбка не вернулась.

— А маму?

Всеволод перестал шутить.

Александр тоже.

— Нет.

Мирослава опустила голову.

— Я помню.

Тихо.

— Хорошо.

— Хочешь, расскажу?

Александр посмотрел на Всеволода.

Тот едва заметно покачал головой.

Не сейчас.

— Хочу. Но позже.

— Почему все всё хотят позже?

Очень хороший вопрос.

— Потому что взрослые очень любят делать вид, что знают, когда правильное время.

— А ты взрослый?

— Был.

Мирослава нахмурилась.

Александр мгновенно понял ошибку.

— В смысле... чувствовал себя взрослым.

Она приняла.

Всеволод — нет.

Но промолчал.

Девочка посмотрела на него ещё несколько секунд.

Потом взяла деревянную лошадь.

— Ничего.

— Что?

— Я тебе расскажу всё заново.

Александр улыбнулся.

— Договорились.

— Только ты потом должен снова читать мне.

Он посмотрел на книгу.

На непонятные символы.

— Тут есть небольшая проблема.

— Какая?

— Я не умею читать.

Мирослава застыла.

— Вообще?

— Вообще.

— Даже буквы?

— Даже буквы.

Она посмотрела на Всеволода.

— Дедушка.

— Я слышал.

— Он теперь глупый?

— Мирослава.

— Что? Если человек не умеет читать...

— Я умею читать, — вмешался Александр. — Просто не эти буквы.

Она повернулась к нему.

— А какие?

Александр взял свой лист.

Показал.

Глаза Мирославы стали огромными.

— Это ты написал?

— Да.

Она провела пальцем над строкой.

Не касаясь.

— Это тайные знаки?

— Можно сказать.

— Магические?

— Нет.

— Шпионские?

Александр задумался.

— Теперь, возможно, да.

Мирослава пришла в восторг.

— Научи меня.

— Нет, — одновременно сказали Всеволод и Александр.

Они переглянулись.

Мирослава прищурилась.

— Почему?

— Потому что сначала мне самому надо научиться вашим, — сказал Александр.

— Я тебя научу.

Всеволод фыркнул.

— Ты сама до сих пор путаешь два знака.

— Уже не путаю.

— Вчера путала.

— Вчера считается давно.

Александр посмотрел на неё.

— Отлично. Значит, у меня появился учитель.

— Нет, — сказал Всеволод.

— Почему?

— Потому что мне нужен грамотный наследник, а не человек, который пишет как восьмилетняя девочка.

— Я красиво пишу!

— Именно этого я и боюсь.

Разговор прервал стук.

На этот раз настоящий.

Вошёл пожилой мужчина в серой одежде.

Не слуга.

По тому, как он держался, Александр понял сразу.

Человек привык говорить с Всеволодом почти на равных.

— Глава.

— Что?

— Прошу прощения. Управляющий ждёт уже больше часа.

— Пусть ждёт.

— Ждёт.

— Тогда в чём проблема?

Мужчина помолчал.

— Приехал представитель Орловых.

Всеволод изменился.

Совсем чуть-чуть.

Но всё семейное из него исчезло.

— Зачем?

— Говорит, по поводу торговой дороги.

Александр запомнил.

Торговая дорога.

Орловы.

— Сейчас?

— Да.

— Скажи, буду через четверть часа.

Мужчина поклонился.

— Ещё мельник просит решение по ремонту.

— Управляющему.

— Управляющий говорит, что без вашего разрешения...

— Тогда пусть учится принимать решения.

В голосе впервые прозвучало настоящее раздражение.

Мужчина снова поклонился и вышел.

Александр смотрел на деда.

— Что?

— Ничего.

Он уже привык, что дед очень быстро выучил его «ничего».

— Вам постоянно приносят решения, которые должны принимать другие?

Всеволод нахмурился.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что за одну минуту вам принесли торговую дорожку, мельницу и управляющего, который не хочет принимать решение.

— Это управление родом.

— Возможно.

— Что тебе не нравится?

Александр пожал плечами.

— Я пока не знаю достаточно, чтобы мне что-то не нравилось.

Правильный ответ.

Но Всеволод понял, что мысль уже появилась.

— Иди, — сказала Мирослава.

Дед посмотрел на неё.

— Что?

— Ты всё равно будешь сидеть и думать про Орловых.

— Я не...

— Будешь.

Александр поддержал:

— Идите.

Всеволод повернулся к нему.

— Я не спрашивал разрешения.

— Тогда почему всё ещё стоите?

Пауза.

Мирослава захихикала.

Всеволод медленно провёл ладонью по лицу.

— Вы двое уже нашли друг друга.

Александр хотел возразить.

Не успел.

— Книги не трогать.

— Почему?

— Ты их всё равно не прочитаешь.

Это было жестоко.

Мирослава рассмеялась.

Всеволод вышел.

Через полчаса Александр ненавидел местный алфавит.

И Мирославу.

Немного.

— Нет, это «р».

— Ты пять минут назад сказала, что это «к».

— Нет.

— Сказала.

— Не могла.

— Я записал.

Он показал лист.

Девочка посмотрела.

— Ты неправильно записал.

— Очень удобная система.

Перед ними лежала детская книга.

Всеволод всё-таки разрешил Мирославе остаться под при-

смотром служанки, которая сидела в углу и делала вид, что не слушает.

Мирослава показывала буквы.

Александр повторял.

Проблема заключалась в том, что часть знаков имела похожее написание, но различалась маленькими дополнительными чертами.

— Кто это придумал?

— Люди.

— Какие именно? Я хочу с ними поговорить.

— Они умерли.

— Очень предусмотрительно.

Мирослава снова указала.

— Это?

— «Р».

— Хорошо.

— Это?

— «К».

— Хорошо.

— А это?

Александр прищурился.

— Человек, который придумал предыдущие два знака, решил окончательно испортить жизнь потомкам.

— Это «ф».

— Конечно.

Служанка тихо кашлянула.

Определённо смеётся.

Но через час Александр уже узнавал девять символов.

Из нескольких десятков.

Скорость унижительная.

Но прогресс был.

Девять утром не знал.

Девять сейчас узнаёт.

Можно измерить.

Значит, можно улучшать.

Он взял новый лист.

Разделил его на несколько частей.

Мирослава заглянула.

— Что ты делаешь?

— План.

— Зачем?

— Чтобы не пытаться выучить весь мир за один день.

В первой колонке Александр написал по-русски:

МИР

Под ним:

государство;

кланы;

титулы;

законы;

деньги;

религия.

Вторая:

РОД

земли;

люди;

доходы;

расходы;

союзники;

враги.

Третья:

ЯРОСЛАВ

семья;

дружья;

обязанности;

привычки;

прошлое.

Четвёртая:

МАГИЯ

Источник;

энергия;

инициация;

измерение;

обучение.

И последняя:

ТЕЛО

вес;

рост;

пульс;

питание;
сон;
нагрузка;
восстановление.

Мирослава смотрела.

— Тут моё имя есть?

— Нет.

— Почему?

— Ты в разделе «семья».

— Я хочу отдельный.

— Зачем?

— Я важнее.

Александр добавил:

**МИРОСЛАВА — НЕ ЗАБЫТЬ, ЧТО ОНА СЧИТА-
ЕТ СЕБЯ ВАЖНЕЕ ВСЕГО.**

— Что написал?

— Что ты прекрасный учитель.

Она подозрительно посмотрела.

— Врёшь.

— Очень быстро учишься.

К вечеру Александр устал сильнее, чем после хорошей тренировки.

Хотя физически почти ничего не делал.

Завтрак.

Разговор.

Мирослава.

Девять букв.

Небольшой обед.

Два коротких прохода по комнате.

И всё.

Тело требовало лечь.

Мозг — тоже.

Всеволод вернулся позднее обещанного.

Выглядел раздражённым.

— Орловы? — спросил Александр.

Дед остановился.

— Откуда знаешь?

— Я был здесь, когда пришёл ваш человек.

— Ах да.

Он снял пояс с мечом.

Положил на стул.

— И что им нужно?

— Не твоё дело.

Александр кивнул.

— Пока.

Всеволод посмотрел на него.

— Ты очень быстро привыкаешь к этому слову.

— Учусь у лучших.

Дед увидел листы.

— Это что?

— План обучения.

Всеволод подошёл.

Разобрать записи не мог, поэтому Александр перевёл.

Когда дошёл до раздела «род», дед поднял бровь.

— Доходы и расходы?

— Потом.

— Зачем тебе это?

— Если я наследник, наверное, придётся понимать, что именно я однажды унаследую.

— Не сейчас.

— Не сейчас.

Всеволод кивнул.

— Правильно.

Александр посмотрел на него.

— Я хочу предложить режим.

— Какой ещё режим?

— Мой.

Он показал другой лист.

— Утром проверяю пульс и состояние. Потом еда. Небольшая ходьба, если лекарь разрешит. После — обучение.

— Кто разрешил ходьбу?

— Пока никто.

— Значит, не разрешил.

— Завтра спрошу.

— Продолжай.

— Днём отдых. Потом письменность. Потом вы объясняете мне несколько вещей.

— Несколько?

— Да.

— Почему не всё сразу?

— Потому что через два часа я перестаю запоминать нормально.

Всеволод немного удивился.

— Ты это уже понял?

— Я всю жизнь работал с нагрузкой.

— Учёба — не нагрузка.

— Для мозга ещё какая.

Дед не стал спорить.

— Вечером ещё одна проверка состояния. Сон.

— А магия?

— Пока ничего.

— Почему?

Александр поднял бровь.

— Потому что лекарь запретил.

Теперь удивление стало сильнее.

— Я думал, ты начнёшь спорить.

— С чем?

— Ты весь день задаёшь вопросы про Источник.

— Я задаю вопросы. Это не значит, что я хочу умереть второй раз за неделю.

Всеволод замолчал.

Слово «второй» прозвучало тяжелее, чем Александр ожидал.

— Я не знаю, что со мной произошло, — продолжил он тише. — Поэтому сначала восстановление. Потом будем смотреть.

— Разумно.

— Иногда случается.

Всеволод уже собирался уходить.

— Дед.

Слово вырвалось раньше, чем Александр успел подумать.

Они оба замерли.

Всеволод медленно повернулся.

Александр почувствовал себя неожиданно неловко.

— Простите. Я...

— Не извиняйся.

Тихо.

— Хорошо.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Александр указал на карту.

— Завтра продолжим?

— Продолжим.

Всеволод взял меч.

Остановился у двери.

— И Александр.

— Да?

— Двадцать минут чтения.

— Что?

— Не больше.

— Почему?

— Потому что ты уже сидишь белый как стена.

Александр посмотрел на свои руки.

— Я и утром был белый.

— Двадцать минут.

— Тридцать.

— Двадцать.

— Двадцать пять.

Всеволод открыл дверь.

— Двадцать.

— У вас отвратительные способности к переговорам.

— Я переживу.

Дверь закрылась.

Перед сном Александр снова встал.

Последняя проверка.

Утром — четырнадцать шагов.

Днём он несколько раз ходил по комнате, но не считал:

слишком много посторонних факторов.

Сейчас — конкретный тест.

От кровати до окна и обратно.

Пульс перед началом — около девяноста.

Александр записал.

Встал.

Подождал.

Никакого головокружения.

Пошёл.

Один.

Два.

Три.

Шаги маленькие.

Спокойные.

Не ускоряться.

Семь — окно.

Он развернулся.

Восемь.

Девять.

На одиннадцатом появилась тяжесть.

На четырнадцатом он дошёл до кровати.

Но не сел.

Постоял.

Сердце билось часто.

Дыхание учащённое, но терпимое.

Александр посмотрел на окно.

Ещё раз?

Нет.

Сегодня достаточно.

Потом вспомнил собственную формулировку.

Цель №2: спокойно ходить по комнате.

Четырнадцать шагов — не спокойно.

Он отдохнул стоя.

Минута.

Дыхание восстановилось.

Пошёл снова.

На этот раз не до окна.

До стола.

Шесть шагов.

Обратно.

Ещё шесть.

В сумме двадцать шесть.

Последние два дались плохо.

Когда Александр сел, ноги дрожали.

Но голова не кружилась.

Он ждал.

Дыхание.

Пульс.

Через несколько минут стало легче.

Александр взял лист.

Вчера:

12 шагов — выраженная слабость, головокружение.

Сегодня утром:

14 — без головокружения.

Вечером:

26 суммарно с коротким отдыхом. 14 непрерывно.

Восстановление быстрее.

Он перечитал.

Технически цель «двадцать четыре без остановки» ещё не выполнена.

И хорошо.

Не надо подгонять результат.

Он уже почти написал вывод:

Состояние улучшается.

Остановился.

Слишком уверенно.

Переформулировал:

Вероятное улучшение состояния. Нужны повторные измерения.

Так правильно.

Александр отложил перо.

На столе лежало несколько списков.

Девять выученных знаков.

Карта, которую он пока не мог прочитать.

Несколько имён.

Родовой знак.

Два вопроса про погибших родителей.

Источник, о котором он почти ничего не знал.

Тело, которое не выдерживало обычной ходьбы.

И восьмилетняя девочка, которая решила заново научить его быть её братом.

В старой жизни хороший день измерялся совсем другими числами.

Весами.

Килограммами.

Рабочими подходами.

Доходом зала.

Количество заявок.

Сегодня достижением были девять букв и четырнадцать шагов без головокружения.

Смешно.

Но Александр знал одну неприятную вещь о любом большом результате.

Если исходная точка находится достаточно низко, сначала приходится радоваться мелочам.

Он лёг.

Погасить свет самостоятельно здесь было невозможно — потому что свет давал небольшой матовый камень в металлической чаше на стене.

Александр посмотрел на него.

Ещё одна вещь, о которой нужно спросить завтра.

Список рос быстрее, чем ответы.

Он закрыл глаза.

В голове снова всплыло:

220 × 4.

Вчерашняя жизнь.

Потом:

14 шагов.

Сегодняшняя.

Разница выглядела издевательством.

Александр усмехнулся.

Ничего.

Неважно, откуда начинаешь.

Важно знать исходную точку.

А завтра проверить ещё раз.

Глава 3. Исходная точка

Утро началось с разочарования.

Вчера вечером Александр прошёл четырнадцать шагов без остановки.

Сегодня — тоже четырнадцать.

На пятнадцатом ноги начали наливать тяжестью, а пульс ускорился настолько, что продолжать только ради красивого числа показалось глупостью.

Он вернулся к кровати и сел.

Подождал.

Посчитал удары.

Девяносто четыре.

Ещё через две минуты — восемьдесят восемь.

Александр записал оба значения.

Потом некоторое время смотрел на строку.

Хотелось увидеть рост.

Пусть маленький.

Шестнадцать шагов.

Восемнадцать.

Хотя бы пятнадцать.

Вместо этого получилось то же самое, что вчера.

И это почему-то раздражало сильнее, чем должно было.

Он отложил перо.

— Ну конечно.

Организм, в отличие от клиентов, не интересовался мотивационными речами.

Нельзя было объяснить мышцам, что по плану сегодня должен быть прогресс.

Не получилось — значит, не получилось.

Более того, вчера он несколько раз ходил по комнате, учил буквы, разговаривал почти весь день и к вечеру устал.

Сегодня эта усталость вполне могла остаться.

Нормально.

Один день вообще ничего не значил.

Александр перечитал запись.

Утро. Пульс лёжа: 86–90.

14 шагов непрерывно. На 15-м выраженное ощущение тяжести в ногах. Головокружения нет.

Ниже добавил:

Прогресса по дистанции нет. Пульс немного ниже. Слишком мало данных.

Так честнее.

В дверь постучали.

— Войдите.

Матвей принёс завтрак.

На этот раз сладкой выпечки не было.

Александр посмотрел на поднос.

Потом на Матвея.

— Это вы?

— Что именно?

— Убрали булочки.

Матвей чуть приподнял бровь.

— Я передал на кухню, что молодой господин вчера почти не притронулся к сладкому.

— И повар сразу решил изменить рацион наследника?

— Повар решил, что вы больны.

— Справедливо.

Матвей поставил поднос.

Сегодня были яйца, мягкий сыр, хлеб, запечённая птица и какая-то тёмная каша с орехами.

— А это обычно едят?

— Что?

— Всё.

— Да.

— Не только больные?

Матвей посмотрел на него почти с жалостью.

— Молодой господин, каша не лекарство.

— Уже хорошо.

Александр сел за стол.

— Матвей.

— Да?

— Я раньше тренировался?

Мужчина замер.

Совсем ненадолго.

Но теперь Александр уже знал, что такие паузы иногда полезнее ответа.

— Занимался.

— Часто?

— Когда позволяли.

— Кто позволял?

— Господин лекарь. Ваш дед. Наставник.

— И как долго?

Матвей задумался.

— По-разному.

— Месяц? Год?

— Несколько недель. Иногда месяц или два.

— Потом?

— Вам становилось хуже.

Александр перестал есть.

— Что значит хуже?

— Слабость.

— Это я уже слышал.

Матвей явно не привык обсуждать здоровье хозяина так подробно.

— Иногда лихорадка. Иногда вы по несколько дней почти не вставали.

— После занятий?

— Бывало после занятий.

— А бывало без них?

— Конечно.

Хорошо.

Никаких удобных выводов.

— Фехтование?

— В основном.

— Что ещё?

— Верховая езда. Иногда упражнения с наставником.

— Какие упражнения?

Матвей беспомощно развёл руками.

— Обычные.

Александр чуть не спросил, что такое «обычные», но остановился.

Для Матвея это действительно было обычным.

— Спасибо.

Тот поклонился.

— Лекарь придёт после завтрака.

— Отлично.

Лекарь появился вместе с Всеволодом.

Александр уже начинал подозревать, что дед просто пользуется любым поводом, чтобы присутствовать при осмотрах.

— Доброе утро, — сказал лекарь.

— Доброе.

— Лежите?

— Иногда.

Всеволод закрыл глаза.

Лекарь посмотрел на него.

— Я предупреждал.

— Я тоже.

— И?

— Он не слушает.

Александр поднял палец.

— Я слушаю. Я просто не всегда соглашаюсь.

— Ещё хуже.

Лекарь поставил свой ящик на стол.

— Что делали утром?

— Встал.

— Уже плохо.

— Прошёл четырнадцать шагов.

— Ещё хуже.

— Вернулся в кровать.

— Единственное разумное действие.

Александр вздохнул.

— Давайте договоримся. Вы сначала посмотрите показатели, а потом ругайтесь.

Лекарь внимательно посмотрел на него.

— Какие показатели?

Александр развернул лист.

— Пульс утром. До вставания. После ходьбы. Время восстановления примерно. Количество шагов.

Лекарь посмотрел на русские записи.

Разумеется, ничего не понял.

— Переведите.

Александр перевёл.

Лекарь нахмурился.

— Зачем?

— Чтобы видеть изменения.

— Я и так вижу изменения.

— Какие?

— Вы сегодня выглядите лучше.

— Насколько?

Всеволод кашлянул.

Лекарь медленно повернулся к нему.

— Не надо.

— Я ничего.

— Вы смеётесь.

— Нет.

— Я двадцать лет вас знаю.

— Тогда должен знать, что я умею держать лицо.

— Именно поэтому и видно.

Александр не выдержал улыбки.

Лекарь вернулся к нему.

— Хорошо. Пульс.

Проверил.

Долго.

— Около девяноста.

— Совпадает.

— Это не делает твой способ необходимым.

— Но и не делает бесполезным.

— Посмотрим.

Лекарь проверил глаза, дыхание, температуру ладонью у лба.

Потом снова силу ног.

На этот раз Александр продержался чуть дольше.

Не намного.

Лекарь убрал руку.

— Лучше.

— Насколько?

— Молодой господин...

— Хорошо, хорошо.

Александр опустил ногу.

— Теперь я хочу задать вопросы.

Всеволод сразу перестал улыбаться.

Лекарь тоже стал серьезнее.

— Что именно?

— Мое здоровье до инициации.

— Зачем?

— Потому что я не хочу повторять то, что делали раньше, не понимая, почему это не работало.

Лекарь посмотрел на Всеволода.

Дед едва заметно кивнул.

— Спрашивайте.

Александр приготовил лист.

— Слабость с детства?

— Да.

— Постоянная?

— Разной степени.

— Лихорадка?

— Несколько раз в год.

— После нагрузки?

— Иногда.

— Только после нагрузки?

— Нет.

— Источник в такие периоды менялся?

Лекарь помолчал.

— Иногда становился менее устойчивым.

Александр поднял глаза.

— Что это означает?

— Энергия хуже удерживалась.

— Она уходила?

— Скорее рассеивалась.

— Быстрее обычного?

— Да.

— А после отдыха?

— Восстанавливалась.

— Полностью?

Ещё одна пауза.

— Обычно почти полностью.

— «Почти»?

— Источник никогда не был сильным.

Александр записал.

— Что именно происходило после тренировок?

— Смотря после каких.

— Начнём с фехтования.

Лекарь поморщился.

— Занимался долго.

— Сколько?

— Первые годы регулярно.

— И?

— Уставал быстрее сверстников.

— Это само по себе не болезнь.

— Через несколько недель интенсивных занятий начинал

хуже спать, терял аппетит, становился раздражительным.

Александр остановился.

— Подождите.

Лекарь тоже остановился.

— Что?

— Вы сейчас описали несколько классических признаков перегрузки.

— Чего?

— Слишком большой нагрузки относительно восстановления.

— Я понимаю слова.

— Хорошо. Что делали после этого?

— Отменяли занятия.

— Полностью?

— Конечно.

— На сколько?

— Пока не восстанавливался.

— Неделя?

— Иногда две. Иногда месяц.

— Потом?

— Возвращали занятия.

— С той же нагрузки?

Лекарь задумался.

— Наставник решал.

— Вы знаете как?

— Обычно начинали легче.

— Насколько легче?

— Ярослав, — вмешался Всеволод.

Он повернулся.

— Что?

— Ты допрашиваешь человека о занятиях шестилетней давности так, будто он должен помнить каждое движение.

— А мне как раз хотелось бы, чтобы кто-нибудь их помнил.

— Зачем?

— Потому что «тренировался, потом заболел» недостаточно.

Всеволод нахмурился.

Александр продолжил:

— Если после месяца тренировок человек плохо спит, теряет аппетит и становится слабее, причин может быть много. Слишком большая нагрузка. Слишком частая. Плохое пи-

тание. Недостаток восстановления. Болезнь. Источник. Всё вместе.

Лекарь слушал внимательно.

— И что это меняет?

— Пока ничего.

— Тогда зачем?

— Чтобы не решить раньше времени, что физическая нагрузка сама по себе вредна.

В комнате стало тихо.

Лекарь медленно выпрямился.

— Она вредила.

— Возможно.

— Я видел это своими глазами.

— Я не говорю, что вы врётё.

— Тогда о чём спор?

Александр поставил перо.

— Если человек трижды обжигается, можно решить, что огонь вреден.

Лекарь нахмурился.

— Он вреден.

— Если сунуть руку в печь — да. Если согреть дом — полезен.

Всеволод перевёл взгляд с одного на другого.

Лекарь ответил не сразу.

— Ты сравниваешь упражнения с огнём?

— Я сравниваю дозировку.

— Нагрузка — не лекарство.

— А я не уверен.

Это прозвучало слишком резко.

Александр сразу поднял ладонь.

— Стоп. Не так.

Лекарь уже начал злиться.

— Я не знаю, как устроен Источник. Не знаю, почему болел. Не знаю, что произошло вчера. Поэтому я ничего не утверждаю.

Он постучал по листу.

— Я хочу только разделить факты от выводов.

Лекарь немного успокоился.

— Факт: после занятий иногда становилось хуже.

— Да.

— Факт: иногда становилось хуже и без занятий.

— Да.

— Факт: после отдыха было восстановление.

— Да.

— Факт: никто не записывал точный объём нагрузки, сон, питание и состояние Источника каждый день.

Лекарь нахмурился.

— Зачем было записывать каждый день?

— Вот это уже другой вопрос.

Александр улыбнулся.

— Но правильно ли я понимаю, что таких записей нет?

— Нет.

— Хорошо.

Он записал.

Всеволод подошёл ближе.

— Что ты задумал?

— Ничего опасного.

— После двух дней знакомства с тобой эта фраза совершенно не успокаивает.

— Я хочу сначала проверить тело.

— Его уже проверил лекарь.

— Не так.

Лекарь скрестил руки.

— А как?

Александр начал загибать пальцы.

— Рост.

— Зачем?

— Исходная точка.

— Вес.

— То же самое.

— Пульс утром.

— Ты уже считаешь.

— Пульс после движения.

— Тоже.

— Сколько могу пройти без выраженной усталости.

— Уже проверяешь.

— За сколько восстанавливается дыхание.

— И?

— Сколько могу простоять. Несколько простых движений. Насколько одинаково работают правая и левая стороны.

Лекарь смотрел с выражением человека, которому предложили пересчитать все камни во дворе.

— Для чего тебе всё это?

— Чтобы через неделю повторить.

Александр пожал плечами.

— И сравнить.

— И если станет лучше?

— Продолжить.

— А если хуже?

— Изменить программу или прекратить.

Лекарь замолчал.

Всеволод спросил:

— Какую программу?

Вот теперь начиналась сложная часть.

— Ходьба.

— Ты уже ходишь.

— Контролируемая.

— Чем отличается?

— Тем, что я заранее знаю, сколько, зачем и когда остановиться.

— Ещё?

— Простые движения суставов. Немного дыхательной работы. Позже — самые лёгкие упражнения.

Лекарь резко покачал головой.

— Нет.

— Я ещё не сказал какие.

— Неважно.

— Очень важно.

— Ярослав уже пытался заниматься.

— Именно поэтому я хочу делать иначе.

— Он едва не умер вчера.

— Поэтому я и не собираюсь фехтовать.

— Любая нагрузка заставляет Источник работать.

Александр замер.

— Любая?

— Практически.

Вот это было новое.

— Даже ходьба?

— Тело использует энергию постоянно.

— Магическую?

— И её тоже.

Александр посмотрел на Всеволода.

— Вы этого вчера не сказали.

— Ты не спрашивал.

— Я спрашивал, как энергия связана с телом.

— И получил ответ.

— «Со всем» не считается.

— Для меня считался.

Лекарь вздохнул.

— Чем тяжелее нагрузка, тем больше расход.

Александр медленно кивнул.

Вот теперь местная логика становилась гораздо понятнее.

Если Источник слабый, а нагрузка действительно увеличивает расход энергии, то врачи вполне естественно пришли к выводу: слабого человека надо беречь.

Особенно если видели, что после тяжёлых занятий состояние становилось хуже.

Это не глупость.

Совсем.

Наоборот.

На имеющихся данных решение выглядело разумным.

— Хорошо, — сказал Александр.

Лекарь явно ожидал спора.

— Что хорошо?

— Теперь понимаю, почему вы запрещаете нагрузки.

— И?

— И всё равно хочу ходить.

Всеволод закрыл лицо ладонью.

— Я знал.

— Выслушайте.

Лекарь хотел возразить.

Александр поднял руку.

— Если совсем не двигаться, тело станет ещё слабее.

— Источник восстановится.

— А тело?

— Потом.

— А если слабое тело дополнительно ухудшает восстановление?

Лекарь нахмурился.

— С чего ты взял?

— Ни с чего.

Александр сразу ответил.

— Это гипотеза.

— Тогда зачем её вообще произносить?

— Потому что её можно проверить.

Лекарь молчал.

— Я не предлагаю тяжёлые занятия. Никакого фехтования. Никаких упражнений до усталости. Никакой магии.

Он указал на дверь.

— Несколько коротких прогулок в день. Прекращаем за-долго до предела. Следим за самочувствием. Вы проверяете Источник.

— Каждый день?

— Если это безопасно.

— Нет.

— Через день?

Лекарь задумался.

— Можно.

— Если состояние Источника ухудшается — прекращаем.

— Сразу.

— Согласен.

Всеволод посмотрел на него.

— Так быстро?

— Что?

— Ты согласился.

— А зачем спорить с разумным условием?

Всеволод задумчиво произнёс:

— Чем дальше, тем меньше я понимаю, почему ты раздражаешь людей.

— Потому что до разумного условия мы обычно доходим после двадцати вопросов.

Лекарь неожиданно хмыкнул.

— Это правда.

Александр протянул руку.

— Значит, договорились?

Лекарь посмотрел на руку.

Потом на него.

— Ты собираешься заключить со мной договор рукопожатием?

— У нас так принято.

— Где «у нас»?

Опасно.

Всеволод сразу вмешался:

— В его прежней жизни.

Лекарь посмотрел на деда.

Пауза.

Александр почувствовал, как внутри всё напряглось.

Слишком свободно.

Слишком рано.

Всеволод спокойно продолжил:

— До потери памяти. Ярослав часто видел подобное у купцов из столицы.

Лекарь медленно кивнул.

Александр убрал руку.

Позже поговорит с дедом.

Такие ошибки могут стать дорогими.

— Хорошо, — сказал лекарь. — Три дня.

— Что три дня?

— Пробуем твою ходьбу.

— Сколько?

— Я думал, ты сам любишь числа.

— Поэтому спрашиваю вас.

Лекарь впервые задумался именно как специалист, а не как человек, которого замучили вопросами.

— Три раза в день. Не больше пяти минут.

— Пять минут пока слишком много.

— Тогда меньше.

— Останавливаюсь раньше выраженной слабости.

— Да.

— Если появляется головокружение, боль, тошнота или странные ощущения в Источнике — прекращаю.

— Да.

— Сон?

— Не меньше девяти часов.

Александр поднял бровь.

— Девяти?

— Ты восстанавливаешься после почти смертельного истощения.

— Принято.

— Еда — без ограничений.

Вот здесь Александр не согласился.

— Без ограничений — плохая формулировка.

— Что?

— Я не собираюсь голодать. Но есть бесконечно сладкое тоже не нужно.

Лекарь посмотрел на Всеволода.

— Он всегда спорит?

— Теперь — да.

Александр продолжил:

— Нормальная еда. Достаточно белка...

Лекарь нахмурился.

— Чего?

Александр остановился.

Современные термины.

Ошибка.

— Мяса, яиц, молочного. Каши. Овощей. Фруктов.

— Это обычная еда.

— Отлично. Тогда просто без прежнего количества сладкого.

Лекарь посмотрел на его живот.

Потом быстро отвёл глаза.

Александр заметил.

— Видели?

— Что?

— Ничего.

— Молодой господин...

— Всё, молчу.

Измерить рост оказалось легко.

Всеволод вызвал Матвея, тот принёс длинную мерную ленту, которой, как выяснилось, пользовались портные.

С местными единицами возникла проблема.

Пришлось сначала выяснить, чему примерно равна местная мера длины.

Александр чуть не начал переводить в сантиметры, потом остановился.

Зачем?

Если здесь он будет жить долго, удобнее использовать местную систему.

Главное — последовательность.

— Сто семьдесят восемь малых делений, — сказал Матвей.

Александр записал собственными знаками.

— Вес?

Тут было сложнее.

— Людей не взвешивают, — сказал лекарь.

— Почему?

— Зачем?

— Мы опять начинаем сначала.

Всеволод вмешался:

— На складе есть весы.

Лекарь посмотрел на него.

— Вы серьёзно?

— Он всё равно не отстанет.

— Я начинаю понимать, откуда у вашего рода проблемы с управлением.

— Осторожнее.

— Шучу.

— Плохо.

Через полчаса в комнату принесли тяжёлую конструкцию с гирями.

Складские весы.

Александр был почти счастлив.

— Наконец-то цивилизация.

— Что?

— Ничего.

Вес получился около восьмидесяти двух местных килограммов после пересчёта на привычный ему эквивалент.

Точность сомнительная.

Но опять же — не важно.

Главное, чтобы через неделю использовали те же весы.

Александр записал.

Рост.

Вес.

Пульс.

Потом попросил проверить силу рук.

— Каким образом? — спросил лекарь.

Александр посмотрел вокруг.

Специального динамометра, естественно, не было.

— Ладно. Пока пропустим.

Вместо этого он сел на высокий стул.

— Что ты делаешь? — спросил Всеволод.

— Проверяю ноги.

— Лекарь разрешил?

Александр посмотрел на лекаря.

Тот тяжело вздохнул.

— Что именно?

— Встать.

— Ты уже вставал.

— Без помощи рук.

— Один раз.

Александр поставил стопы.

Наклонился вперёд.

Встал.

Тяжело.

Но получилось.

Сел.

Второй.

На третьем квадрицепсы уже начали гореть.

На четвёртом пришлось сильно наклониться.

Александр остановился.

— Четыре.

Всеволод смотрел на него непонимающе.

— И?

— Всё.

— Ты мог ещё.

Александр покачал головой.

— Мог.

— Тогда почему остановился?

Он посмотрел на деда.

И вдруг вспомнил Антона.

Там пятёрка стоит.

Двести двадцать килограммов.

Четыре повторения.

— Потому что мне не нужно узнать, сколько я могу сделать один раз.

Всеволод нахмурился.

— А что нужно?

— Узнать, что я смогу повторить завтра.

Лекарь посмотрел на него внимательнее.

Александр сел.

Ноги слегка дрожали.

— Вот. Уже достаточно.

— Четыре вставания со стула? — спросил дед.

— Для этого тела — да.

— Ты говоришь так, будто оно отдельно от тебя.

Александр замолчал.

— Пока иногда так и ощущается.

Всеволод ничего не ответил.

Лекарь коснулся его колена.

Проверил мышцу.

— На сегодня никаких подобных упражнений.

— Я понял.

— Только ходьба.

— Понял.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Лекарь подозрительно посмотрел на него.

— Странно.

— Что?

— Я впервые начинаю верить.

Первый выход из комнаты Александр представлял иначе.

Наверное, хотелось чего-то торжественного.

Новый мир.

Новый дом.

Первый шаг в неизвестность.

В реальности он стоял у двери в свободной рубахе, мяг-

ких домашних штанах и был сосредоточен на том, чтобы не запутаться в собственных ногах.

Рядом шёл Матвей.

Чуть позади — лекарь.

Всеволод отказался.

Сказал, что у него есть дела.

Александр подозревал, что дед просто решил не превращать прогулку по коридору в государственное событие.

Правильно.

— Медленно, — предупредил лекарь.

— Я знаю.

— Не похоже.

— Я ещё ничего не сделал.

— Вот именно. Хочу сохранить это состояние.

Александр вышел.

Коридор оказался длинным.

Каменный пол покрывали ковры.

На стенах висели портреты.

Некоторые лица явно принадлежали родственникам Яро-слава — общие черты считывались даже без знания семьи.

Александр не стал останавливаться.

Сегодня задача не изучать живопись.

Дойти до лестницы.

Он считал шаги.

Десять.

Двадцать.

На двадцать пятом появилось ощущение тяжести.

Но не такое, как вчера.

Можно продолжать.

Тридцать.

Лестница.

— Хватит, — сказал лекарь.

Александр посмотрел вниз.

— Я ещё могу.

— Я знаю.

— Тогда...

Лекарь поднял палец.

— Ты сам сказал, что должен останавливаться до выраженной слабости.

Александр открыл рот.

Закрыл.

— Ненавижу, когда люди используют мои же слова.

— Привыкай.

Пришлось развернуться.

На обратном пути он почувствовал себя хуже.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы признать: лекарь был прав.

Когда дошёл до комнаты, пульс бился быстро.

Александр сел.

— Сколько? — спросил лекарь.

Он посчитал.

— Сто двадцать четыре примерно.

— Плохо?

— Не знаю.

— Но ты записываешь.

— Именно потому, что не знаю.

Через две минуты — сто восемь.

Ещё через три — девяносто шесть.

Александр записал.

Первый действительно полезный тест.

Не просто «устал».

А:

60 шагов суммарно. Пульс после: ~124. Через 2 минуты: ~108. Через 5: ~96.

Можно повторить через несколько дней.

Вот теперь появился инструмент.

Вторую прогулку лекарь разрешил только после обеда.

На этот раз Александр настоял на другом маршруте.

— Во двор.

— Нет.

— Почему?

— Лестница.

— Я могу спуститься медленно.

— И потом подняться.

— Тоже медленно.

— Нет.

Александр посмотрел на Матвея.

Тот моментально отвёл глаза.

Предатель.

— Во дворе можно сесть.

— В комнате тоже.

— В комнате я уже видел всё.

— Тебе нужна нагрузка или развлечения?

— Оба варианта не исключают друг друга.

Лекарь покачал головой.

— Нет.

В дверь постучали.

Вошёл Всеволод.

— Что опять?

— Ваш внук хочет во двор, — сказал лекарь.

Дед посмотрел на Александра.

— Зачем?

— Хочу увидеть дом.

— Из окна видно.

— Это стена.

— Очень хорошая стена.

— Дед.

Всеволод остановился.

Он всё ещё реагировал на это обращение.

Совсем чуть-чуть.

— Я два дня живу в комнате.

— Ты два дня почти не живёшь.

— Тем более.

Дед задумался.

Потом посмотрел на лекаря.

— Если медленно?

— Я против.

— Это я понял.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что хочу услышать, насколько сильно вы против.

Лекарь закрыл глаза.

— Иногда я жалею, что лечу вашу семью.

— Поздно.

Через десять минут Александр спускался по лестнице.

По одной ступеньке.

И чувствовал себя столетним.

Вниз было легче.

Но даже так ноги к середине лестницы начали дрожать.

Он остановился.

Лекарь ничего не сказал.

Это было хуже любых комментариев.

Александр постоял.

Продолжил.

Когда они вышли во двор, первой мыслью было:

Большой.

Второй:

Живой.

Из окна он видел только камень, людей и часть стены.
С земли всё выглядело иначе.
Слуги несли корзины.
У конюшни чистили лошадей.
Возле одного из хозяйственных зданий двое мужчин перекатывали бочки.
Кто-то тащил длинные доски.
Из дальней двери вышла женщина с охапкой ткани.
Пахло дымом, навозом, свежим хлебом и мокрым камнем.
Не декорация.
Не дворец-музей.
Дом.
Причём дом, где одновременно жили и работали десятки людей.
Александр медленно пошёл.
Люди замечали его.
Это было неприятно.
Сначала слуга у двери.
Потом женщина с тканью.
Потом двое мужчин у бочек.
Реакции различались.
Кто-то кланялся.
Кто-то улыбался.
Кто-то просто смотрел.
Один парень лет двадцати у конюшни откровенно застыл

с щёткой в руке.

Александр услышал шёпот:

— Молодой господин встал.

— Тише.

— Я просто...

Он продолжал идти.

Вот это было новое.

Здесь он не Александр.

Для этих людей он Ярослав.

Человек, которого они знали.

У каждого уже есть мнение.

История.

Воспоминание.

Он только ничего об этом не знает.

— Не нравится? — тихо спросил Матвей.

Александр посмотрел на него.

— Что?

— Когда смотрят.

— Заметно?

— Раньше вы тоже не любили.

Интересно.

Ещё одно совпадение.

Хотя причины совершенно разные.

Из дальнего края двора донёсся металлический звон.

Александр повернул голову.

Тренировочная площадка.

Несколько мужчин работали с мечами.

Ещё двое — с копьями.

У стены стояли деревянные манекены.

Вот туда его потянуло сразу.

Лекарь заметил.

— Нет.

— Я только посмотрю.

— Смотреть можно отсюда.

— Я плохо вижу.

— Вчера ты прекрасно видел охранников из окна.

— Тогда у меня была мотивация понять, не сошёл ли я с ума.

Всеволода рядом не было, поэтому помощи ждать неоткуда.

Александр сделал ещё несколько шагов.

Лекарь вздохнул, но не остановил.

На площадке занимались серьёзно.

Это стало понятно почти сразу.

Никакого театрального размахивания оружием.

Короткие движения.

Работа ног.

Смена дистанции.

Один мужчина атаковал серией, второй уходил корпусом и отвечал.

Быстро.

Очень быстро.

Александр остановился.

— Они дружинники? — спросил он.

Матвей кивнул.

— Да.

— Постоянно тренируются?

— Каждый день.

Вот и первое подтверждение.

Мир не был населён людьми, которые тысячу лет игнорировали физическую подготовку.

Эти были сильными.

По-настоящему.

Широкие спины.

Плотные ноги.

Хорошая координация.

У нескольких заметны старые травмы, но двигались они уверенно.

Один закончил спарринг.

Снял защиту.

По его груди струился пот.

Он заметил Александра.

Сразу выпрямился.

Остальные тоже начали останавливаться.

Вот этого Александр не хотел.

— Продолжайте, — сказал он.

Мужчины переглянулись.

Один, старше остальных, подошёл.

На лице шрам.

— Молодой господин.

— Я просто смотрю.

Воин перевёл взгляд на лекаря.

Тот пожал плечами.

— Новое лечение.

Александр посмотрел на него.

— Очень смешно.

Мужчина со шрамом улыбнулся.

— Рад видеть вас на ногах.

— Спасибо.

— Мы слышали, инициация прошла тяжело.

Очень дипломатичная формулировка.

— Да.

Александр оглядел площадку.

— Вы тренируетесь каждый день?

Шрам приподнял бровь.

— Почти.

— Почему «почти»?

— Отдых тоже нужен.

Александр улыбнулся.

— Наконец-то кто-то говорит разумные вещи.

Лекарь за спиной издал неопределённый звук.

— Сколько длится тренировка?

— Смотря какая.

— Силовая?

Воин не понял термин.

Александр поправился:

— Без оружия. Упражнения на тело.

— Бывает по-разному.

— А магию используете?

— Конечно.

— Во время занятий?

— Иногда.

— Источник не истощается?

На лице мужчины появилось лёгкое удивление.

— Истощается.

— И?

— Восстанавливается.

Александр замер.

— Как долго?

— Зависит от нагрузки.

Лекарь вмешался:

— Александр.

Он повернулся.

Слишком поздно.

Имя прозвучало.

Шрам нахмурился.

На секунду.

Всего на секунду.

Лекарь понял ошибку.

— Молодой господин, — быстро исправился он. — Нам

пора.

Воин смотрел внимательно.

Александр сделал вид, что ничего не произошло.

— Да.

Проблема.

Небольшая.

Но проблема.

Он кивнул дружинникам.

— Продолжайте.

И пошёл обратно.

За спиной снова зазвенел металл.

Лекарь догнал его.

— Простите.

— Потом.

— Я не...

— Потом.

Не злость.

Просто нужно было сначала понять, услышал ли кто-то ещё.

Впрочем, имя Александр здесь ничего не значило.

Можно объяснить.

Ошибка лекаря.

Прозвище.

Что угодно.

Но повторять нельзя.

Ещё один пункт в список.

На лестнице вверх Александр понял, что перегнул.
Не катастрофически.

Но явно.

К середине подъёма ноги стали тяжёлыми.

На последних ступенях он уже держался за перила.

Лекарь ничего не говорил.

Матвей тоже.

Когда добрались до комнаты, Александр сел на кровать и минуту просто дышал.

Пульс.

Сто тридцать шесть.

Высоко.

Через две минуты — сто двадцать.

Через пять — сто четыре.

Через восемь — девяносто шесть.

Он записал.

— Доволен? — спросил лекарь.

— Да.

— Ты едва поднялся.

— Именно.

Лекарь смотрел непонимающе.

— Теперь я знаю, что лестница пока слишком большая нагрузка.

— Я это знал до того, как ты пошёл вниз.

— Вы предполагали.

— Я знал.

— Хорошо. Теперь знаем оба.

Лекарь медленно сосчитал до чего-то про себя.

Александр продолжил:

— Завтра во двор не иду.

— Удивительно.

— Послезавтра тоже.

— Ещё удивительнее.

— Пока подъём не перестанет так поднимать пульс.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Лекарь посмотрел внимательнее.

— Правда?

— Конечно.

Александр показал запись.

— Это слишком много.

— Почему?

— Потому что ты устал?

— Потому что восстановление слишком долгое.

Лекарь задумался.

— И что ты будешь делать?

— Меньше.

— Просто меньше?

— Да.

— А не больше, чтобы быстрее привыкнуть?

Александр посмотрел на него.

— Нет.

Лекарь кивнул.

— Тогда, возможно, у твоих занятий действительно есть отличие от прежних.

Вот это было важно.

— Как прежний Ярослав тренировался?

Лекарь немного помолчал.

— Его наставники были хорошими.

— Я не сомневаюсь.

— Но он старался не отставать.

— От кого?

— От других мальчиков.

Всё.

Александр понял.

Не доказательство.

Но очень вероятная часть проблемы.

Слабый ребёнок.

Древний род.

Ожидания.

Сверстники сильнее.

Он пытается делать тот же объём.

Организм не справляется.

После ухудшения — полный покой.

Потом возвращение.

Снова попытка догнать.

Классические качели.

Если всё действительно было так.

— Нужно найти его наставника.

Лекарь напрягся.

— Зачем?

— Расспросить.

— Не обвинять?

Александр удивился.

— За что?

— Я уже начал ожидать.

— Он работал с тем, что знал.

Лекарь долго смотрел на него.

— Иногда ты говоришь разумно.

— Можете записать.

— Не собираюсь перенимать твои дурные привычки.

После обеда Александр не ходил.

Совсем.

Лежал.

Читал буквы двадцать минут.

Потом заставил себя закрыть книгу, хотя Мирослава возмущалась.

— Мы только начали!

— Поэтому закончим.

— Нелогично.

— Очень логично.

— Я не устала.

— А я устал.

— Ты всё время устаёшь.

— Именно поэтому отдыхаю.

Она посмотрела на него подозрительно.

— Ты стал скучным.

— Вчера был глупым.

— Это другое.

— Рад прогрессу.

После Мирославы он поспал почти час.

Проснулся с неожиданно тяжёлым телом.

Вот теперь стало понятно, что утренний выход всё-таки был нагрузкой.

Не мышцы болели.

Скорее общая усталость.

Раньше Александр назвал бы это обычным снижением тонуса после непривычной активности.

Здесь нужно было учитывать ещё и Источник.

Он записал:

Через несколько часов после двора — выраженная общая усталость. Боли нет. Сонливость.

И отдельно:

Возможная причина: слишком большой объём относительно текущего состояния.

Никаких героических повторений.

Вечернюю прогулку сократить.

Перед ужином он сделал только один проход по комнате.

До окна.

Обратно.

Четырнадцать шагов.

Остановился.

Пульс — сто четырнадцать.

Через две минуты — сто.

Через пять — девяносто два.

Лучше, чем после лестницы.

Естественно.

Александр сидел на кровати и смотрел на записи.

Утро.

Коридор.

Двор.

Лестница.

Вечер.

Получился первый день, в котором действительно можно было сравнивать разные нагрузки.

Он разделил лист:

Лёгкая — комната.

Средняя — длинный коридор.

Тяжёлая для текущего состояния — лестница + двор.

Слово «тяжёлая» выглядело комично.

Лестница.

Тяжёлая нагрузка.

Но организм не интересовало его самолюбие.

Александр уже собирался отложить перо, когда почувствовал тепло.

Он замер.

Совсем слабое.

Настолько, что сначала решил: показалось.

Тепло появилось под грудиной.

Чуть левее центра.

Не снаружи.

Внутри.

Александр перестал двигаться.

Дыхание спокойно.

Не напрягаться.

Не искать ощущение специально.

Тепло стало чуть заметнее.

Пошло вверх.

К плечу.

Потом вниз по внутренней стороне руки.

Александр почувствовал, как волоски на коже встают дыбом.

Тот же маршрут.

Или очень похожий.

Именно там лекарь проводил своей энергией во время

первого осмотра.

Тепло дошло примерно до локтя.

Исчезло.

Александр сидел неподвижно.

Ждал.

Ничего.

Через несколько секунд появилось снова.

Слабее.

Грудь.

Плечо.

Чуть вниз.

И всё.

— Так.

Он не шевельнулся ещё минуту.

Пульс посчитал.

Девяносто.

Обычный.

Температуры нет.

Боли нет.

Головокружения нет.

Он взял перо.

Остановился.

Что написать?

После нагрузки активировался Источник.

Нет.

Бред.

Он не знал, активировался ли вообще Источник.

Физическая нагрузка вызывает движение энергии.

Ещё хуже.

Один эпизод.

Да ещё после целого дня, где были лекарство, еда, сон и несколько разных видов активности.

Александр перечеркнул пустую строку.

Написал медленно:

Вечер. После короткой ходьбы — слабое ощущение тепла внутри тела.

Следующая строка:

Маршрут похож на ощущение при магическом осмотре лекаря: грудь → плечо → рука.

Подумал.

Добавил:

Боли нет. Пульс ~90. Продолжительность несколько секунд. Повторилось дважды.

И только потом:

Причина неизвестна.

Он посмотрел на запись.

Вот теперь правильно.

Никаких открытий.

Никаких выводов.

Просто факт.

Александр положил перо.

Через несколько минут пришёл Всеволод.

Как обычно без стука.

— Я однажды поставлю засов.

— Это моя комната.

— Формально моя.

— Формально вообще спорный вопрос.

Всеволод посмотрел на него.

— Как прогулка?

— Слишком тяжёлая.

Дед явно не ожидал такого ответа.

— Ты сам это признаёшь?

— Да.

— Лекарь сказал, ты едва поднялся обратно.

— Он любит драматизировать.

— Он сказал, ты держался за перила.

— Это называется использовать доступное оборудование.

Всеволод сел.

— Завтра опять пойдёшь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сегодня было слишком много.

Дед несколько секунд молчал.

— Я начинаю понимать.

— Что?

— Ты действительно не любишь нагрузку.

Александр посмотрел на него.

— Я люблю результат.

— Разница?

— Огромная.

Он постучал пальцем по листу.

— Можно каждый день убиваться и считать себя очень трудолюбивым. Только если через месяц ты стал слабее — какая разница, сколько ты старался?

Всеволод медленно кивнул.

— Ярослав старался.

Александр остановился.

Неожиданно.

Дед смотрел куда-то в сторону.

— Иногда слишком.

Вот теперь фраза обрела другой смысл.

— Вы его заставляли?

Всеволод долго не отвечал.

— Иногда.

Александр не стал продолжать.

Это не тот разговор, который нужно вытягивать вопросы.

Всеволод сам заговорил:

— Он был наследником.

— Понимаю.

— Нет.

Дед качнул головой.

— Пока не понимаешь.

Пауза.

— В двенадцать он потерял родителей. В тринадцать уже понимал, что однажды должен занять моё место. В четырнадцать впервые услышал при себе, что род после моей смерти долго не удержится.

Александр молчал.

— Он тренировался потому, что хотел доказать обратное. Вот оно.

Совсем не ленивый толстый мальчик.

Ребёнок, который пытался догнать ожидания взрослых.

А потом ломался.

Отдыхал.

Начинал снова.

— Вы говорили ему остановиться?

Всеволод усмехнулся.

— Когда было поздно.

Александр посмотрел на собственные руки.

— Значит, теперь будем раньше.

Дед перевёл взгляд на него.

— Что?

— Останавливаться.

— Ты говоришь так, будто это легко.

— Нет.

Александр вспомнил двести двадцать.

Пятое повторение.

Которое мог попробовать.

И не сделал.

— Иногда остановиться вовремя сложнее, чем продолжить.

Всеволод долго смотрел.

Потом кивнул.

— Возможно.

Александр хотел рассказать о тепле.

Уже открыл рот.

И остановился.

Нет.

Слишком рано.

Сначала повторить.

Хотя бы несколько раз.

И желательно при одинаковых условиях.

Иначе он просто создаст лишнюю тревогу.

— Что? — спросил Всеволод.

— Ничего.

Дед прищурился.

— Опять.

— На этот раз правда пока ничего.

— Это слово мне нравится ещё меньше, чем тебе «позже».

— Придётся привыкать.

Всеволод поднялся.

— Завтра лекарь снова проверит Источник.

Александр замер.

— Завтра?

— Да.

Очень кстати.

— Хорошо.

— Почему ты так обрадовался?

— Хочу знать, изменилось ли что-нибудь после сегодняшней нагрузки.

Дед посмотрел внимательно.

— Ты ожидаешь изменения?

Правильный вопрос.

Александр ответил сразу:

— Нет.

— Тогда зачем проверять?

— Потому что ожидание и результат — разные вещи.

Всеволод покачал головой.

— Иногда я жалею, что начал понимать твои ответы.

— Скоро сами начнёте записывать.

— Не дождёшься.

Он вышел.

Александр ещё раз посмотрел на последнюю строку.

Причина неизвестна.

Потом ниже написал:

Завтра: повторная проверка Источника. Сравнить с предыдущим состоянием.

И впервые с момента пробуждения ему стало по-настоящему интересно не только, где он оказался.

Но и что именно теперь происходило внутри него.

Глава 4. Повторяемость

Лекарь пришёл раньше завтрака.

Александр как раз сидел на краю кровати и считал пульс.

— Восемьдесят четыре, — сказал он, не поднимая головы.

— Доброе утро.

— Доброе. Восемьдесят четыре.

— Я слышал.

— Вчера было около девяноста.

Лекарь поставил ящик на стол.

— И что?

Александр посмотрел на него.

— Стало меньше.

— Я умею сравнивать числа.

— Иногда у меня возникают сомнения.

Лекарь глубоко вдохнул.

Всеволод, вошедший следом, спокойно закрыл дверь.

— Даже не начинайте без меня.

Лекарь повернулся к нему.

— Вы пришли развлекаться?

— Наблюдать.

— За чем?

— Кто из вас первый потеряет терпение.

Александр убрал пальцы с запястья.

— Я ставлю на вас.

— Почему?

— Мне двадцать семь.

Он осёкся.

Лекарь нахмурился.

Всеволод едва заметно качнул головой.

Слишком легко.

Александр исправился:

— Я хотел сказать, что после инициации неожиданно обнаружил в себе огромные запасы терпения.

Лекарь посмотрел подозрительно.

Но тему не продолжил.

— Ложитесь.

— Сначала вопрос.

— Нет.

— Один.

— Нет.

— Короткий.

— Особенно нет.

Александр лёг.

— Диктатура.

— Лечение.

— Иногда сложно различить.

Лекарь приложил ладонь к его груди.

Разговор закончился.

Александр закрыл глаза.

Вот теперь важно было не отвлекаться.

Первое тепло пришло почти сразу.
Точно такое же, как в прошлые разы.
Не горячее.
Не холоднее.
Просто чужая энергия вошла в тело и начала движение.
Грудь.
Плечо.
Рука.
Вернулась.
Ушла глубже.
Александр старался не искать ощущения специально.
Только наблюдать.
Сегодня маршрут чувствовался немного отчётливее.
Или он просто уже знал, чего ждать.
Нельзя путать знакомство с усилением.
Тепло опустилось к животу.
В прошлый раз там возникало ощущение пустоты.
Сегодня тоже.
Но...
Александр нахмурился.
— Что? — сразу спросил лекарь.
— Не знаю.
— Тогда не мешайте.
Тепло задержалось.
Исчезло.
Лекарь переместил ладонь.

Через несколько секунд открыл глаза.

Убрал руки.

Всеволод сразу спросил:

— Ну?

— Лучше.

Александр сел.

— Насколько?

Лекарь посмотрел на него.

— Вот теперь можно начинать.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Что именно стало лучше?

Лекарь задумался.

Это уже было достижением.

Ещё два дня назад он отвечал просто: «Источник слабый».

Теперь, видимо, понимал, что такой ответ не отделается.

— Отклик ровнее.

Александр потянулся к листу.

— Что значит ровнее?

— Энергия меньше рассеивается при движении.

— Наполненность?

— Немного выше.

— Насколько немного?

Лекарь прикрыл глаза.

— Если я скажу «совсем немного», ты удовлетворишься?

— Нет.

— Я знал.

Александр быстро записал.

Отклик — лучше. Рассеивание — меньше. Наполнение — немного выше.

Потом поднял голову.

— Это нормальное восстановление?

— Может быть.

— После инициации?

— Может.

— После такого истощения?

— Да.

— Настой мог повлиять?

— Для этого его и дают.

— Сон?

— Разумеется.

— Еда?

— Влияет на общее восстановление.

— Вчерашняя нагрузка?

Лекарь помолчал.

— Тоже могла.

Александр замер.

— В хорошую сторону?

— Я этого не говорил.

— Тогда в какую?

— В любую.

— Очень полезно.

— Молодой господин, организм — не счёты.

— А вот сейчас вы почти специально меня провоцируете.

Всеволод сел у окна.

— Продолжайте. Мне нравится.

Александр посмотрел на лекаря.

— Хорошо. Вчера я почувствовал странное тепло.

Тот сразу перестал раздражаться.

— Когда?

— Вечером.

— Во время ходьбы?

— После.

— Сразу?

— Нет. Через несколько минут отдыха.

Лекарь нахмурился.

— Где?

Александр показал.

— Началось здесь. Потом плечо. Рука.

— Боль?

— Нет.

— Жжение?

— Нет.

— Слабость усилилась?

— Нет.

— Головокружение?

— Нет.

— Сколько продолжалось?

— Несколько секунд.

— Один раз?

— Дважды.

Лекарь долго смотрел.

— Почему не сказал вчера?

Всеволод повернул голову к Александру.

Тот вздохнул.

— Потому что хотел сначала понять, повторится ли.

— Это не твоя задача.

— Теперь моя.

— Александр.

Голос Всеволода прозвучал спокойно.

Но предупреждение Александр услышал.

— Я понимаю.

Он потёр переносицу.

— Хорошо. Это было неправильно.

Лекарь явно не ожидал такой быстрой капитуляции.

— Что?

— Надо было сказать.

— Да.

— В следующий раз скажу.

— Сразу.

— Сразу.

— Даже если тебе покажется неважным.

— Вот тут сложнее. Моё и ваше представление о важном

может отличаться.

— Александр.

— Ладно. Сразу.

Лекарь немного успокоился.

— Подобные ощущения бывают при восстановлении Источника.

Александр замер.

— Часто?

— Не редко.

Очень хорошо.

И очень плохо.

Хорошо — потому что тело, вероятно, не делало ничего опасного.

Плохо — потому что вчерашнее наблюдение ничего особенного не значило.

— То есть нагрузка может быть ни при чём.

— Конечно.

— Может быть при чём?

— Может.

— Вы опять.

— А что ты хочешь услышать?

— Правду.

— Я её и говорю. Мы не знаем.

Александр медленно кивнул.

Вот этот ответ ему нравился гораздо больше.

— Хорошо.

Он записал:

Тепло может встречаться при обычном восстановлении Источника. Связь с нагрузкой НЕ подтверждена.

Лекарь попытался прочитывать.

Не получилось.

— Что написал?

Александр перевёл.

— «Не подтверждена»?

— Да.

— Ты подозревал связь?

— Я подозреваю всё подряд.

— Очень здоровый подход.

— Если потом отбрасывать неподтверждённое — вполне.

Лекарь посмотрел на Всеволода.

— Где вы его нашли?

— Я бы тоже хотел знать.

После осмотра Александр наконец получил завтрак.

Сегодня он ел почти молча.

Думал.

Источник стал немного лучше.

Это факт.

Но причин было слишком много.

Время.

Сон.

Настой.

Еда.

Естественное восстановление.

Ходьба.

Вчерашняя перегрузка лестницей.

Даже сам магический осмотр мог как-то влиять.

Слишком много переменных.

В старой жизни Александр подобные ситуации терпеть не мог.

Клиент говорил:

Я начал принимать новую добавку, добавил кардио, убрал хлеб, стал спать восемь часов и поменял программу. Почему вес наконец пошёл вниз?

Ответ:

Понятия не имею.

Когда меняешь сразу пять вещей, потом невозможно понять, какая сработала.

Здесь было ещё хуже.

Он вообще не контролировал большую часть факторов.

Зато мог начать контролировать хотя бы некоторые.

После завтрака Александр взял чистый лист.

Написал:

УСЛОВИЯ.

Ниже:

Подъём — примерно одинаковое время.

Пульс — до еды, лёжа.

Нагрузка — одинаковая.

Измерение Источника — желательно одним лекарем.

Он посмотрел на последнюю строку.

Позвал:

— Господин лекарь.

Тот уже собирал ящик.

— Что ещё?

— Вы всегда проверяете Источник одинаково?

— В каком смысле?

— Положение рук. Продолжительность. Количество энергии.

Лекарь медленно выпрямился.

— Примерно.

Александр поморщился.

— «Примерно» плохо.

— Почему?

— Потому что если завтра вы дадите в два раза больше энергии, а почувствуете более сильный отклик, я не буду знать, изменился Источник или вы.

— Я способен отличить.

— Вы — возможно.

— Возможно?

— Не обижайтесь.

Лекарь обиделся.

Это было видно.

— Я тридцать четыре года занимаюсь лечением Источников.

— Именно поэтому хочу, чтобы проверяли вы.
Тот замолчал.

— А не другой лекарь, — пояснил Александр. — Чем меньше изменений в проверке, тем лучше.

Лекарь посмотрел на лист.

— Ты хочешь, чтобы я каждый раз делал одно и то же.

— Да.

— В одно время.

— По возможности.

— После одинакового отдыха?

Александр улыбнулся.

— Вот.

— Что «вот»?

— Вы начинаете понимать.

— Не уверен, что хочу.

Александр записал:

Перед осмотром — без нагрузки минимум час.

— Насколько часто можно безопасно проверять Источник?

— Не чаще одного раза в день при твоём состоянии.

— Тогда через день?

— Лучше.

— Хорошо.

Лекарь удивился.

— И всё?

— Что?

— Не будешь требовать каждый день?

— Если это увеличивает риск — нет.

— Иногда ты пугаешь меня разумностью.

— Взаимно.

Всеволод привёл наставника после полудня.

Мужчину звали Святобор.

Имя Александр записал сразу.

Святобору было около пятидесяти.

Высокий.

Очень широкий в плечах.

Короткие тёмно-седые волосы.

Нос когда-то ломали.

Возможно, неоднократно.

На левой щеке — тонкий шрам.

Двигался он иначе, чем дед.

Всеволод был собран постоянно, будто даже за столом оставался готов к чему-то.

Святобор двигался тяжелее.

Но в этой тяжести чувствовался запас.

Как у старого силовика, который давно перестал кому-либо доказывать, сколько может поднять.

Александр сразу проникся уважением.

— Молодой господин.

Святобор слегка поклонился.

Взгляд задержался на нём дольше необходимого.

— Рад видеть вас.

— Спасибо.

— Глава сказал, память пока не вернулась.

— Почти ничего.

— Жаль.

— Возможно.

Святобор нахмурился.

— Почему возможно?

— Иногда полезно начать знакомство заново.

Мужчина посмотрел на Всеволода.

— Он стал разговаривать страннее.

— Ты ещё не видел худшее, — ответил дед.

Александр указал на стул.

— Садитесь.

Святобор остался стоять.

— Мне и так удобно.

— Как хотите.

Александр взял лист.

Наставник сразу заметил.

— Что это?

— Вопросы.

— Ко мне?

— Да.

Святобор посмотрел на Всеволода.

— Я что-то сделал?

— Пока нет.

— Тогда почему выглядит как допрос?

— Потому что это и есть допрос, — сказал дед.

— Не помогаете.

Александр повернулся к Святобору.

— Вы тренировали Ярослава?

Тот снова нахмурился.

Третье лицо.

Всеволод вмешался:

— Он так отделяет то, чего не помнит.

Не идеальное объяснение.

Но рабочее.

— Да, — ответил Святобор. — С детства.

— Когда начали?

— Верхом — лет с шести. Оружие позже.

— Физические упражнения?

— Всегда были.

— Какие?

Святобор пожал плечами.

— Бег. Работа ног. Подъёмы. Борьба. Упражнения с собственным весом. Мешки. Камни. Оружие.

Александр удивился.

Нормальная база.

Никаких «магическая элита никогда не двигалась».

Даже близко.

— Как часто?

— Зависело от возраста.

— Последние два года?

Святобор задумался.

— Обычно четыре занятия в неделю.

Александр поднял глаза.

— По сколько?

— Час. Иногда два.

Вот уже интереснее.

— Какой интенсивности?

— Какой чего?

— Насколько тяжёлыми были занятия?

— Нормальными.

Александр прикрыл глаза.

Это слово преследовало его между мирами.

— Что для вас нормально?

Святобор уже начал раздражаться.

— Молодой человек должен заниматься.

— Согласен.

— Тогда в чём вопрос?

— Сколько именно он делал.

— Зачем тебе сейчас знать, сколько раз ты поднял мешок

три года назад?

— Чтобы понять, что происходило потом.

Святобор скрестил руки.

— Потом ты заболел.

— Всегда?

— Нет.

— После каких тренировок чаще?

Пауза.

— Тяжёлых.

— Что считалось тяжёлым?

— Когда работали на предел.

Александр положил перо.

— Часто?

— Что?

— Работали на предел.

Святобор посмотрел на него с непониманием.

— Это часть подготовки.

— Я спрашиваю, как часто.

— Раз в неделю. Иногда два.

Александр медленно выдохнул.

Это не обязательно катастрофа.

Для подготовленного здорового подростка — возможно.

Для слабого парня с проблемным Источником — уже во-прос.

— Что происходило после?

— Уставал.

— На следующий день?

— Иногда нормально.

— Иногда?

— Слабость.

— Тренировку отменяли?

— Если было плохо.

— Если терпимо?

— Работали легче.

Нормально.

Наставник явно не был безумцем.

— Когда Ярослав начинал прогрессировать, нагрузку увеличивали?

— Конечно.

— Как?

— Больше времени. Тяжелее оружие. Больше повторений. Сложнее противник.

— Одновременно?

Святобор задумался.

— Не всегда.

— Но бывало?

— Бывало.

Александр записал.

— Он сам просил добавить?

Вот тут реакция изменилась.

Святобор посмотрел на Всеволода.

Потом снова на Александра.

— Часто.

— Почему?

— Ты действительно ничего не помнишь.

Это прозвучало не вопросом.

— Поэтому и спрашиваю.

Святобор медленно сел.

Наконец.

— Ты ненавидел отставать.

Александр замолчал.

— От кого?

— От всех.

Коротко.

— Дети младших родов приезжали сюда и были сильнее.

На состязаниях ты проигрывал тем, кого считал слабее себя по положению.

— И просил увеличить нагрузку.

— Требовал.

Святобор усмехнулся без веселья.

— Иногда тайком занимался после уроков.

Всеволод резко посмотрел на него.

— Что?

Святобор поморщился.

— Глава...

— Ты мне не говорил.

— Потому что я узнал позже.

— Насколько позже?

— Когда он свалился с лихорадкой.

Комната стала холоднее.

Александр перевёл взгляд на деда.

Всеволод явно хотел продолжить этот разговор совсем в другом направлении.

— Дед.

Тот посмотрел.

— Потом.

Несколько секунд.

Всеволод медленно выдохнул.

Кивнул.

Александр снова повернулся к Святобору.

— После болезни сколько отдыхал?

— Пока лекарь не разрешал.

— Полностью?

— Да.

— Никаких занятий?

— Прогулки. Иногда лошадь.

— Сколько?

— Две недели. Три. Иногда месяц.

— Потом как возвращались?

— Легко.

— Конкретно.

Святобор раздражённо провёл ладонью по лицу.

— Половина обычного занятия.

— Потом?

— Если чувствовал себя хорошо — добавляли.

— Насколько быстро возвращались к прежнему объёму?

Тишина.

— Неделя?

Святобор ничего не ответил.

Александр понял.

— Несколько дней?

— Он требовал.

— Я не спрашиваю, кто требовал.

Святобор резко посмотрел.

— Ты хочешь сказать, я делал неправильно?

Вот он.

Александр ожидал этого раньше.

— Нет.

— Тогда что?

— Я хочу понять, почему не получилось.

— Потому что твой Источник слаб.

— Возможно.

Святобор подался вперёд.

— Не «возможно».

— Откуда уверенность?

— Я видел десятки мальчиков. Сильный Источник — сильное тело. Быстрое восстановление. Слабый — наоборот.

— Всегда?

— Почти.

— Бывают люди со слабым Источником и сильным телом?

Святобор помолчал.

— Бывают.

— Люди с сильным Источником и плохой физической

формой?

— Среди высоких родов хватает.

Александр кивнул.

— Значит, связь не прямая.

— Я этого не сказал.

— А я не сказал, что её нет.

Святобор раздражался всё сильнее.

Всеволод наблюдал.

Не вмешивался.

Александр продолжил спокойнее:

— Я допускаю, что Источник был основной проблемой.

— Наконец-то.

— Но если слабый человек тренируется как более сильный, каждый раз пытается догнать остальных, потом полностью лежит несколько недель, теряет форму и снова пытается быстро вернуться...

Он остановился.

Святобор молчал.

— Это тоже могло влиять.

— И что бы ты сделал?

Вот теперь вопрос звучал иначе.

Не вызов.

Почти профессиональный интерес.

Александр ответил сразу:

— Не дал бы догонять.

Святобор нахмурился.

— Он наследник.

— И?

— Он должен быть сильным.

— Именно поэтому.

— Не понимаю.

— Если человек сейчас способен безопасно сделать десять, а другой двадцать, я не заставляю первого делать двадцать только потому, что ему стыдно.

— Тогда он всегда останется слабее.

— Нет.

Александр покачал головой.

— Сегодня десять. Потом одиннадцать. Потом двенадцать.

— Слишком медленно.

— Зато через полгода он всё ещё тренируется.

Тишина.

Александр постучал пальцем по столу.

— А не лежит третий раз с лихорадкой.

Святобор поджал губы.

Всеволод посмотрел на него.

— Это правда?

Наставник тяжело выдохнул.

— Возможно.

Очень неохотно.

Александр улыбнулся.

— Добро пожаловать.

— Куда?

— В клуб «возможно».

Святобор ничего не понял.

Всеволод — тоже.

Неважно.

— Я хочу посмотреть, как ты собираешься заниматься, —
сказал наставник.

— Сегодня?

— Сейчас.

— Лекарь разрешил только лёгкую нагрузку.

— Я слышал.

— Значит, ничего интересного.

Святобор поднялся.

— Посмотрим.

Тренировка заняла девять минут.

Если считать всё вместе с отдыхом.

Самой работы было меньше трёх.

Святобор сначала решил, что Александр издевается.

— Всё?

— Пока нет.

Александр сидел на высоком стуле.

Перед ним лежал лист.

Он уже прошёл по комнате два раза.

Потом пять раз поднял руки вверх, медленно вращая пле-

чами.

Размял стопы.

Сделал несколько неглубоких движений тазом.

Теперь собирался вставать.

— Это разминка? — спросил Святобор.

— Да.

— Перед чем?

— Перед тремя вставаниями.

Наставник смотрел.

— Тримя?

— Возможно, четырьмя.

— Ты вчера сделал четыре.

— Именно.

— Значит, сегодня должен сделать пять.

Александр улыбнулся.

— Почему?

Святобор открыл рот.

Остановился.

Всеволод, стоявший возле окна, тихо произнёс:

— Осторожнее. Сейчас начнётся.

Александр поставил стопы.

Встал.

Сел.

Первое легко.

Второе.

На третьем уже почувствовал мышцы.

Но запас огромный.

Для нынешнего состояния.

Он сел.

Святобор ждал.

— Всё.

— Ты мог ещё минимум два.

— Думаю, три.

— И остановился?

— Да.

— Зачем?

— Потому что цель сегодняшней тренировки — не устать.

Святобор посмотрел на Всеволода.

— Это точно тренер?

Дед пожал плечами.

— Я пока верю ему на слово.

Александр усмехнулся.

— Сейчас задача — дать телу достаточно нагрузки, чтобы оно получило стимул, но не столько, чтобы восстановление стало проблемой.

— Как определишь «достаточно»?

Хороший вопрос.

— Пока плохо.

Святобор удивился.

— Что?

— У меня нет нормальных исходных данных. Поэтому начинаю заведомо ниже того, что могу выдержать.

— А дальше?

— Если завтра всё нормально — повторяю или чуть добавляю.

— Если слишком легко?

— Отлично.

— Почему?

— Потому что сейчас опаснее перебрать, чем недобрать.

Святобор некоторое время молчал.

— В бою так не работает.

— Я сейчас не в бою.

— Воин тренируется для боя.

— Больной наследник сначала тренируется для того, чтобы нормально подняться по лестнице.

Это было жёстко.

Но правда.

Святобор посмотрел на слабые ноги Александра.

Не возразил.

— Теперь ходьба, — сказал Александр.

— Сколько?

— Сорок шагов.

— Вчера ты сделал шестьдесят.

— И потом полез по лестнице, после чего устал на полдня.

— Ты считаешь это ошибкой?

— Да.

— Но ты узнал свой предел.

— Я узнал, что перешёл разумный предел.

Разница.

Александр прошёл двадцать шагов.

Развернулся.

Ещё двадцать.

Вернулся.

Пульс — сто восемь.

Через две минуты — девяносто шесть.

Очень неплохо.

Он записал.

Святобор смотрел на лист.

— Теперь?

— Отдых.

— А потом?

— Потом обед.

— Я про тренировку.

— Я тоже.

Наставник уставился.

Александр улыбнулся.

— Завтра увидимся.

— Девять минут.

— Меньше.

— И ты называешь это занятием?

— Нет. Пока реабилитацией.

— Это что?

— Возвращением тела в состояние, когда его вообще можно нормально тренировать.

Святобор медленно кивнул.

Слово было новым.

Идея — нет.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра посмотрю снова.

— Зачем?

— Хочу увидеть, когда тебе надоест делать три вставания.

— Мне уже надоело.

— И?

— Это не имеет значения.

Святобор впервые улыбнулся.

— Возможно, у нас получится.

Александр посмотрел на него.

— Вот теперь мне стало страшно.

Тепла не было.

Александр ждал десять минут.

Потом двадцать.

Ничего.

Пульс давно вернулся к исходному.

Ноги чувствовали себя нормально.

В груди — обычное состояние.

Никакого движения.

Никакой магии.

Никакого таинственного отклика.

Он записал:

После первой нагрузки: тепла нет. Наблюдение 20 минут.

И почему-то испытал разочарование.

Это было глупо.

Вчерашнее ощущение могло быть обычной частью восставления.

Лекарь прямо сказал.

Александр должен был радоваться, что ничего странного не происходило.

Но человеческий мозг очень любил закономерности.

Особенно красивые.

Потренировался — почувствовал магию.

Отлично звучит.

Удобно.

И почти наверняка слишком рано.

Александр перечеркнул мысль ещё до того, как успел записать.

Мирослава пришла после обеда.

Сегодня с настоящей учебной доской.

Небольшой деревянной пластиной, покрытой светлым воском.

— Где взяла?

— Мне дали.

— Кто?

— Учитель.

— Добровольно?

Она задумалась.

— Почти.

— Мне уже страшно спрашивать.

— Тогда не спрашивай.

Ярослав когда-то определённо плохо влиял на ребёнка.

Или Александр уже начинал.

— Сегодня двенадцать знаков, — объявила Мирослава.

— Вчера было девять за час.

— Поэтому двенадцать.

— Это не так работает.

— Почему?

— Потому что...

Александр остановился.

Посмотрел на неё.

Мирослава смотрела совершенно невинно.

— Ты специально?

— Что?

— Вчера я объяснял про нагрузку?

— Святобору объяснял. Я слушала за дверью.

— Конечно.

— Двенадцать.

— Десять.

— Одиннадцать.

Александр прищурился.

— Кто тебя учил торговаться?

— Дедушка.

— Многое объясняет.

Они сошлись на десяти новых символах.

Через двадцать минут Александр понял, что переоценил себя.

Старые девять он узнавал уверенно.

Из новых десяти четыре постоянно путал.

— Это опять «ф»?

— Нет.

— Уверена?

— Да.

— Вчера похожее было «ф».

— Это другой знак.

— Чем?

Мирослава ткнула пальцем.

— Вот здесь хвостик.

— Это не хвостик. Это издевательство.

— Ты просто старый.

Александр поднял голову.

— Что?

— Взрослые хуже учат буквы.

— Мне...

Он остановился.

— Восемнадцать.

— Вот. Старый.

— Тебе восемь.

— Именно.

Логика железная.

Александр потёр виски.

— Перерыв.

— Мы только начали.

— Прошло двадцать минут.

— И что?

— Дед разрешил двадцать.

— Он сейчас не здесь.

— Очень опасная философия.

Мирослава легла животом поперёк кровати.

— Ты всё считаешь.

— Не всё.

— Шаги считаешь.

— Да.

— Сердце считаешь.

— Да.

— Буквы считаешь.

— Да.

Она загибала пальцы.

— Сколько спишь считаешь.

— Теперь буду.

— Еду?

Александр задумался.

— Пока нет.

Мирослава победно улыбнулась.

— Значит, не всё.

— Спасибо. Очень помогла.

Она заметила лист рядом.

— А это что?

— Записи после тренировки.

— Ты тренировался?

— Громко сказано.

— Дед сказал, тебе нельзя.

— Лекарь разрешил.

— Сколько?

— Три раза встал со стула.

Мирослава молчала.

Потом начала смеяться.

Не хихикать.

Именно смеяться.

До слёз.

— Что?

— Ты... тренировался... вставать?

— Очень смешно.

— Сколько раз?

— Три.

Она зарылась лицом в покрывало.

Александр терпел.

— Закончили?

— Нет.

— Хорошо.

Через минуту Мирослава всё-таки успокоилась.

— Я могу больше.

— Не сомневаюсь.

— Десять.

— Поздравляю.

— Двадцать.

— Ты очень сильная.

— Сто.

Александр посмотрел на неё.

— Вот это уже хочу увидеть.

— Могу.

— Нет.

— Могу!

Она немедленно спрыгнула с кровати.

— Мирослава.

— Один!

Присела.

Встала.

— Два!

— Я пошутил.

— Три!

— Остановись.

— Почему?

— Потому что ты сейчас сделаешь сто из упрямства.

— Сделаю!

— Именно.

Она остановилась.

— Ты сам так делал?

Вопрос попал неожиданно точно.

Александр подумал о рассказе Святобора.

О настоящем Ярославе.

Тот тоже хотел догонять.

Доказывать.

Делать больше.

— Видимо, да.

— И что?

— Плохо закончилось.

Мирослава моментально стала серьёзной.

— Из-за этого ты умер?

Тишина.

Александр почувствовал, как внутри всё сжалось.

Она говорила о Ярославе.

И не знала, насколько точно сформулировала.

— Не знаю.

Честный ответ.

— Поэтому не будем проверять, сможешь ли ты сто.

Мирослава медленно забралась обратно.

— А сколько можно?

— Сегодня три уже сделала.

— Мало.

— Завтра сделаешь ещё.

— Это скучно.

— Большая часть полезных вещей скучная.

— Неправда.

— Сон полезный.

— Сон хороший.

— Еда.

— Тоже.

— Учёба.

Она нахмурилась.

— Плохой пример.

Александр рассмеялся.

После её ухода Александр почти час ничего не делал.

Специально.

Лежал.

Потом сидел.

Читал свои записи.

Не ходил без необходимости.

Не делал никаких упражнений.

Наблюдал.

Тепла не было.

Ни разу.

Это тоже информация.

Он записал:

Покой после обеда ~1 час. Необычных ощущений

нет.

Потом задумался.

Если он сейчас сделает нагрузку и тепло появится — интересно.

Если не появится — тоже полезно.

Но один день всё ещё ничего не решает.

Самое важное — не начать подгонять эксперимент под желание получить красивый результат.

Он встал.

Пульс — восемьдесят восемь.

Сегодняшняя вторая нагрузка должна быть ещё легче.

Только ходьба.

Тридцать шагов.

Ни вставаний.

Ни лестницы.

Ничего другого.

Александр прошёл пятнадцать шагов.

Развернулся.

Ещё пятнадцать.

Сел.

Пульс — сто четыре.

Через две минуты — девяносто четыре.

Хорошо.

Он положил пальцы на запястье.

Ждал.

Пять минут.

Ничего.

Десять.

Ничего.

— Ну и правильно.

Сам себе сказал.

Он уже собирался убрать лист, когда под грудиной стало тепло.

Александр замер.

Не двигаться.

Не менять дыхание.

Тепло было слабым.

Почти на границе восприятия.

Грудь.

Плечо.

Рука.

До локтя.

Исчезло.

Он посмотрел на песочные часы.

Запомнил.

Примерно одиннадцать минут после нагрузки.

Через полминуты тепло вернулось.

На этот раз путь был короче.

Грудь.

Плечо.

Исчезло.

Александр медленно взял перо.

Вторая нагрузка: 30 шагов.

Тепло возникло примерно через 11 минут после окончания.

Маршрут: грудь → плечо → рука.

Повторилось дважды.

Он остановился.

Сердце билось быстрее.

Не от нагрузки.

От интереса.

Вот теперь хотелось сделать ещё.

Ещё тридцать шагов.

И проверить.

Если снова появится...

Александр положил перо.

Нет.

Именно так начинаются плохие эксперименты.

Изменить запланированный объём, потому что понравился результат.

Тогда завтра он уже не будет знать, получил эффект от одинаковой нагрузки или от удвоенной.

Не трогать.

Он лёг.

— Завтра.

Слово прозвучало почти как угроза.

Вечером лекарь пришёл ненадолго.

Александр сразу сообщил.

— Повторилось.

— Что?

— Тепло.

Лекарь поставил флакон.

— Когда?

Александр показал записи.

Перевёл.

Тот слушал внимательно.

— И после первой прогулки сегодня ничего не было?

— Нет.

— После второй?

— Примерно через одиннадцать минут.

— Почему думаешь, что это связано?

— Не думаю.

Лекарь поднял бровь.

— Ты составил половину книги про тридцать шагов.

— И всё равно не думаю.

— Тогда что делаешь?

— Проверяю.

Лекарь сел.

— Хорошо. Что ты хочешь от меня?

— Ничего пока.

— Ничего?

— Завтра тот же режим.

— Ты же собирался увеличивать.

— Не теперь.

— Почему?

Александр указал на лист.

— Потому что если хочу понять, повторяется ли эффект, лучше не менять нагрузку.

Лекарь задумался.

— То есть завтра снова тридцать шагов?

— Во второй половине дня — да. Примерно в то же время.

После похожего отдыха.

— Еда?

Александр посмотрел на него.

— Вот.

— Что?

— Вы точно заражаетесь.

— Чем?

— Методом.

Лекарь закатил глаза.

— А утренняя нагрузка?

— Такая же, как сегодня.

— Вставания?

— Три.

— Не четыре?

— Нет.

— Почему?

— Потому что завтра я хочу проверить не прогресс силы.

Лекарь некоторое время молчал.

— Теперь я понял.

— Что?

— Почему ты так долго разговариваешь.

— И?

— Ты сам не знаешь ответ, пока не договоришь мысль до конца.

Александр задумался.

— Возможно.

— Ненавижу это слово.

— Добро пожаловать.

Святобор вернулся вечером сам.

Без Всеволода.

— Я слышал, ты второй раз сегодня ходил.

— Новости здесь распространяются быстрее интернета.

— Чего?

— Быстро.

Наставник прислонился к стене.

— Сколько?

— Тридцать.

— Устал?

— Нет.

— Тогда завтра больше?

— Нет.

Святобор поморщился.

— Я опять не понимаю.

— Завтра повторю.

— То же самое?

— Да.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, одинаково ли организм реагирует.

— Организм?

— Тело.

— Говори нормально.

— Постараюсь.

Святобор смотрел на него несколько секунд.

— Ты действительно занимался этим раньше?

— Тренировками?

— Да.

— Всю взрослую жизнь.

— И был хорош?

Александр усмехнулся.

— Я считал, что да.

— Это не ответ.

— Выступал на соревнованиях. Тренировал других. Этим зарабатывал.

— Сражался?

— Нет.

— Тогда в чём соревновались?

Александр задумался, как объяснить бодибилдинг чело-

веку из этого мира.

— В том, кто лучше развил тело.

Святобор молчал.

— Без боя?

— Да.

— Просто показывали мышцы?

— Если очень упростить.

Святобор ещё немного помолчал.

— Станный у тебя был мир.

— Даже спорить не буду.

— И люди за это платили?

— Иногда хорошо.

Святобор рассмеялся.

— Теперь я верю, что ты потерял память.

— Почему?

— Такое невозможно придумать трезвым.

Александр тоже засмеялся.

Потом наставник стал серьёзнее.

— Я думал о том, что ты сказал.

— О нагрузке?

— О Ярославе.

Александр не поправил.

— И?

Святобор посмотрел в окно.

— Он всегда хотел больше.

— Вы ему давали.

— Не всегда.

— Но часто.

— Часто.

— Почему?

Святобор сжал челюсть.

— Потому что мне тоже хотелось, чтобы получилось.

Очень честно.

— Я видел мальчиков слабее его, которые за пару лет становились крепкими. Думал, если найти правильную работу...

— Получится.

— Да.

— Иногда получалось?

— На время.

— Вот поэтому вы продолжали.

Святобор кивнул.

Александр понимал.

Это была самая опасная ловушка.

Метод иногда давал результат.

Ярослав становился сильнее.

Значит, казалось: ещё немного — и всё наладится.

Потом откат.

Можно было списать на слабый Источник.

Начать сначала.

— Я не думаю, что вы делали что-то очевидно неправильное, — сказал Александр.

Святобор посмотрел.

— Но?

— Но хочу попробовать по-другому.

— Очень медленно.

— Да.

— Он ненавидел медленно.

— Я уже понял.

Святобор усмехнулся.

— Ты тоже, похоже.

Александр посмотрел на лист с тремя вставаниями.

— Ненавижу.

— Тогда почему?

— Потому что мне не обязательно нравиться программе.

Короткая пауза.

— Она должна работать.

Святобор кивнул.

— Завтра снова приду.

— Хорошо.

— И если через неделю ты всё ещё будешь вставать со стула три раза...

— Тогда будем разбираться почему.

Наставник улыбнулся.

— Вот это уже звучит знакомо.

Перед сном Александр сделал последнюю проверку.

Не тренировку.

Проверку.

Встал.

Прошёл четырнадцать шагов до окна и обратно.

Легко.

Настолько, что впервые возникло желание продолжить просто потому, что приятно было не чувствовать прежней слабости.

Он остановился.

Посчитал пульс.

Сто.

Через две минуты — девяносто.

Александр нахмурился.

Вчера после тех же четырнадцати вечером было примерно сто четырнадцать.

Но сравнение было грязным.

Вчера он сильнее устал за день.

Сегодня нагрузку распределил лучше.

Разное состояние.

Разное время после еды.

Но восстановление явно ощущалось быстрее.

Он записал:

Вечер. 14 шагов — субъективно легче. Пульс после ~100. Через 2 мин ~90.

Ниже:

Физическое состояние, вероятно, улучшается.

Эту формулировку он оставил.

Данных уже становилось больше.

Потом посмотрел на магическую часть.

Первый день:

тепло после вечерней ходьбы.

Сегодня:

утренняя нагрузка — нет.

длительный покой — нет.

вторая нагрузка — тепло через ~11 минут.

Совпадение?

Вполне.

Обычное восстановление Источника?

Тоже.

Связь с приёмом пищи?

Возможно.

Настой?

Возможно.

Время суток?

Возможно.

Магический осмотр утром?

Тоже возможно.

Александр потёр лоб.

Чем больше данных появлялось, тем больше становилось вариантов.

Нормально.

Так и должно быть.

Плохая теория объясняет всё сразу.

Хорошая сначала заставляет задавать больше вопросов.

Он взял новый лист.

Сверху написал:

ГИПОТЕЗА №1.

Посмотрел.

Слишком громко.

Перечеркнул.

Написал:

ВОПРОС №1.

Вот теперь правильно.

Есть ли связь между физической нагрузкой и последующим движением энергии?

Ниже:

За: два эпизода после нагрузки.

Против: тепло может быть обычным восстановлением Источника. После первой нагрузки сегодня эффекта не было.

Ещё ниже:

Недостаточно данных.

Александр откинулся на спинку стула.

Чего не хватает?

Повторяемости.

Одни и те же условия.

Несколько дней.

Не менять всё сразу.

Он написал:

План: 7 дней.

Утренний пульс.

Самочувствие.

Сон.

Одинаковая лёгкая нагрузка.

Фиксировать время появления тепла / отсутствие.

Проверка Источника у одного лекаря через одинаковые интервалы.

Не увеличивать нагрузку без причины.

Если состояние ухудшается — эксперимент прекратить.

Он перечитал последний пункт.

Подчеркнул.

Дважды.

Потом задумался и добавил:

Главная цель — восстановление тела. Эксперимент вторичен.

Вот теперь точно.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Мирослава просунула голову.

— Ты спишь?

Александр посмотрел на неё.

— По-твоему?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она вошла.

В ночной рубашке.

Босая.

— Я сказать пришла.

— Что?

— Я вспомнила ещё кое-что про тебя.

Александр отложил перо.

— Про Ярослава?

Мирослава нахмурилась.

— Про тебя.

Он не стал поправлять.

— Хорошо. Что?

Она подошла ближе.

— Когда ты раньше тренировался, ты всегда потом спал.

Александр замер.

— Сразу?

— Иногда.

— Долго?

— Не знаю.

— А ещё?

Мирослава задумалась.

— Ел много.

— Это неудивительно.

— И был злой.

— Вот это уже говорили.

— Не всегда.

— Когда?

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Когда дед говорил, что завтра опять надо заниматься. Александр смотрел на неё.

— Ты точно помнишь?

— Да.

— А когда занятия отменяли?

— Тогда ты тоже был злой.

Он невольно улыбнулся.

— Удобный человек.

— Я говорила, что ты вредный.

— Что ещё?

— Иногда после занятий у тебя руки были горячие. Улыбка исчезла.

— Что?

Мирослава пожала плечами.

— Горячие.

— Насколько?

— Просто горячие.

— Часто?

— Не знаю.

— Прости.

— Я спать хочу.

— Конечно.

Он встал.

Проводил её до двери.

Уже там спросил:

— Мирослава.

— М?

— Про горячие руки. Не пытайся специально вспоминать.

— Почему?

— Потому что можешь придумать то, чего не было.

Она посмотрела на него совершенно непонимающе.

— Зачем мне придумывать твои руки?

Справедливо.

— Просто если вспомнишь само — скажи.

— Хорошо.

Она ушла.

Александр закрыл дверь.

Вернулся к столу.

Несколько секунд смотрел на записи.

Потом добавил отдельной строкой:

Свидетельство Мирославы: у прежнего Ярослава после некоторых тренировок бывали «горячие руки». Точность/частота неизвестны. НЕ считать подтверждением.

Он подчеркнул последние слова.

Очень хотелось.

Вот именно поэтому нельзя.

Александр отложил перо.

Перед ним лежали две возможные картины.

Первая была простой.

Слабый Источник.

Физическая нагрузка расходует энергию.

Ярослав регулярно перегружался.

Истощался.

БолеЛ.

Лекари совершенно правильно советовали ему покой.

А тепло — обычное восстановление.

Вторая была интереснее.

Нагрузка что-то запускала.

Не обязательно хорошее.

Не обязательно развитие.

Но что-то.

И прежний Ярослав, возможно, тоже это испытывал.

Проблема была в том, что интересная версия почти всегда нравилась мозгу больше скучной.

Это делало её особенно опасной.

Александр написал в самом низу:

Не выбирать красивую версию.

Потом:

Нужна неделя.

И погасил свет.

На этот раз сам.

Потому что днём всё-таки заставил Матвея объяснить, как работает светящийся камень.

Оказалось, достаточно повернуть металлическое кольцо у основания.

Маленькая победа.

Сегодня он научился выключать свет.

Завтра собирался проверить, не ошибается ли весь магический мир.

Разница в масштабе была немного пугающей.

Поэтому Александр решил пока сосредоточиться на свете.

Глава 5. Контроль

Через две недели Ярослав перестал каждый раз вздрагивать, когда слышал собственное имя.

Первые дни мозг упрямо реагировал на «Ярослав» как на обращение к кому-то другому.

Матвей звал молодого господина Ярославом.

Мирослава — братом.

Святобор — Ярославом, когда не забывался и не переходил на привычное «молодой господин».

Всеволод вообще очень быстро перестал использовать имя Александр.

Сначала Ярослав это замечал.

Потом раздражался.

Потом однажды утром Матвей вошёл с завтраком и спросил:

— Ярослав, вам открыть окно?

И он ответил:

— Да.

Только спустя несколько минут понял, что даже не задумался.

Наверное, именно тогда имя окончательно перестало быть чужим.

С телом происходило примерно то же самое.

Оно всё ещё не нравилось ему.

Но уже перестало ощущаться взятым напрокат.

В первое утро пульс в покое держался около сотни.

Теперь обычно был между семьюдесятью четырьмя и восьмьюдесятью.

В первые дни четырнадцать шагов превращались в небольшое спортивное достижение.

Теперь Ярослав спокойно проходил весь коридор, спускался во двор и поднимался обратно без необходимости останавливаться на лестнице.

Медленно.

Но сам.

Четыре вставания со стула когда-то заставляли ноги дрожать.

Теперь он делал восемь и специально останавливался.

Не потому что девятое было невозможно.

Потому что пока не нужно.

Вес тоже уменьшился.

Немного.

Ярослав не устраивал диеты.

Просто перестал заканчивать каждый приём пищи сладким, добавил больше мяса, яиц, каши и того, что здесь заменяло привычные овощи.

Лекарь сначала требовал «есть без ограничений».

Потом увидел, что Ярослав не голодает, и перестал спорить.

Через две недели складские весы показали немного мень-

ше восьмидесяти одного местного килограмма.

Ярослав записал результат.

Не обрадовался.

Не расстроился.

Вес сейчас был побочным показателем.

Главным оставалось другое.

Он восстанавливался.

И восстанавливался быстрее, чем ожидал.

На столе лежала уже небольшая стопка исписанных листов.

Сон.

Пульс.

Еда.

Ходьба.

Упражнения.

Ощущения.

Осмотры Источника.

В первые дни записи выглядели почти смешно:

30 шагов.

3 вставания.

Тепла нет.

Потом:

40 шагов.

3 вставания.

Тепло через 9 минут.

Потом:

Та же нагрузка. Тепла нет.

Вот этот день Ярослав запомнил особенно хорошо.

Потому что уже почти начал верить.

Он повторил условия настолько близко, насколько мог.

То же время.

Похожий завтрак.

Тот же отдых.

Тридцать шагов.

Три вставания.

Сел.

Ждал.

Десять минут.

Пятнадцать.

Двадцать.

Ничего.

На двадцать пятой минуте ему очень захотелось встать и сделать ещё.

Не потому что это входило в план.

Потому что хотелось заставить красивую закономерность вернуться.

Ярослав тогда долго смотрел на строку:

Эффекта нет.

А потом дописал:

Не менять условия после получения неудобного результата.

Это оказалось полезнее самого тепла.

После этого он перестал относиться к дневнику как к доказательству своей идеи.

Дневник должен был её уничтожить, если идея неверна.
Или оставить в живых.

О магии за две недели он тоже узнал достаточно, чтобы окончательно понять, насколько мало знает.

Источник не был вторым сердцем.

Не был органом.

Не был отдельным мешком с энергией где-то в животе.

По официальной теории он был связан со всем телом и позволял накапливать, удерживать и направлять магическую энергию.

Для практики местные выделяли несколько вещей.

Наполненность.

Устойчивость.

Силу отклика.

Скорость восстановления.

Способность проводить энергию.

И контроль.

Проблема заключалась в том, что почти всё это определяли сравнительно.

Слабый.

Средний.

Сильный.

Устойчивый.

Неустойчивый.

Быстро восстанавливается.

Медленно.

Ярослав однажды спросил лекаря:

— Быстро — это сколько?

Тот ответил:

— Быстро.

После чего они минут пять смотрели друг на друга.

В итоге лекарь всё-таки согласился, что иногда полезно знать не только качество, но и время.

Для Ярослава это уже было победой.

Самое важное оказалось дальше.

Считалось, что основа Источника задаётся человеку от рождения.

Наследственность имела огромное значение.

Дети сильных родов чаще получали сильные Источники.

Дети слабых — слабые.

Инициация не создавала силу из ничего.

Она окончательно открывала то, что сформировалось к совершеннолетию.

После этого человека можно было научить лучше использовать энергию.

Улучшить контроль.

Снизить лишние потери.

Повысить эффективность заклинаний.

Научить правильно восстанавливаться.

Но фундаментальный потенциал считался почти неизменным.

Почти.

Это слово Ярослав отметил отдельно.

Потому что любое «почти» означало исключения.

— Бывали случаи изменения Источника? — спросил он однажды.

Лекарь посмотрел на него с подозрением.

— После травм — да.

— В лучшую сторону?

— Обычно нет.

— Обычно.

— Не начинай.

Но начал уже не Ярослав.

Всеволод позже привёл человека, который несколько лет обучал Ярослава магической теории до инициации.

Из долгого разговора осталось главное.

Попытки «насиленно развивать» Источники существовали.

Давно.

Некоторые школы несколько столетий назад заставляли учеников регулярно истощать себя почти полностью.

Результаты были настолько плохими, что методы запретили.

Повреждённые Источники.

Потеря способности использовать магию.
Смерти.

— Значит, пробовали, — сказал Ярослав.

Наставник посмотрел сурово.

— И получили ответ.

В некотором смысле он был прав.

Если люди многократно наблюдали:

сильное истощение → повреждение ,—

то вывод:

Источник надо беречь

выглядел совершенно логично.

Ярослава это даже радовало.

Он всё меньше верил в историю про мир, где тысячелетиями жили одни идиоты, пока не появился один попаданец с абонементом в фитнес-клуб.

У местной системы были причины.

И наблюдения.

Возможно, ошибка находилась не в фактах.

А в том, как их связывали.

Святобор за две недели тоже изменил мнение.

Незначительно.

Очень неохотно.

Но изменил.

Он присутствовал почти на каждом втором занятии.

Само слово «занятие» продолжало его оскорблять.

— Восемь? — спросил он.

Ярослав стоял возле высокого стула.

— Восемь.

— Вчера было семь.

— Было.

— Сегодня сделаешь восемь.

— Да.

— Девять можешь?

— Могу.

— Тогда почему восемь?

Ярослав посмотрел на него.

— Мы правда будем обсуждать это каждое утро?

— Пока ты не начнёшь нормально тренироваться.

— Я нормально тренируюсь.

Святобор тяжело вздохнул.

— Восемь раз встать со стула.

— Две недели назад было три.

Наставник замолчал.

Вот с числами спорить ему становилось сложнее.

Ярослав сделал первый подъём.

Медленно.

Без рывка.

Второй.

Третий.

К шестому появилась нормальная работа мышц.

На восьмом он сел.

Всё.

Святобор посмотрел.

— Ещё два точно есть.

— Возможно.

— Ненавижу это слово.

— Вставай в очередь.

После короткого отдыха Ярослав прошёл коридор.

Потом ещё раз.

Без одышки.

Пульс поднялся умеренно.

Восстановился быстро.

Святобор следил.

— Хорошо.

Ярослав посмотрел на него.

— Что?

— Я сказал: хорошо.

— Можно повторить? Я запишу дату.

— Не наглей.

Они пошли обратно.

У лестницы Святобор неожиданно сказал:

— Ты стал сильнее.

— Да.

— За две недели.

— Да.

— Значит, работает.

Ярослав остановился.

— Нет.

Святобор повернулся.

— Что нет?

— Пока ничего не доказано.

— Ты не мог нормально подняться по этой лестнице.

— Потому что почти умер.

— Сейчас можешь.

— Потому что две недели восстанавливался после того, как почти умер.

Святобор нахмурился.

— И занимался.

— Да.

— Тогда почему не работает?

Ярослав опёрся ладонью о перила.

— Может, работает. Может, я восстановился бы точно так же, если бы только ел и спал.

— Быстрее?

— Не знаю.

— Но ты же всё записываешь.

— У меня нет второго Ярослава, которого можно оставить лежать две недели для сравнения.

Святобор некоторое время молчал.

— Иногда ты специально портишь себе победы?

— Когда они ненастоящие — да.

Наставник усмехнулся.

— Ярослав раньше был другим.

Фраза прозвучала спокойно.

Без подозрения.

Просто констатация.

Ярослав тоже спокойно ответил:

— Мне говорили.

И пошёл дальше.

Больше имя не резало слух.

В тот день была очередная проверка Источника.

Лекарь проверял его теперь через одинаковые промежутки времени и, ворча, старался соблюдать почти одинаковую процедуру.

Сначала отдых.

Потом положение тела.

Ладонь на грудь.

Вторая ниже.

Похожая продолжительность воздействия.

Не идеально.

Но гораздо лучше, чем «посмотрим, как сегодня чувствуется».

Ярослав лёг.

Тепло пришло почти сразу.

Чужая энергия прошла по знакомому маршруту.

Он уже различал её достаточно уверенно.

Грудь.

Плечо.

Рука.

Обратно.

Глубже.

Когда лекарь закончил, Всеволод спросил:

— Ну?

— Лучше.

Ярослав даже не успел открыть рот.

Лекарь поднял ладонь.

— Сейчас.

Ярослав закрыл рот.

Прогресс.

— Наполненность выше.

— Устойчивость?

— Лучше.

— Рассеивание?

— Меньше.

— Отклик?

— Увереннее.

Ярослав записывал.

Лекарь следил.

— Всё?

— Почти.

— Что ещё?

Ярослав поднял голову.

— Это нормально?

— Что именно?

— Такой результат через две недели.

Лекарь задумался.

— В целом да.

Не тот ответ, который хотелось услышать.

Именно поэтому полезный.

— То есть человек после такого истощения может восстановиться примерно так же просто от покоя?

— Может.

Ярослав кивнул.

Записал:

Изменения пока укладываются в обычное восстановление.

Всеволод смотрел на него.

— Ты расстроился.

— Немного.

— Потому что выздоравливаешь нормально?

— Потому что нормальное выздоровление ничего мне не объясняет.

Лекарь фыркнул.

— Большинство пациентов радуется.

— Я радуюсь.

— Очень незаметно.

Ярослав перечитал записи.

Две недели.

Физические показатели росли.

Источник восстанавливался.

Тепло после нагрузки появлялось часто.

Но не всегда.

Иногда было после нагрузки.

Иногда не было.

Один раз возникло вообще утром после сна.

Этого оказалось достаточно, чтобы уничтожить слишком простую формулу:

потренировался → энергия пошла.

И хорошо.

Слишком красиво всё равно не бывает.

Он уже собирался закрыть дневник, когда мысль пришла с другой стороны.

— Сколько?

Лекарь нахмурился.

— Что сколько?

— Сколько обычно восстанавливается Источник после настолько сильного истощения?

— Зависит.

— От чего?

— Возраста. Силы Источника. Повреждений. Лекарств. Общего состояния.

— Я понимаю. Ярослав. Восемнадцать лет. Слабый Источник. Состояние после инициации примерно такое, как было у меня.

Лекарь подумал.

— Несколько недель.

— Две?

— Может быть.

— Три?

— Может.

— Месяц?

— Бывает.

— А до нынешнего состояния?

Лекарь уже начал раздражаться.

— Я не могу сказать точно.

— Примерно.

— Возможно, три-четыре недели.

Ярослав перестал писать.

Всеволод тоже заметил.

— Что?

— Мы на второй.

— И?

— Вы только что сказали, что обычно до такого состояния требуется три-четыре.

Лекарь нахмурился.

— Я сказал «возможно».

— Я слышал.

— У тебя могло быть меньше повреждений, чем я думал.

— Могло.

— Настой мог подействовать хорошо.

— Мог.

— Ты молод.

— Да.

— Тогда что?

Ярослав медленно положил перо.

— Ничего.

Лекарь простонал.

— Только не это слово.

— Правда ничего. Пока.

Но мысль уже перестроилась.

До этого Ярослав всё время смотрел не туда.

Его интересовало:

стал ли Источник больше?

Глупый вопрос.

Слишком ранний.

Даже в спорте он никогда не оценивал программу только по тому, сколько человек может поднять сегодня.

Иногда важнее было другое.

Как быстро восстановился пульс.

Как спал.

Вернулась ли работоспособность к следующей тренировке.

Сколько времени требуется между одинаковыми нагрузками.

Ярослав посмотрел на лекаря.

— Вы измеряете скорость восстановления?

— Конечно.

— Как?

— Смотрим, насколько быстро Источник наполняется после расхода.

— После одинакового расхода?

Лекарь задумался.

— Не всегда.

— А если специально дать двум людям одинаковую небольшую нагрузку?

— Зачем?

— Чтобы сравнить.

— Кого?

— Одного человека с самим собой.

Лекарь замолчал.

Ярослав подался вперёд.

— Допустим, сегодня Источник расходует определённое количество энергии. Мы смотрим, сколько времени требуется, чтобы вернуться к исходному состоянию.

— Допустим.

— Через месяц повторяем точно такой же расход.

— И?

— И снова измеряем время восстановления.

Лекарь нахмурился.

— С какой целью?

— Узнать, изменилось ли оно.

— Восстановление может улучшаться по мере взросле-

ния.

— Мне уже восемнадцать.

— Состояние организма тоже влияет.

— Вот именно.

Лекарь замолчал.

Всеволод смотрел уже очень внимательно.

— То есть, — медленно произнёс он, — тебя теперь интересует не количество силы?

— Не только.

Ярослав взял чистый лист.

Старая запись стояла наверху:

Есть ли связь между физической нагрузкой и движением энергии?

Он перечеркнул её одной линией.

Не потому что вопрос потерял смысл.

Просто появился лучший.

Написал:

Меняется ли скорость восстановления Источника при регулярной дозированной нагрузке?

Лекарь прочитать не мог.

— Что написал?

Ярослав перевёл.

Тот некоторое время молчал.

— Это всё равно ничего не докажет.

— Конечно.

— На восстановление влияет слишком много факторов.

— Конечно.

— Сон.

— Записываю.

— Питание.

— Записываю.

— лекарства.

— Тоже.

— Болезни.

— Запишу.

Лекарь нахмурился.

— Тебя вообще невозможно отговорить?

— Можно.

— Как?

— Дать данные, которые покажут, что я ошибся.

Всеволод тихо рассмеялся.

— Не помогай ему, — сказал лекарь.

— Я ничего.

— Вы оба ужасны.

Ярослав посмотрел на новую строку.

Теперь была другая проблема.

Чтобы измерять восстановление, недостаточно ждать случайной усталости после ходьбы.

Нужна одинаковая нагрузка именно на Источник.

Одинаковый расход.

Сегодня.

Через несколько дней.

Через месяц.

А он даже не умел сознательно использовать магию.

Ни на каплю.

— Мне нужно научиться расходовать энергию, — сказал Ярослав.

Лекарь резко поднял голову.

— Нет.

— Немного.

— Нет.

— Безопасно.

— Нет.

— Одинаково.

— Ярослав.

Всеволод произнёс имя спокойно.

И он сразу замолчал.

Дед смотрел серьёзно.

— Две недели назад ты не мог дойти до двери.

— Знаю.

— Твой Источник всё ещё считается слабым.

— Знаю.

— Ты не начнёшь играть с ним только потому, что придумал красивый вопрос.

Ярослав несколько секунд смотрел на него.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Лекарь удивился больше всех.

— Хорошо?

— Да.

— Просто хорошо?

— Сначала нужно найти безопасный способ.

Лекарь закрыл лицо ладонями.

Всеволод рассмеялся.

Ярослав снова посмотрел на лист.

Теперь задача была сформулирована.

Не сделать Источник сильнее.

Не доказать, что весь этот мир ошибается.

Не превратиться в великого мага.

Гораздо меньше.

Научиться тратить совсем немного энергии.

Всегда одинаково.

И посмотреть, что будет дальше.

Ярослав дописал внизу:

Следующая задача: найти минимальную воспроизводимую нагрузку на Источник.

Подумал.

Добавил:

Без риска.

Потом ещё раз подчеркнул последние два слова.

Потому что дед стоял рядом.

И смотрел.

Глава 6. Право наследника

Учебный камень выглядел оскорбительно обыкновенно.

Серый.

Гладкий.

Размером чуть меньше куриного яйца.

Если бы лекарь не положил его на стол с таким видом, будто передаёт Ярославу заряженный пистолет, тот решил бы, что камень подобрали во дворе.

— И это магический артефакт?

— Нет.

— Тогда что?

— Учебный проводник.

Ярослав взял камень двумя пальцами.

Холодный.

Тяжёлый.

Никаких знаков, свечения или подозрительного гула.

— Детей на нём учат?

— Иногда.

— Значит, безопасный.

— Для здоровых детей.

— Начинается.

Лекарь протянул руку.

— Можем убрать.

Ярослав сразу прижал камень к ладони.

— Я ничего не говорил.

Всеволод, сидевший у окна, усмехнулся.

За последние две недели дед почему-то начал получать слишком много удовольствия от их разговоров.

— Что он делает? — спросил Ярослав.

— Камень?

— Да.

— Отзывается на направленную энергию.

— Как?

— Нагревается. Если энергии больше — начинает светиться.

— Мне нужно свечение?

— Нет, — одновременно сказали лекарь и Всеволод.

Ярослав посмотрел сначала на одного, потом на второго.

— Хорошо. Просто уточнил.

— Тебе нужно добиться минимального отклика, — продолжил лекарь. — Едва заметного тепла.

— И сколько энергии это потребует?

Лекарь прикрыл глаза.

— Мы вчера это обсуждали.

— Поэтому спрашиваю снова.

— Немного.

— Очень точная единица измерения.

— Ярослав.

— Всё.

Он перевёл взгляд на камень.

Вот и первый настоящий инструмент.

До сих пор он наблюдал, что Источник делает сам.

Теперь предстояло впервые заставить его что-то сделать сознательно.

Задача казалась простой.

Направить немного энергии в камень.

Проблема состояла в одном.

Ярослав понятия не имел, как направлять энергию.

— Что делать?

Лекарь ответил:

— Почувствуй Источник.

Ярослав подождал.

— Дальше?

— Сначала почувствуй.

— Я и спрашиваю как.

— Сосредоточься внутри себя.

— Где?

— Внутри.

— Очень полезно.

Лекарь раздражённо вздохнул.

— Ты чувствуешь движение энергии во время осмотра.

— Когда её двигаете вы.

— Значит, вспомни ощущение.

Ярослав закрыл глаза.

Попытался.

Грудь.

Плечо.

Рука.

Он прекрасно помнил маршрут.

Но воспоминание о тепле и само тепло были совершенно разными вещами.

Ничего.

— Нет.

— Не торопись.

— Я не тороплюсь.

Прошла минута.

Потом ещё.

Камень оставался холодным.

Ярослав открыл глаза.

— Ваш метод обучения всегда такой?

— Какой?

— «Сделай то, чего не умеешь, пока не получится».

— В основном.

Всеволод тихо рассмеялся.

Лекарь посмотрел на него.

— Хотите попробовать объяснить лучше?

— Я не наставник.

— Вот и молчите.

Ярослав снова посмотрел на камень.

Ситуация раздражала своей знакомостью.

Он десятки раз слышал в зале:

Я не чувствую спину.

У меня в тяге только руки работают.

Я не понимаю, как напрячь широчайшую.

Самый бесполезный ответ тренера в таком случае:

Просто почувствуй.

Если человек не умел сознательно включать нужное движение, словами проблему не решить.

Нужна обратная связь.

Положение.

Упрощение задачи.

Иногда вообще другой вариант упражнения.

— Есть способ, при котором камень сам вытягивает энергию?

Лекарь нахмурился.

— Зачем?

— Потому что я пока не умею её толкать.

— Есть.

— И вы молчали?

— Ты не спрашивал.

Ярослав посмотрел на Всеволода.

— Это семейное?

— Нет. Это ты плохо формулируешь вопросы.

— Разумеется.

Лекарь забрал камень.

Провёл большим пальцем по одной стороне.

— Если полностью расслабить руку и позволить камню соприкоснуться с путём, он может принять ничтожную часть

энергии сам.

Ярослав сразу протянул ладонь.

— Вот это уже похоже на упражнение для новичка.

— Только не пытайся помогать.

— Не буду.

— И сразу отпустишь, если почувствуешь слабость.

— Да.

— Или боль.

— Да.

— Или холод внутри Источника.

— Да.

Лекарь всё ещё держал камень.

— Вы собираетесь его отдать?

— Думаю, насколько сильно мне хочется жить спокойно.

— Поздно. Вы познакомились со мной две недели назад.

Всеволод опять рассмеялся.

Камень наконец лёг на ладонь.

— Закрой глаза.

Ярослав закрыл.

— Расслабь кисть.

Сделал.

— Не ищи Источник.

— Хорошо.

— Просто следи за ощущениями.

Вот это Ярослав понимал.

Никаких попыток что-нибудь сделать.

Только наблюдение.

Сначала ничего не произошло.

Потом в центре ладони появилось лёгкое покалывание.

Настолько слабое, что можно было списать на давление камня.

Ещё несколько секунд.

И возникло тепло.

Не в ладони.

Глубже.

Под грудиной.

Ярослав замер.

Тепло двинулось.

Грудь.

Плечо.

Вниз по руке.

Точно по тому маршруту, который он уже научился узнавать.

Но теперь путь закончился не у локтя.

Тепло дошло до запястья.

Потом в ладонь.

Камень чуть потеплел.

— Всё, — сказал лекарь.

Ярослав немедленно разжал пальцы.

Камень упал на сложенную ткань.

Он открыл глаза.

— Сколько?

— Что сколько?

— Опять.

— Ярослав...

— Камень нагрелся. Насколько?

Лекарь потрогал.

— Слабо.

— Это я понимаю.

— Именно этого мы и добивались.

Ярослав посмотрел на собственную руку.

Ощущение уже исчезло.

Никакой слабости.

Пульс обычный.

— Источник?

Лекарь приложил ладонь к груди.

Несколько секунд.

— Почти не изменился.

— Почти?

— Расход ничтожный.

— Хорошо.

Ярослав потянулся за камнем.

Лекарь ударил его по пальцам.

— Нет.

— Я только...

— Нет.

— Мне нужен второй результат.

— Завтра.

— Первый мог быть случайным.

— Завтра.

— Мы даже не знаем, повторится ли...

— Ярослав.

Всеволод произнёс это спокойно.

Он посмотрел на деда.

Тот указал на лежащий камень.

— Ты своим людям в прошлом мире после первой нагрузки сразу давал вторую?

Ярослав открыл рот.

И замолчал.

Неприятно.

Особенно когда твою же философию используют против тебя.

— Нет.

— Почему?

— Чтобы восстановились.

— И?

Ярослав откинулся на спинку кресла.

— Завтра.

Лекарь удовлетворённо забрал камень.

— Невероятный день.

— Что?

— Ты сам отказался.

— Не привыкайте.

Он взял лист.

Записал:

Первый сознательный расход. Учебный камень.

Потом:

Ощущение: грудь → плечо → рука → ладонь.

Внешний результат: слабый нагрев.

Состояние после: без заметной слабости.

И отдельной строкой:

**Ошибка: хотелось повторить сразу ради данных. Не
ускорять эксперимент за счёт восстановления.**

Всеволод подошёл ближе.

— Что написал последним?

Ярослав перевёл.

Дед кивнул.

— Хорошее правило.

— Я знаю.

— Скромность тоже полезное качество.

— Её в программу пока не включал.

Лекарь ушёл.

Учебный камень унёс с собой.

Ярослав несколько секунд смотрел на закрывшуюся
дверь.

— Не доверяет.

— Правильно делает, — ответил Всеволод.

— Даже немного обидно.

— Мне тоже не стоит тебе доверять.

Ярослав повернул голову.

Тон деда изменился.

Шутки закончились.

Всеволод стоял возле окна и смотрел во двор.

— Это приглашение к разговору?

— Да.

— Тогда можно сначала поесть?

— Нет.

— Жаль.

Всеволод указал на кресло.

— Сядь.

— Вы становитесь предсказуемым.

— А ты слишком много говоришь.

Ярослав сел.

За две недели такие разговоры перестали вызывать прежнее напряжение.

Почти.

С мечом дед всё равно выглядел убедительнее любого семейного психолога.

Всеволод не спешил.

— Ты спрашивал недавно, останешься ли наследником.

— Спрашивал.

— Я тогда не ответил полностью.

Ярослав сразу стал внимательнее.

— Почему?

— Потому что сначала хотел понять, что произойдёт с Источником.

— Теперь понимаете?

— Нет.

— Тогда почему решили рассказать?

Всеволод повернулся.

— Потому что тебе всё равно скоро придётся это знать.

Очень хорошее начало.

Ярослав сложил руки.

— Я слушаю.

— По крови ты наследник.

— Технически кровь принадлежит прежнему Ярославу.

— Не начинай.

— Молчу.

— Это тело — кровь моего сына и моего рода. Для закона этого достаточно.

— А для людей?

— Вот для людей всё сложнее.

Всеволод сел напротив.

— Родом нельзя управлять только потому, что ты первым родился.

— Аристократия неожиданно разумна.

— Иногда.

Ярослав улыбнулся.

Дед не ответил.

— Глава должен быть способен защищать свои земли. Лю-

дей. Интересы рода.

— Магически?

— В том числе.

— Значит, слабый маг не может стать главой?

— Может.

— А почти без Источника?

Пауза.

— Уже сложнее.

Вот оно.

Ярослав чуть откинулся назад.

— Меня могут лишить права наследования?

— Не одним решением.

— Как тогда?

— Есть родственники. Старшие рода. Союзники. Императорская власть. Другие кланы, которым совершенно необязательно иметь формальное право голоса, чтобы влиять на решение.

— То есть закон говорит одно, политика может сделать другое.

Всеволод усмехнулся.

— Ты быстро учишься.

— У меня был бизнес.

— Не знаю, что это.

— Иногда примерно то же самое. Только вместо мечей адвокаты.

— Кто?

— Неважно.

Всеволод продолжил:

— Слабый Источник сам по себе ещё ничего не решает.

Но если станет ясно, что после инициации ты окончательно потерял способность развиваться...

— Появится повод.

— Да.

— У кого?

— У всех, кому выгодно, чтобы после меня род возглавил другой человек.

— Другой из нашей семьи?

— Не обязательно тот, кого выбрал бы я.

Ярослав помолчал.

— А кого выбрали бы вы?

Всеволод посмотрел прямо.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Никого.

Честно.

— Очень перспективная ситуация.

— Я пока жив.

— Я заметил.

— И собираюсь пожить ещё.

— Рад слышать.

Дед не улыбнулся.

— Но если я умру раньше, чем вопрос решится, начнётся

борьба.

Ярослав посмотрел на него внимательнее.

— Насколько серьёзная?

— Достаточно.

— Родственники?

— Некоторые.

— Соседи?

— Конечно.

— Император?

— Если потребуется.

— Прекрасно.

Он провёл ладонью по лицу.

— Значит, мой Источник — не только моя проблема.

— Никогда не был только твоей.

— Я этого не выбирал.

— Я тоже.

Ответ был слишком быстрым.

Ярослав поднял глаза.

Всеволод сидел спокойно.

Но пальцы правой руки медленно сжимались и разжимались на подлокотнике.

— Вы надеялись на прежнего Ярослава.

— Да.

— Хотя знали, что он слаб.

— Он был моим внуком.

— Это не ответ.

— Для меня — ответ.

Ярослав замолчал.

Всеволод продолжил уже тише:

— Я надеялся, что инициация изменит ситуацию. Бывает, предварительная оценка ошибается. Бывает, Источник раскрывается лучше ожидаемого.

— А получилось наоборот.

— Да.

— Он умер.

Дед не ответил.

Ярослав пожалел, что сказал.

Поздно.

Всеволод посмотрел в сторону.

— А потом проснулся ты.

Тишина.

— И что вы теперь думаете?

Всеволод усмехнулся без веселья.

— Каждый день разное.

Это было настолько неожиданно честно, что Ярослав не нашёлся сразу.

— В первый день я думал, что должен тебя убить.

— Спасибо, что не стали.

— Не благодари раньше времени.

Ярослав поднял бровь.

Всеволод всё-таки улыбнулся.

Слабо.

— Потом решил наблюдать.

— И результаты?

— Ты раздражаешь.

— Это мне уже сообщали.

— Задаёшь слишком много вопросов.

— Тоже.

— Не знаешь элементарных вещей.

— Не по моей вине.

— Иногда ведёшь себя так, будто тебе не восемнадцать.

Ярослав промолчал.

— Но ты умеешь думать.

Вот это прозвучало иначе.

Не комплимент.

Оценка.

— Прежний Ярослав тоже был умным, — продолжил Всеволод. — Хорошо учился. Много читал. Помнил то, что я забывал.

— Но?

— Но вы разные.

— Я это понимаю.

— Он часто искал правильный ответ.

Всеволод чуть наклонился вперёд.

— А ты первым делом спрашиваешь, почему ответ вообще считается правильным.

Ярослав задумался.

— Это плохо?

— Утомительно.

— А кроме этого?

— Иногда полезно.

Он улыбнулся.

— Высшая похвала за две недели.

— Не привыкай.

Потом Всеволод снова стал серьёзным.

— Я всё ещё тебе не доверяю.

Ярослав кивнул.

— Я знаю.

— Нет.

— Что нет?

— Ты слишком быстро начал вести себя здесь как дома.

Фраза неприятно задела.

Ярослав посмотрел на собственные руки.

Не чужие.

Уже почти нет.

— А что мне делать?

— Ничего.

— Тогда к чему разговор?

— Чтобы ты не ошибся.

Всеволод говорил медленно.

— Я защищаю тебя не потому, что окончательно принял тебя как внука.

Ярослав молчал.

— Я вижу его лицо. Иногда слышу знакомую интонацию.

Ты уже называешь Мирославу сестрой, а меня дедом.

Он сделал паузу.

— Мне это нравится больше, чем должно.

Вот теперь Ярослав не знал, куда смотреть.

— Но это не значит, что я забыл первый разговор.

— Я тоже.

— Я не знаю, кто ты на самом деле. Не знаю, почему оказался здесь. Не знаю, можешь ли однажды стать угрозой.

— Справедливо.

— И всё же я собираюсь дать тебе больше свободы.

Ярослав поднял голову.

— Почему?

Всеволод некоторое время смотрел.

— Потому что если ты врёшь, то делаешь это совершенно нелепым способом.

Ярослав рассмеялся.

— Отлично.

— А если говоришь правду...

Дед продолжил:

— Тогда у меня появился наследник, который ничего не знает о нашем мире, но умеет видеть вещи, мимо которых другие проходят.

— Звучит немного опасно.

— Очень.

— И что вы хотите делать?

— Проверить.

Ярослав прищурился.

— Меня?

— Тебя.

— Каким образом?

Всеволод поднялся.

Подошёл к карте.

— Ты видел, что мне постоянно приносят хозяйственные вопросы.

— Мельница. Торговая дорога. Орловы.

— Не только.

— Я предполагал.

— Управление родом состоит не из красивых речей и поединков.

— Неужели?

— Поля. Дороги. Деревни. Лес. Мельница. Шахта. Торговля. Долги. Жалобы.

Всеволод говорил всё с менее счастливым выражением лица.

Ярослав улыбнулся.

— Вы это ненавидите.

— Неправда.

— Очень убедительно.

Дед помолчал.

— Я это терплю.

— Так честнее.

— Я умею понять, когда сосед готовит войну. Умею до-

биться нужного решения на совете. Знаю, кому можно пригрозить, а кому лучше уступить.

Он провёл пальцем по карте.

— Но если управляющий принесёт мне три способа отремонтировать мельницу, я выберу тот, который выглядит надёжнее.

— А стоимость?

— Посмотрю.

— Срок окупаемости?

Всеволод нахмурился.

— Чего?

— Потом.

— Вот именно это.

Дед ткнул пальцем в него.

— Ты постоянно спрашиваешь подобное.

— Потому что иначе как выбирать?

— Мы выбирали.

— Я вижу.

Всеволод посмотрел сурово.

— Осторожнее.

— Простите.

— Нет, не простишь.

— Скорее всего.

Дед вернулся к креслу.

— После смерти родителей Ярослава хозяйством в основном занимался управляющий. Я контролировал важное.

— Что считалось важным?

— Доходы. Налоги. Крупные сделки.

— А остальное?

— Его работа.

— Тогда почему он приносит вам ремонт мельницы?

Всеволод помолчал.

— Потому что не хочет ошибиться.

— Или потому что знает, что если решение окажется плохим, виноваты будете вы.

Дед посмотрел очень внимательно.

— Вот поэтому.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты присутствовал на советах.

Ярослав не сразу ответил.

— На каких?

— Пока хозяйственных.

— В каком качестве?

— Никаком.

— Отличная должность.

— Будешь сидеть.

— Хорошо.

— Слушать.

— Уже сложнее.

— И спрашивать.

Ярослав поднял бровь.

— Вы понимаете, что только что совершили ошибку?

— Уже начинаю.

— Я ничего не знаю о ваших деньгах.

— Научишься.

— О местной торговле.

— Научишься.

— О сельском хозяйстве.

— Именно поэтому ты пока не будешь принимать решения.

— А зачем тогда я?

Всеволод ответил без паузы:

— Мне интересно, какие вопросы ты задашь.

Ярослав замолчал.

Вот это было неожиданно.

Дед продолжил:

— Ты две недели разбираешь собственное тело так, будто это незнакомая армия.

— Слабая армия.

— Разбирал действия Святобора.

— Он пережил.

— Пока.

— И Источник.

— Которого вообще не понимаешь.

— Именно.

Всеволод кивнул.

— И ты ни разу не начал с предложения, что делать.

Ярослав задумался.

— Сначала нужны данные.

— Вот.

Дед помолчал.

— Моему управляющему очень не хватает человека, который будет сначала спрашивать, что у нас вообще происходит.

— Думаю, после первой встречи он меня возненавидит.

— Возможно.

— Вы начали использовать это слово.

Всеволод поморщился.

— Ты плохо на меня влияешь.

Ярослав улыбнулся.

Но один вопрос всё ещё оставался.

— Вы сказали, что не хотите потерять род.

— Да.

— Только род?

Всеволод поднял глаза.

— Спрашивай прямо.

— Вы не хотите терять власть.

Тишина.

Ярослав уже ожидал холодной реакции.

Её не последовало.

— Не хочу.

Просто.

— Почему?

— Потому что она у меня есть.

Ярослав не удержался от улыбки.

— Честно.

— Ты хотел честный ответ.

— Хотел.

Всеволод встал.

— Я почти сорок лет принимал решения, от которых зависели люди. Привык, что моё слово что-то значит. Привык, что со мной считаются.

Он подошёл к окну.

— Мне нравится власть.

Пауза.

— Но если бы дело было только в ней, я давно мог бы жить спокойнее.

Ярослав слушал.

— Я видел, как род терял земли. Как соседи забирали рынки. Как после смерти моего сына люди, которых я считал союзниками, начали проверять, насколько мы ослабли.

Голос стал жёстче.

— Я не собираюсь перед смертью открыть им ворота только потому, что устал.

Вот теперь Ярослав понял.

Не только кресло.

Не только амбиция.

Но амбиция тоже.

И Всеволод её не скрывал.

Это почему-то вызывало больше доверия, чем любые кра-

сивые слова про служение роду.

— Значит, вы хотите сделать из меня главу рода.

— Я хочу понять, способен ли ты им стать.

Разница была огромной.

— А если нет?

Всеволод повернулся.

— Тогда буду искать другое решение.

Ярослав медленно кивнул.

— Вы умеете поддержать.

— Ты хотел знать правду.

— Да.

— Получил.

И почему-то Ярославу стало легче.

Никаких обещаний.

Никакого «теперь ты мой настоящий внук».

Всеволод наблюдал.

Проверял.

Оценивал.

Примерно то же самое делал и Ярослав.

Только дед экспериментировал с наследником.

— Когда совет?

— Через час.

Ярослав посмотрел на дверь.

Потом на собственную одежду.

— Я так пойду?

— Нет.

— Слава богам.

— Каким именно?

Ярослав замер.

— Вот ещё одна тема, которую я, видимо, пропустил.

Всеволод рассмеялся.

— Потом.

— Ненавижу это слово.

— Знаю.

Через час Ярослав впервые вошёл в рабочий кабинет главы рода не как больной.

Комната оказалась гораздо меньше его спальни.

И намного интереснее.

Большой стол.

Карта земель на стене.

Несколько толстых книг.

Шкаф с документами.

Две печати.

Счёты.

Настоящие счёты.

Ярослав остановился возле них.

— Не смей, — тихо сказал Всеволод.

— Что?

— Я видел это лицо утром с камнем.

— Я просто смотрю.

— Именно этого я боюсь.

За столом уже сидел управляющий.

Тот самый мужчина, которого Ярослав видел мельком раньше.

Рядом устроился сухощавый писарь с несколькими книгами.

Управляющий поднялся.

— Молодой господин?

Вопрос прозвучал прежде, чем приветствие.

Похоже, появление Ярослава действительно было необычным.

— Сядьте, — сказал Всеволод.

Мужчина сел.

Но продолжал смотреть на Ярослава.

— Он будет присутствовать.

Управляющий перевёл взгляд на главу рода.

— На всём совете?

— Да.

— Я могу узнать...

— Нет.

Всеволод сел во главе стола.

Ярослав занял место сбоку.

Перед ним уже лежали бумага и перо.

Управляющий заметил.

Его лицо стало ещё менее счастливым.

Ярослав улыбнулся.

— Не беспокойтесь. Я сегодня ничего не решаю.

Почему-то это не успокоило.

Всеволод посмотрел на него.

— Сегодня ты слушаешь.

— Помню.

— И задаёшь вопросы только по делу.

— А как определить...

— Ярослав.

— Всё.

Писарь спрятал улыбку.

Управляющий открыл первую книгу.

— Тогда начну с общего положения.

Всеволод кивнул.

— По доходам за текущий период положение хуже прошлого года.

Ярослав автоматически опустил перо на бумагу.

Ждал.

Управляющий перевернул страницу.

— Особенно по торговле древесиной и сборам с дороги.

Ярослав всё ещё ждал.

Продолжения не было.

Он посмотрел на Всеволода.

Дед уже смотрел на него.

Предупреждающе.

Ярослав поднял руку.

Всеволод закрыл глаза.

— Спрашивай.

Ярослав повернулся к управляющему.

— Насколько хуже?

Мужчина замер.

— Простите?

— Вы сказали, доходы хуже прошлого года.

— Да.

— Насколько?

Управляющий посмотрел на книгу.

Потом на Ярослава.

— Заметно.

Ярослав медленно положил перо.

Всеволод отвернулся.

Плечи у него дрогнули.

— Хорошо, — сказал Ярослав. — Похоже, совет будет долгим.

И открыл новый лист.

— Хорошо, — сказал Ярослав. — Похоже, совет будет долгим.

И открыл новый лист.

Управляющий посмотрел на него.

Не раздражённо.

Скорее с тем терпением, с каким взрослый человек смотрит на ребёнка, решившего присутствовать при серьёзном

разговоре.

Ярослав это заметил.

И совершенно не обиделся.

На месте управляющего он думал бы примерно то же самое.

Ещё две недели назад наследник едва не умер.

До этого хозяйством почти не интересовался.

Теперь вдруг сел на совет, положил перед собой бумагу и с первого же предложения потребовал цифры.

Подозрительно.

Всеволод откинулся на спинку кресла.

— Ратмир, отвечай.

Значит, управляющего звали Ратмир.

Ярослав мысленно отметил.

Ратмир чуть повернулся к писарю.

— Прошлый полный год.

Тот открыл толстую книгу почти у середины.

— Общий доход рода — сорок восемь тысяч шестьсот злотых.

Ярослав поднял глаза.

Наконец-то.

— Расходы?

Писарь перелистнул несколько страниц.

— Сорок шесть тысяч девятьсот.

Ярослав записал обе цифры.

В голове вычел автоматически.

— Осталось тысяча семьсот.

Ратмир кивнул.

— Приблизительно.

— Почему приблизительно?

— Часть платежей пришла зерном, железом, лесом и работорой. В книгах они переведены в денежную стоимость.

Ярослав остановился.

Хорошо.

Очень хорошо.

Человек понимал разницу между деньгами и имуществом.

— А живыми деньгами?

Теперь Ратмир посмотрел внимательнее.

— На конец года?

— Да.

— Четыре тысячи двести золотых в казне. Но две тысячи из них были уже предназначены для весенних закупок.

Ярослав записал.

Вот это совсем другая картина.

На бумаге прибыль тысяча семьсот.

В сундуке четыре двести.

Свободно — около двух.

— А этот год?

Писарь снова открыл другую книгу.

Ратмир ответил уже сам:

— Если ничего существенно не изменится, доход будет

около сорока одной тысячи.

Ярослав поднял голову.

— То есть минус семь с половиной тысяч относительно прошлого года.

— Примерно.

— Расходы?

— Сорок семь — сорок восемь тысяч.

Перо остановилось.

— Значит, год может закончиться дефицитом в шесть-семь тысяч.

Ратмир кивнул.

— Поэтому я и говорил главе, что положение ухудшилось.

Ярослав посмотрел на Всеволода.

— «Ухудшилось» звучало спокойнее.

— Я поэтому и предпочитаю это слово.

— Удобно.

Всеволод сузил глаза.

— Продолжай слушать.

Ярослав повернулся обратно.

— Хорошо. Из чего складываются сорок восемь тысяч дохода?

Ратмир чуть нахмурился.

— Всего?

— По основным направлениям.

— Земля, лес, торговая дорога, мельница, шахта, сады, различные сборы.

— Сколько каждое?

Вот теперь в разговор вмешался писарь.

— Молодой господин, это несколько книг.

— Почему?

— Потому что учёт ведётся отдельно.

— Я понимаю. Но итоговые суммы есть?

Ратмир ответил:

— Есть.

Без помощи писаря.

— Земли и сельские сборы дали около четырнадцати тысяч двухсот. Лес — десять тысяч восемьсот. Дорога — семь тысяч четыреста. Мельница — четыре тысячи шестьсот. Шахта — немного больше пяти с половиной. Остальное — сады, аренда, пошлины и небольшие доходы.

Ярослав быстро записывал.

Потом посмотрел на лист.

Не сходится.

Он сложил ещё раз.

— Здесь не сорок восемь шестьсот.

Ратмир впервые улыбнулся.

— Я сказал «около».

— Сколько в «остальном»?

Писарь полистал.

— Шесть тысяч с небольшим.

Ярослав дописал.

Теперь близко.

— Хорошо.

Он провёл вертикальную черту.

Ратмир наблюдал за листом.

— Что вы делаете?

— Пытаюсь увидеть всё сразу.

— Зачем?

Ярослав поднял глаза.

— Потому что сейчас вы рассказываете мне семь разных историй.

— Это семь разных частей хозяйства.

— Да.

— Поэтому у каждой своя книга.

— И это правильно.

Ратмир явно не ожидал согласия.

Ярослав продолжил:

— Но если я хочу понять состояние рода, мне нужна ещё одна история. Общая.

Он подозвал писаря.

— Можно большой лист?

Тот посмотрел на Всеволода.

Дед кивнул.

Через минуту перед Ярославом лежал широкий лист бумаги.

— Разделите.

— Как?

Ярослав показал пальцем.

— Здесь направление. Здесь доход. Здесь прямые расходы. Здесь то, что осталось. Потом отдельно — крупные будущие расходы и проблемы.

Писарь застыл.

Ратмир тоже.

— Прямые расходы? — переспросил управляющий.

— Например, лес дал десять восемьсот. Но чтобы его заготовить и продать, мы что-то потратили.

— Разумеется.

— Сколько?

Ратмир ответил почти сразу:

— Около четырёх тысяч ста.

Ярослав записал.

— Значит, нам осталось примерно шесть семьсот.

— До общих расходов рода.

— Конечно.

Следующая строка.

— Шахта. Пять с половиной доход?

— Пять тысяч шестьсот.

— Расход?

— Около четырёх с половиной.

Ярослав поднял голову.

— Всего тысяча сто?

— Шахта небольшая. Жила бедная. Плюс укрепление выработок и вода.

— Тогда она приносит почти в шесть раз меньше чисты-

ми, чем лес.

Ратмир кивнул.

— Да.

— Но в общем докладе звучало просто: лес — десять во-
семьсот, шахта — пять шестьсот.

Пауза.

— Да.

— А это совершенно разные вещи.

Ратмир перестал смотреть на него как на ребёнка.

Пока ещё без уважения.

Но уже внимательно.

— Вы хотите считать не доход, а остаток после затрат.

— Я хочу видеть оба.

— Зачем оба?

— Потому что если смотреть только на доход, можно ре-
шить, что шахта почти вдвое хуже леса.

Он ткнул пером в цифры.

— А если смотреть на то, что реально остаётся, разница
уже примерно в шесть раз.

Ратмир посмотрел на лист.

Потом на писаря.

Тот уже сам начал чертить следующую строку.

Всеволод молчал.

Через четверть часа совет перестал напоминать доклад.

Он превратился в разбор.

Ярослав почти не предлагал решений.

Пока.

Он спрашивал.

По полям.

Сколько собирают.

Сколько остаётся после семян.

Что идёт в казну.

Что выдаётся дружине.

Что продаётся.

В какие годы урожай падает.

Сколько деревень платят деньгами, а сколько продуктом.

Ратмир отвечал.

И чем дольше отвечал, тем больше Ярослав понимал:
управляющий действительно хорош.

Он не лез в книги за каждой мелочью.

Знал, в какой деревне хуже земля.

Помнил, где прошлой весной размыло дорогу.

Мог назвать цену ржи в начале сезона и после урожая.

Знал, какой купец задерживал платёж.

Кого можно прижать.

Кому лучше дать время.

Это был не чиновник, случайно поставленный вести хозяйство.

Ратмир жил им.

Просто смотрел на него иначе.

Он видел сотни отдельных процессов.

Ярослав пытался понять, как они складываются вместе.

— Теперь мельница, — сказал он.

Ратмир сразу стал серьёзнее.

— Мельница требует ремонта.

— Я слышал.

— Нижняя опора основного вала изношена. Ещё можно работать, но под нагрузкой усиливается биение.

Ярослав не понял половину устройства, но принцип был знаком.

Что-то вращается.

Что-то разбивается.

Игнорирование заканчивается большой поломкой.

— Варианты?

— Два.

Ратмир загнул палец.

— Первый — заменить только повреждённую опору и усилить крепление. Около трёхсот восьмидесяти золотых.

Второй палец.

— Второй — разобрать узел полностью, заменить вал, опоры и часть колеса. Около тысячи ста.

— Разница большая.

— Поэтому решение до сих пор не принято.

Ярослав посмотрел на Всеволода.

Тот не отвёл взгляд.

— Что рекомендовали вы? — спросил Ярослав у Ратмира.

— Полный ремонт.

Вот это интересно.

— Почему?

— Через полтора месяца начнётся основной помол. Если старая часть не выдержит в этот период, мельница встанет надолго.

— А временный ремонт?

— Может выдержать год.

— А может?

— Не выдержать сезон.

— Вероятность?

Ратмир нахмурился.

— Этого я вам не назову.

— Хорошо. Если мельница встанет в сезон, сколько мы теряем?

Управляющий задумался.

— Зависит от длительности.

— За день.

— В среднем тридцать пять — сорок золотых чистого сбора.

Ярослав записал.

— Плюс?

Ратмир понял сразу.

— Люди повезут зерно на другие мельницы.

— И потом часть может не вернуться.

— Может.

— Есть ещё последствия?

— Недовольство деревень. Дальние мельницы дороже.

Потери времени.

Ярослав посмотрел на цифры.

Триста восемьдесят.

Тысяча сто.

Разница — семьсот двадцать.

Если поломка остановит мельницу хотя бы на двадцать дней — одни прямые потери уже съедят эту разницу.

— Почему не сделали полный ремонт?

Теперь ответил Всеволод.

— Потому что тысяча сто нужна сейчас.

— А доход мельницы придёт позже.

— Да.

Ярослав посмотрел на казначея.

— Сколько денег сейчас свободно?

Тот быстро открыл книгу.

— В казне шесть тысяч двести восемьдесят золотых.

— Звучит неплохо.

— Через два месяца императорский платёж — четыре тысячи восемьсот.

Ярослав замолчал.

Вот.

— А ещё?

Ратмир перечислил:

— Семна уже оплачены. Дружина — ежемесячное содер-

жание. Железо для кузниц. Ремонт моста. Жалование людям.

Ярослав провёл пальцем по бумаге.

— Значит, проблема не в том, что тысяча сто за мельницу слишком дорого.

Ратмир чуть прищурился.

— А в чём?

— В том, что деньги нужны раньше, чем придут следующие деньги.

Писарь перестал писать.

Всеволод посмотрел на управляющего.

Ратмир медленно кивнул.

— Именно.

— Поэтому вы предлагали полный ремонт, но дед не хотел рисковать запасом перед императорским платежом.

— Да.

Ярослав повернулся к Всеволоду.

— А вы мне говорили, что плохо разбираетесь в хозяйстве.

— Я сказал, что не люблю им заниматься.

— Это не одно и то же.

— Не льсти.

— Пока не собирался.

Всеволод фыркнул.

Ярослав снова посмотрел на цифры.

— А императорский платёж обязательно деньгами?

Ратмир ответил мгновенно:

— Почти полностью.

— Отсрочка?

— Возможна.

— Цена?

— Политическая.

Всеволод коротко сказал:

— Нет.

Ярослав кивнул.

Вопрос закрыт.

Пока.

— Можно ли получить деньги раньше по какому-нибудь уже заключённому договору?

Ратмир посмотрел внимательнее.

— Предоплата?

— Да.

— Теоретически.

— За что?

Управляющий подумал.

— Лес.

Ярослав записал крупно:

МЕЛЬНИЦА — проблема не стоимости, а времени денег.

Ратмир прочитав не мог.

Но смотрел уже совсем иначе.

— Теперь дорога.

Вот здесь Всеволод заметно помрачнел.

Ратмир открыл другую книгу.

— В прошлом году сборы дали семь тысяч четыреста.

— В этом ожидаете четыре девятьсот?

— Если поток не упадёт сильнее.

— Почему упал?

— Орловы.

— Это я уже слышал. Что именно они сделали?

Ратмир сложил руки.

— Починили восточную дорогу.

— Хорошо починили?

— Хорошо.

— Пошлина?

— Ниже нашей примерно на треть.

— Значит, купцам дешевле ехать там.

— Не только.

Ратмир продолжил:

— Они дали льготы двум крупным торговым домам. Построили новый постоялый двор. На их рынке первые полгода не берут сбор за место с нескольких категорий товара.

Ярослав поднял голову.

— Они на этом зарабатывают?

— На самой дороге сейчас — вряд ли.

— Тогда зачем?

Всеволод ответил:

— Чтобы забрать торговлю.

Ярослав посмотрел на карту.

Вот это было знакомо.

Не конкретная форма.

Принцип.

— Они покупают поток купцов.

Ратмир нахмурился.

— Что?

— Теряют деньги сейчас, чтобы люди привыкли ездить через них.

Он провёл пальцем по дороге.

— Купцы меняют маршрут. Вокруг маршрута появляется торговля. Постоялые дворы. Склады. Рынки. Потом Орловы смогут вернуть часть сборов.

В комнате стало тихо.

Ратмир смотрел на карту.

— Да.

Просто сказал.

— Именно это они делают.

Ярослав продолжил:

— А мы что сделали в ответ?

Всеволод помрачнел ещё сильнее.

Ратмир ответил:

— Снизили пошлину на некоторые товары.

— Насколько?

— На десять процентов.

— Результат?

— Падение замедлилось.

— Но не остановилось.

— Нет.

Ярослав записал.

— Почему не снизили сильнее?

Теперь Ратмир посмотрел на него почти с вызовом.

— Потому что сборы и так падают. Если уменьшить ставку ещё, можно потерять больше.

Хороший ответ.

Очень хороший.

Ярослав улыбнулся.

— Согласен.

Ратмир явно ожидал другого.

— Тогда зачем спросили?

— Чтобы понять, считали ли вы.

— Конечно считали.

— Отлично.

Ярослав посмотрел на Всеволода.

— Ваш управляющий мне нравится.

— Ратмир служит этому роду дольше, чем ты живёшь.

Ярослав чуть не сказал: *чем это тело живёт*.

Остановился.

— Это заметно.

Ратмир впервые позволил себе едва заметную улыбку.

— Спасибо, молодой господин.

Но теперь в его голосе уже не было прежней снисходительности.

Лес оказался ещё интереснее.

— Десять тысяч восемьсот дохода, — сказал Ярослав. —
Четыре сто расходов. Что продаём?

— В основном строевой лес.

— То есть брёвна?

— Да.

— Всё?

— Нет. Дрова. Немного древесного угля. Небольшой объём идёт местным мастерам.

— А доски?

— Мало.

— Почему?

Ратмир посмотрел на него так, будто уже понимал направление мысли.

— Потому что пилить лес тоже стоит денег.

— Это я понимаю.

— Нужны мастера. Хорошие пилы. Площадки. Сушка. Склад. Сортировка. Отходы. Люди.

Он загнул ещё палец.

— И покупатели.

Ярослав кивнул.

Вот.

Именно поэтому управляющий ему нравился.

Никакого:

«Никто никогда не подумал пилить древесину».

Подумали.

Разумеется.

— Сколько мы получаем за обычный воз хорошего соснового леса?

— В среднем восемнадцать золотых.

— А если этот же объём продать после распиловки?

Ратмир посмотрел на писаря.

Тот полез в книгу.

Но управляющий остановил.

— В столице хороший пиломатериал стоит примерно вдвое дороже по объёму исходного леса. Иногда больше.

Ярослав поднял брови.

— Почему мы до сих пор продаём брёвна?

Ратмир не обиделся.

— Потому что «вдвое дороже» не означает «вдвое прибыльнее».

Ярослав улыбнулся.

— Продолжайте.

— Часть древесины уйдёт в отход. Нужно заплатить мастерам. Высушить. Сложить. Перевезти. Иногда держать несколько месяцев, пока найдётся покупатель. Если сушить плохо — товар испортится.

— То есть купец, который покупает наши брёвна, забирает не только разницу в цене.

— Он забирает риск и работу.

— Хорошо.

Ярослав сделал пометку.

Ратмир посмотрел.

— Но?

— Что?

— Я уже понял, что после вашего «хорошо» обычно идёт «но».

Всеволод тихо усмехнулся.

Ярослав постучал пером по бумаге.

— Но если разница достаточно большая, может иметь смысл забрать хотя бы часть этой работы себе.

Ратмир сразу ответил:

— Может.

— Вы считали?

— Два года назад.

Вот теперь удивился Ярослав.

— И?

— Не хватило денег на запуск.

— Сколько требовалось?

— По самому простому варианту — около трёх с половиной тысяч золотых.

— Что туда входило?

— Пилы. Сарай. место под сушку. мастера на первый се-

зон. Запас средств, пока товар не продастся.

Ярослав записывал.

— Почему не начали с меньшего?

Ратмир остановился.

— Насколько меньшего?

Вот первый вопрос, на который у него не было мгновенного ответа.

Ярослав не стал торопиться.

— Не знаю.

Управляющий поднял бровь.

— Не знаете?

— Нет.

— Но предлагаете?

— Я пока ничего не предлагаю.

Он повернул лист.

— Я спрашиваю, обязательно ли сразу вкладывать три с половиной тысячи.

— Чтобы получить нормальный объём — да.

— А если задача не получить нормальный объём?

Тишина.

— А проверить, можем ли мы вообще стабильно сделать товар нужного качества и продать его дороже?

Ратмир задумался.

Не формально.

По-настоящему.

— Маленькая партия.

— Например.

— Одни пилы всё равно понадобятся.

— Сколько?

— Зависит.

— Помещение?

— Можно использовать старый склад у лесной дороги.

— Мастера?

— Двух можно нанять в городе.

Писарь перестал записывать и слушал.

Ярослав спросил:

— Сколько будет стоить не «производство», а одна пробная партия?

Ратмир молчал дольше.

Потом произнёс:

— Возможно, четыреста-пятьсот золотых.

Ярослав поставил рядом с цифрой **3500** другую.
500.

— Вот.

Ратмир смотрел на эти две цифры.

— Если не получится, потеряем пятьсот.

— Не обязательно все. Пилы останутся. Древесина тоже не исчезнет.

— Если получится?

— Тогда будем знать больше, чем сейчас.

Всеволод впервые вмешался:

— И заработаем?

Ярослав посмотрел на него.

— Может быть.

— Сколько?

— Не знаю.

Дед нахмурился.

— Ты всё утро требуешь от всех цифры.

— Именно поэтому не собираюсь выдумывать свои.

На этот раз первым рассмеялся Ратмир.

Негромко.

Но искренне.

— Простите, глава.

Всеволод посмотрел на него.

— Ничего. Я сам хотел.

Совет шёл уже почти два часа.

Ярослав устал.

Это чувствовалось.

Не физически — тело за последние недели стало гораздо крепче.

Скорее голова.

Цифры.

Названия.

Деревни.

Люди.

Обязательства.

Сроки.

Но впервые с момента попадания он чувствовал себя почти на знакомой территории.

Не потому что понимал средневековое хозяйство.

Не понимал.

Не потому что знал, как управлять лесом или шахтой.

Не знал.

Но хаос начинал превращаться в структуру.

На большом листе появилась таблица.

Земля.

Лес.

Дорога.

Мельница.

Шахта.

Сады и прочее.

Рядом — доход.

Потом основные прямые расходы.

Потом приблизительный остаток.

Отдельно — проблемы.

Отдельно — будущие платежи.

Ещё один маленький блок Ярослав попросил назвать:

ДЕНЬГИ ПО ВРЕМЕНИ.

Писарь сначала не понял.

Ратмир понял.

— Когда приходят и когда уходят.

— Да.

Потому что именно там начинала проявляться настоящая проблема рода.

На бумаге он ещё не был разорён.

Вообще нет.

У него были земли.

Лес.

Шахта.

Дорога.

Мельница.

Доход почти пятьдесят тысяч золотых в хорошем году.

Но денег постоянно не хватало в нужный момент.

Большая часть дохода приходила сезонно.

Расходы шли весь год.

Императорский платёж имел конкретный срок.

Дружину нужно было кормить независимо от урожая.

Ремонт не спрашивал, когда в казне удобно.

А торговый поток уходил к соседям прямо сейчас.

Ярослав провёл черту под таблицей.

— Получается, у нас три разные проблемы.

Все посмотрели на него.

Он сам удивился слову «у нас».

Но исправлять не стал.

— Первая — общий доход падает.

Он указал на дорогу.

— В первую очередь из-за торговли.

Следующая строка.

— Вторая — часть активов приносит мало относительно затрат.

Шахта.

— Но я пока не знаю, можно ли это изменить.

Третья.

— И у нас не хватает свободных денег в нужные моменты, даже когда хозяйство в целом что-то зарабатывает.

Ратмир медленно кивнул.

— Верно.

— Поэтому ремонт мельницы откладывается не из-за мельницы.

— Да.

— А из-за платежа через два месяца.

— Да.

— И если просто приказать сейчас отремонтировать её полностью, можно создать другую проблему.

— Именно.

Ярослав посмотрел на Всеволода.

— Поэтому сегодня я ничего не предлагаю.

Дед поднял бровь.

— Вообще?

— Почти.

— Я два часа слушал твои вопросы ради «ничего»?

— Вы сами сказали, что мне сегодня нельзя принимать решения.

Всеволод открыл рот.

Закрыл.

Ратмир снова улыбнулся.

Ярослав продолжил:

— Мне нужны данные хотя бы за три года.

Ратмир сразу перестал улыбаться.

— Какие именно?

— По каждому основному направлению.

— Это десятки книг.

— Не всё.

Ярослав показал таблицу.

— Доход. Основные прямые расходы. Крупные вложения.

Объём того, что произвели или продали. Средняя цена. Кто покупал.

Ратмир задумался.

— За три года?

— Лучше за пять.

— Вы сказали три.

— Я решил начать скромно.

Всеволод рассмеялся.

Ратмир покачал головой.

— Это займёт время.

— Сколько?

— Если посадить писаря только на это — несколько дней.

— Не нужно только на это.

— Тогда неделю.

— Подойдёт.

Ратмир посмотрел на него.

— И что вы собираетесь с этим делать?

Ярослав честно ответил:

— Не знаю.

В комнате стало тихо.

Писарь поднял голову.

Всеволод прищурился.

Ратмир спросил:

— Не знаете?

— Пока нет.

— Но два часа задавали вопросы.

— Именно потому, что не знаю.

Ярослав сложил листы.

— Сейчас у меня есть несколько подозрений.

Он постучал по лесу.

— Возможно, часть древесины выгодно перерабатывать самим.

По мельнице:

— Возможно, полный ремонт дешевле временного, если учесть риск простоя. Но для этого надо решить проблему с деньгами до императорского платежа.

По дороге:

— Орловы не просто снизили пошлины. Они перестраивают торговый поток под себя. На это нельзя отвечать только снижением цены.

Он остановился.

— Но это всё пока не решения.

Ратмир смотрел на него.

— А что тогда решение?

— Когда мы знаем, сколько это стоит, кто будет делать, сколько времени займёт, откуда взять деньги, какой результат ожидаем и что будем делать, если результат окажется хуже.

Никто не ответил.

Ярослав пожал плечами.

— Иначе это не решение. Просто идея.

Тишина затянулась.

Ярослав впервые заметил, что писарь смотрит на него открыто.

Без попытки спрятать любопытство.

Казначей, который почти весь совет говорил только по необходимости, задумчиво разглядывал большую таблицу.

Ратмир вообще перестал смотреть снисходительно.

Теперь он изучал Ярослава почти так же, как Ярослав две недели изучал учебный камень.

Будто перед ним появилось что-то неожиданное и требующее проверки.

Первым заговорил именно управляющий.

— Молодой господин.

— Да?

— Можно спросить?

— Конечно.

— Откуда вы умеете это делать?

Ярослав замер.

Осторожно.

Всеволод тоже посмотрел.

— Что именно?

Ратмир указал на лист.

— Вот это.

— Таблицу?

— Не таблицу.

Он чуть помолчал.

— Вы почти ничего не знаете о хозяйстве рода.

— Это правда.

— Не знаете людей.

— Да.

— Цен.

— Почти нет.

— Не понимаете половину наших правил.

— Больше половины.

Ратмир чуть улыбнулся.

— Но за два часа вы заставили нас собрать вместе вещи, которые мы всегда обсуждали отдельно.

Ярослав посмотрел на таблицу.

— Просто привычка.

— Какая?

Он задумался.

Как объяснить?

— Если я хочу что-то улучшить, сначала нужно понять исходное состояние.

Ратмир молчал.

— Что есть. Сколько. Что получаем. Что тратим. Где меняется результат.

Ярослав пожал плечами.

— И только потом что-то трогать.

Управляющий несколько секунд смотрел на него.

— Было бы хорошо, если бы некоторые люди понимали это до того, как становились главами родов.

Всеволод медленно повернул голову.

— Ратмир.

— Простите, глава.

Писарь опустил лицо в книгу.

Ярослав подозревал, что скрывает улыбку.

Всеволод постучал пальцами по столу.

— Закончили?

— На сегодня, — сказал Ратмир.

Но вставать не торопился.

Он посмотрел на лист ещё раз.

— Я подготовлю данные.

— Спасибо.

— За три года.

Ярослав улыбнулся.

— Пока.

— Я уже боюсь этого слова.

— Быстро учитесь.

Ратмир поднялся.

И вот теперь поклонился Ярославу иначе.

Не глубже.

Не демонстративно.

Просто исчезла та едва заметная снисходительность, с которой он встретил его в начале.

— До следующего совета, молодой господин.

— До следующего.

Писарь собрал книги.

Казначей задержался на несколько секунд.

— Молодой господин.

— Да?

— По свободным деньгам я тоже подготовлю движение за три года.

Ярослав поднял брови.

Он об этом даже не просил отдельно.

— Это будет очень полезно.

Казначей кивнул.

И вышел следом.

Дверь закрылась.

Ярослав остался с дедом.

Несколько секунд оба молчали.

Потом Всеволод сказал:

— Ну?

— Что?

— Как спасти род?

Ярослав посмотрел на него.

— Не знаю.

Всеволод закрыл глаза.

— Опять.

— А что вы хотите услышать?

— После того как Ратмир два часа смотрел на тебя так, будто ты внезапно заговорил голосом императора, я ожидал хотя бы что-нибудь впечатляющее.

Ярослав рассмеялся.

— Самое впечатляющее, что я сейчас могу сделать, — не начать менять то, чего не понимаю.

Всеволод открыл глаза.

Некоторое время смотрел.

— Ты действительно странный человек.

— Мне уже говорили.

— Ратмир редко впечатляется.

— Он очень хороший управляющий.

— Я знаю.

— Нет.

Ярослав покачал головой.

— Думаю, он лучше, чем вы считаете.

Всеволод поднял бровь.

— Осторожнее.

— Я серьёзно.

Он указал на дверь.

— Он знал почти каждую цифру. Каждую деревню. Каждую проблему. Помнил цены, договоры, ремонты. По лесу он уже два года назад считал переработку.

— Тогда в чём проблема?

— Возможно, ни в нём.

Ярослав посмотрел на большую таблицу.

— Он слишком долго решает всё по отдельности.

— А ты?

— Я пока вообще ничего не решаю.

— Это я уже понял.

Ярослав улыбнулся.

— Но если получится дать ему способ видеть всё вместе...

Он не закончил.

Всеволод подошёл к столу.

Посмотрел на исписанный лист.

Цифры.

Стрелки.

Пометки.

Доходы.

Расходы.

Сроки.

Проблемы.

— Знаешь, — тихо сказал он, — сегодня я впервые пожалел, что ты не помнишь жизнь моего внука.

Ярослав посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что хотел бы знать, каким бы он стал рядом с тобой.

На этот вопрос ответа не было.

Всеволод провёл пальцем по строке с лесом.

— Пятьсот золотых?

— Пока даже не предложение.

— Но ты уже думаешь.

— Конечно.

— Я знал.

Ярослав собрал свои листы.

— Сначала цифры.

— Потом?

— Потом выберем одну проблему.

— Одну?

— Да.

— У нас их десятки.

— Поэтому одну.

Всеволод усмехнулся.

— И что с ней сделаем?

Ярослав вспомнил учебный камень.

Первый слабый нагрев.

Одну попытку.

Не десять.

Не до истощения.

Минимальная нагрузка.

Проверка.

Результат.

— Попробуем изменить что-нибудь маленькое.

— И это спасёт род?

Ярослав покачал головой.

— Нет.

Поднял таблицу.

— Но если маленькое сработает, будем знать, что делать дальше.

Всеволод смотрел на него ещё несколько секунд.

Потом тихо произнёс:

— Возможно, я действительно слишком долго решал всё как войну.

Ярослав улыбнулся.

— А я слишком долго решал всё как тренировку.

— И кто из нас прав?

— Пока?

Он посмотрел на цифры.

— Никто.

Пауза.

— Данных недостаточно.

Всеволод застонал.

А Ярослав впервые за весь совет почувствовал себя почти довольным.

Потому что ещё утром у рода были просто «плохие дела».

Теперь у него были цифры.

А значит, проблемы наконец начинали обретать форму.

Глава 7. Мельница

Ярослав выбрал мельницу не потому, что считал её самой важной проблемой рода.

И даже не потому, что понимал устройство мельниц.

Как раз наоборот.

В мельницах он не понимал почти ничего.

Знал общую идею.

Вода крутит колесо.

Колесо через какой-то набор валов и передач заставляет вращаться жернова.

Между жерновами попадает зерно.

На выходе получается мука.

На этом инженерные знания двадцатисемилетнего владельца фитнес-клуба практически заканчивались.

Но мельница обладала одним огромным преимуществом.

Она была небольшой.

Её можно было увидеть целиком.

Доходы рода, торговая дорога, отношения с Орловыми — огромные системы с десятками неизвестных.

А мельница — одно здание.

Несколько механизмов.

Люди.

Зерно на входе.

Мука на выходе.

Результат можно посчитать.

И самое главное — её всё равно собирались ремонтировать.

— Значит, решение принято? — спросил Ратмир.

Перед ним лежала записка с расчётами.

Полный ремонт — около тысячи ста золотых.

Временный — триста восемьдесят.

Ярослав покачал головой.

— Решение о ремонте приняли ещё до меня.

— Глава не утвердил расходы.

— Потому что деньги нужны раньше, чем они придут.

Ратмир кивнул.

После первого совета управляющий разговаривал с Ярославом иначе.

Не подобострастно.

Это Ярославу как раз понравилось бы меньше всего.

Просто теперь Ратмир перестал считать его мальчишкой, который решил поиграть в хозяйство.

Сегодня он даже принёс несколько новых таблиц по собственной инициативе.

Причём таблицы были лучше тех, что Ярослав набросал на совете.

Ратмир добавил сезонность поступлений.

Объём запасов.

Отдельно выделил деньги, которыми фактически нельзя было распоряжаться.

Ярослав посмотрел на листы и подумал, что с этим человеком они, вероятно, сработаются.

Если сначала друг друга не задушат.

— Я поговорил с купцом Седовым, — сказал Ратмир.

— По лесу?

— Да. Если закрепим за ним осеннюю партию и дадим скидку в сто десять золотых, он согласен заплатить тысячу двести сейчас.

Ярослав быстро посчитал.

— Значит, полный ремонт мельницы становится возможным.

— Если глава согласится.

— Дед уже согласился.

Ратмир поднял бровь.

— Когда?

— Утром.

— Вы обсуждали хозяйство за завтраком?

— Он сказал, что я испортил ему аппетит.

— Значит, обсуждали.

Ярослав улыбнулся.

— Но я хочу съездить на мельницу до того, как начнут разбирать механизм.

— Зачем?

— Посмотреть.

— На сломанный вал?

— На мельницу.

Ратмир несколько секунд молчал.

— Вы понимаете, как она устроена?

— Нет.

Управляющий замер.

— Совсем?

— В общих чертах.

— Тогда что хотите там увидеть?

Ярослав пожал плечами.

— Как она работает.

Ратмир посмотрел на него с выражением, которое Ярослав уже начинал узнавать.

Так местные реагировали, когда не понимали, зачем он задаёт очевидный вопрос.

— Я могу вам рассказать.

— Можете.

— И?

— Хочу увидеть сам.

— Зачем?

— Потому что вы расскажете мне то, что считаете важным.

Ярослав поднял лист.

— А я пока не знаю, что окажется важным для меня.

Ратмир задумался.

Потом кивнул.

— Выезжаем после завтрака.

До мельницы добирались чуть больше часа.

Ярослав впервые покинул родовую усадьбу настолько далеко.

И почти сразу понял, что отдельный список под названием «**ПОТОМ**» придётся расширять.

Дорога местами была нормальной.

Утрамбованная.

С канавами по бокам.

А местами телегу трясло так, что Ярослав начинал понимать происхождение выражения «вытрясти душу».

Он смотрел на глубокую колею.

На телеги.

На то, как одна гружёная повозка вынуждена была съехать на обочину, пропуская встречную.

Записывал.

Ратмир заметил.

— Что там?

— Дорога.

— С ней всё нормально.

Телегу в этот момент качнуло.

Ярослав посмотрел на него.

Ратмир помолчал.

— Для наших дорог.

— Вот эта часть предложения мне особенно нравится.

— Вы хотите отремонтировать ещё и её?

— Нет.

— Хорошо.

— Пока.

Ратмир закрыл глаза.

— Я уже начинаю понимать вашего деда.

По обе стороны тянулись поля.

Часть уже убрали.

На других ещё работали люди.

Ярослав видел лошадей.

Телеги с зерном.

Несколько раз — маленькие деревни.

Домов двадцать-тридцать.

Иногда больше.

Деревянные.

С хозяйственными постройками.

Один раз они проехали мимо сада.

Ратмир коротко рассказывал, что принадлежит роду, а что крестьянам.

Ярослав слушал.

Не пытался сразу задавать по десять вопросов.

Потому что у сегодняшнего дня была одна задача.

Мельница.

Если он начнёт по пути улучшать дорогу, телеги, поля, сады и устройство деревень, они не доедут никогда.

Мельницу слышали раньше, чем увидели.

Ровный низкий гул.

Стук.

Скрип дерева.

Шум воды.

А потом за поворотом появилась река.

Не особенно широкая.

Быстрая.

От неё уходил искусственный рукав к большому деревянному колесу.

Колесо вращалось неторопливо.

С него стекала вода.

Внутри здания что-то тяжело грохотало.

Пахло мокрым деревом, зерном и мукой.

Ярослав остановился.

Смотрел.

— Что? — спросил Ратмир.

— Ничего.

— Опять?

— Просто нравится.

— Мельница?

— Работающий механизм.

Ратмир посмотрел на него странно.

Ярослав не стал объяснять.

Он всегда любил такие вещи.

Тренажёрный зал тоже был большим набором механизмов.

Людей.

Процессов.

Денег.

Работы.

Только здесь вместо электричества — река.

Еремей оказался именно таким, каким Ярослав почему-то и представлял мельника.

Лет пятьдесят.

Крепкий.

С огромными ладонями.

В волосах и бороде — мука.

На одежде — тоже.

Если хорошенько встряхнуть, вероятно, можно было получить небольшой батон.

Еремей поклонился Ратмиру.

Потом Ярославу.

— Молодой господин.

Во взгляде читалось:

Зачем приехал?

Ярослав привык.

— Здравствуйте.

— Слышал, поправились.

— Стараюсь.

— Хорошо.

Еремей повернулся к управляющему.

— Вал покажу.

— Не только вал, — сказал Ярослав.

Мельник снова посмотрел.

— А что?

— Всю мельницу.

— Зачем?

Ратмир чуть усмехнулся.

— Не спрашивай.

Еремей посмотрел на него ещё более подозрительно.

— Я хочу понять полный процесс, — объяснил Ярослав.

— С момента, когда зерно привезли, до момента, когда забрали муку.

— Могу рассказать.

Ратмир тихо произнёс:

— Я уже пробовал.

Еремей перевёл взгляд с одного на другого.

— Пойдёмте.

Ярослав почти два часа ничего не предлагал.

Только смотрел.

Это начало нервировать всех сильнее, чем если бы он сразу приказал перекрасить мельницу.

Зерно привозили мешками.

Мешки взвешивали.

Записывали.

Потом двое работников относили их внутрь.
Другие таскали наверх.
Лестница была крутая.
Мешок тяжёлый.
Мужчина забрасывал его на плечо.
Поднимался.
Спускался.
Следующий.
Ярослав посмотрел на время.
Потом на человека.
Потом на огромное колесо снаружи.
Ничего не сказал.
Наверху зерно засыпали в деревянную ёмкость.
Из неё оно постепенно попадало между жерновами.
Сам процесс помола выглядел красиво.
Нижний камень.
Верхний вращается.
Ровный гул.
Мука выходит по желобу.
Еремей постоянно прислушивался.
Иногда касался корпуса рукой.
Проверял зерно.
Брал муку между пальцами.
Растирал.
— Слишком крупно, — сказал он.
Подошёл к конструкции.

Достал деревянный молоток.

Ударил по клину.

Жернов изменил звук.

Еремей снова взял муку.

— Теперь хорошо.

Ярослав посмотрел на клин.

Потом на молоток.

Записал.

Дальше муку просеивали.

Отдельный работник стоял у большого сита.

Толкал.

Тянул.

Толкал.

Тянул.

Одно и то же движение.

Снова.

Снова.

Через какое-то время его сменил другой.

— Почему сменился? — спросил Ярослав.

— Устал, — ответил Еремей.

— Сколько так работают?

— Весь день.

Ярослав посмотрел на вращающийся вал.

Записал.

Потом увидел, как часть крупного продукта возвращают на повторный помол.

Люди снова несут.

Снова поднимают.

Всё здание было заполнено движением.

Только половину этого движения создавал механизм.

Вторую — человеческие руки.

К обеду они вышли наружу.

Еремей явно ждал.

Ратмир тоже.

— Ну? — наконец спросил управляющий.

Ярослав посмотрел на мельницу.

— Сколько мешков вы сейчас молете за день?

Еремей ответил:

— В хороший — двадцать.

— Иногда двадцать два, — добавил Ратмир.

— Людей?

— Здесь?

— На самом производстве.

Еремей начал считать.

— Восемь постоянно. В сезон больше.

Ярослав кивнул.

— Почему вы таскаете зерно наверх руками?

Еремей моргнул.

— Что?

— Зерно. Два человека почти весь день поднимают мешки.

— Да.

— Почему руками?

— А чем?

Ярослав указал на мельницу.

— У вас река весь день крутит колесо.

Еремей посмотрел туда же.

— Конечно.

— От колеса идёт вал.

— Да.

— Он крутит жернова.

— Да.

— Почему только жернова?

Мельник нахмурился.

Ратмир уже смотрел внимательнее.

— Что ещё он должен крутить? — спросил Еремей.

— Пока не знаю.

Ярослав указал на лестницу.

— Но точно не понимаю, почему люди весь день носят груз вверх, когда рядом есть механизм, который весь день вращается сам.

Еремей скрестил руки.

— Вал жернова крутит.

— Я вижу.

— Если к нему подвесить мешок, он его не поднимет.

— Мешок — возможно.

Ярослав задумался.

Большая нория из памяти выглядела просто.

Цепь.

Ковши.

Нижняя точка.

Верхняя.

Но он не инженер.

Понимать принцип и построить рабочую конструкцию —
разные вещи.

— Можно от вала заставить двигаться цепь?

Еремей посмотрел на него.

— Можно.

— По кругу?

— Можно.

— Через верх и низ?

Теперь мельник уже задумался.

— Можно.

Ярослав подобрал маленький деревянный ковш, стояв-
ший у стены.

— А если на цепь поставить много таких?

Пауза.

Ратмир первым понял.

— Они будут подниматься.

— Да.

Ярослав показал движение рукой.

— Внизу захватывают зерно. Наверху переворачиваются
в желоб.

Еремей смотрел на ковш.

Очень долго.

Потом взял его у Ярослава.

Посмотрел на колесо.

Потом на верхнее окно мельницы.

— Не мешками.

— Нет.

— Рассыпным.

— Именно.

Мельник нахмурился ещё сильнее.

— Цепь тяжёлая.

— Поэтому я и спрашиваю вас, а не строю сам.

Еремей неожиданно усмехнулся.

— Хорошо.

Покрутил ковш в руках.

— Можно сделать.

Ратмир спросил:

— Дорого?

— Не знаю.

— Надёжно?

— Тоже не знаю.

Ярослав улыбнулся.

— Уже нравится.

Еремей посмотрел.

— Что?

— Правильные ответы.

Второй вопрос Ярослав задал у сита.

Работник снова стоял и тряс деревянную раму.

Туда.

Обратно.

Туда.

Обратно.

— Он весь день это делает?

— Я вам уже говорил, меняются, — ответил Еремей.

— Почему?

— Потому что руки устают.

— Вот именно.

Ярослав смотрел секунд тридцать.

Потом на вал.

Еремей заметил.

— Опять вал?

— Опять.

— Не понимаю.

— Здесь движение какое?

Мельник посмотрел на сито.

— Вперёд-назад.

— А вал крутится.

— Да.

Ярослав нарисовал пальцем круг.

— Можно превратить вращение в такое движение?

Еремей нахмурился.

Рядом стоял плотник, которого позвали обсудить предстоящий ремонт.

До этого он молчал.

Теперь подошёл.

— Можно.

Ярослав повернулся.

— Как?

Плотник взял щепку.

Нарисовал на муке круг.

Поставил точку не в центре.

От неё провёл линию.

— Если тягу крепить не к середине круга, а сюда, при вращении она будет ходить.

Показал.

Назад.

Вперёд.

Ярослав улыбнулся.

— Вот.

Еремей присел.

Посмотрел на рисунок.

— Слишком резко будет.

— Сделаем меньше ход, — сказал плотник.

— Как?

— Точку ближе к центру.

Ярослав молчал.

Прекрасно.

Именно так должно работать.

Не он объясняет местным мастерам устройство кривошипа.

Он показывает проблему.

Они знают, как работать с деревом и железом.

— Попробуем? — спросил Ярослав.

Еремей поднялся.

— Попробуем.

Третья проблема вызвала больше споров.

Еремей снова подбил клин.

Ярослав дождался, пока мельник закончит.

— Почему клин?

— Что?

— Почему жернова регулируются деревянным клином?

— Потому что им удобно.

— Удобно?

Еремей посмотрел на молоток.

— Работает.

— Если хотите поднять камень совсем немного?

— Бью слабее.

— Насколько слабее?

— Насколько надо.

— А потом вернуть точно в прежнее положение?

— На слух.

— А другой человек?

Еремей сразу помрачнел.

— Другого к жерновам никто не пускает.

Вот.

Ещё одна проблема.

Не только точность.

Знание находилось в руках одного специалиста.

— Поэтому вы весь день здесь.

— Я мельник.

— Если заболееете?

— Не заболею.

Ратмир тихо кашлянул.

Ярослав не стал спорить.

В мастерской усадьбы он видел винтовые зажимы.

Простые.

Грубые.

Но резьба местным мастерам точно была известна.

— Можно вместо клина поставить винт?

Еремей посмотрел на него так, будто теперь Ярослав окончательно перешёл грань.

— Куда?

Ярослав показал на опору.

— Чтобы при повороте он медленно поднимал или опускал её.

Плотник нахмурился.

— Деревянный не выдержит.

— Железный?

Все посмотрели на кузнеца.

Тот стоял немного в стороне и до этого явно наслаждался тем, что проблемы касались других профессий.

— Что? — спросил он.

Еремей показал.

Кузнец подошёл.

Потрогал опору.

Посмотрел снизу.

— Можно.

— Насколько точно? — спросил Ярослав.

— Точнее клина.

Еремей фыркнул.

— Пока мукой не забьёт.

Кузнец пожал плечами.

— Сделаем кожух.

— А резьба сотрётся?

— Тогда поменяю.

— Каждый месяц?

— Если плохо сделаю.

Разговор становился всё громче.

Ярослав отошёл на пару шагов.

Ратмир оказался рядом.

— Вы это знали?

— Что?

— Как сделать регулировку?

— В общих чертах.

— А сито?

— Принцип.

— Подъёмник?

— Видел подобное.

Ратмир посмотрел на него с недоверием.

— Где вы могли видеть подобное?

Ярослав на мгновение замолчал.

— В старых книгах. И в описаниях разных мельниц.

— Значит, всё-таки нашли готовые устройства?

— Нет.

Ратмир посмотрел вопросительно.

Ярослав показал на спорящих мастеров.

— Я знаю, что зерно можно поднимать без человека.

— Знаете как.

— Приблизительно.

— Разница?

— Огромная.

Он указал на плотника.

— Я бы не смог рассчитать ему размеры.

На кузнеца.

— Не знаю, какую толщину сделать винта.

На Еремея.

— Не знаю, какой должен быть зазор между жерновами для хорошей муки.

— Но знаете, что хотите получить.

— Вот.

Ратмир несколько секунд молчал.

— Задачу.

— Именно.

— А решение находят они.

— Если хорошие специалисты — да.

Ратмир посмотрел на мастеров.

— А если плохие?

Ярослав пожал плечами.

— Тогда моя первая задача — найти хороших.

Управляющий улыбнулся.

К вечеру стало ясно, что три простых предложения стоят не так уж просто.

Нория требовала:

цепь;

ковши;

дополнительные шестерни;

желоба;

укрепление части перекрытия.

Механическое сито — тягу, новую раму и защиту, чтобы механизм не забивался мукой.

Регулировочный винт пришлось заказывать отдельно у кузнеца.

Ратмир сидел за столом мельника и считал.

— Двести семьдесят на подъём.

Ярослав записал.

— Сто тридцать сито.

— Да.

— Девяносто регулировка.

— С работой.

— Четыреста девяносто.

— Примерно.

— Плюс основной ремонт тысяча сто.

— Да.

Всеволод, которому Ратмир собирался докладывать вечером, будет счастлив.

— Что получаем? — спросил Ярослав.

Еремей пожал плечами.

— Пока ничего.

— Если всё работает.

— Двое не таскают зерно.

— Хорошо.

— Один не стоит постоянно на сите.

— Уже трое.

— Помол будет регулироваться быстрее.

— Производительность?

Еремей задумался.

— Не знаю.

— Сейчас двадцать мешков.

— В хороший день.

— Что ограничивает сильнее всего?

— Сейчас?

— Да.

Мельник начал перечислять.

— Подъём. Просев. Иногда настройка. Бывает зерно ждёт своей очереди, пока просевают прошлую муку.

Ярослав кивнул.

— Значит, потенциально мы увеличиваем пропускную способность.

Ратмир посмотрел.

— Что?

— Сколько мельница может пропустить через себя за день.

— Насколько?

— Не знаю.

Еремей усмехнулся.

— Молодой господин сегодня часто говорит «не знаю».

— Это экономит деньги.

— Каким образом?

— Если скажу, что после переделки будет сорок мешков, дед спросит, почему сорок.

Ярослав посмотрел на Ратмира.

— А я буду выглядеть идиотом.

— Разумно.

— Поэтому сначала построим.

— Потом посчитаем?

— Потом посчитаем.

Еремей покачал головой.

— А если не заработает?

Ярослав посмотрел на него.

— Переделаем.

— А если совсем?

— Вернём как было.

— И потеряем деньги.

— Часть.

— Вы легко говорите.

— Потому что деньги не мои?

Еремей замолчал.

Хорошо.

Ярославу этот человек нравился всё больше.

— Нет, — сказал он. — Именно поэтому хочу делать по одной вещи.

Ратмир поднял голову.

— Не все три сразу?

— Нет.

— Но мельницу всё равно разбирают.

— Основной ремонт делаем весь. А изменения запускаем по очереди.

Ярослав загнул пальцы.

— Сначала регулировка. Она самая простая.

Второй.

— Потом сито.

Третий.

— Нория последней.

Еремей спросил:

— Почему?

— Если всё поставить сразу и мельница начнёт работать хуже, мы не поймём, что виновато.

Ратмир медленно улыбнулся.

— Опять ваши эксперименты.

— Именно.

Винтовая регулировка заработала с первого раза.

Почти.

Первый винт оказался слишком тонким.

Под весом механизма его начало закусывать.

Кузнец ругался.

Еремей говорил, что предупреждал.

Ярослав не помнил, чтобы тот предупреждал именно про это, но спорить не стал.

Сделали новый.

Толще.

Добавили большую ручку.

На ней кузнец выбил простые отметки.

Еремей сначала сопротивлялся отметкам сильнее, чем самому винту.

— Я и так чувствую.

— Вы — да.

— Мне достаточно.

— А вашему помощнику?

— Ещё чего.

— Еремей.

Мельник посмотрел.

— Если лучший помол получается вот здесь...

Ярослав показал отметку.

— Почему не записать?

— Потому что зерно разное.

Хороший ответ.

— Тогда отмечайте диапазон.

Еремей задумался.

Через три дня уже сам потребовал сделать ещё две насечки.

Разный помол.

Разное зерно.

Время настройки сократилось.

Но главное — результат стал повторяемое.

— Раньше лучше было, — буркнул мельник.

Ярослав посмотрел на муку.

— Почему?

— Потому что я на слух быстрее.

— Вы.

— Да.

— А ваш помощник?

Еремей промолчал.

Помощник, стоявший рядом, ухмылялся.

— Ненавижу вас обоих, — сказал мельник.

Сито провалилось.

Причём красиво.

Первый запуск собрал вокруг половину работников мельницы.

Плотник медленно повернул вал.

Тяга пошла.

Сито дёрнулось.

Ещё раз.

Ещё.

— Работает, — сказал Ратмир.

Ярослав уже хотел согласиться.

Потом пустили нормальную скорость.

Сито начало ходить так яростно, будто собиралось самостоятельно покинуть здание.

Мука вылетела наружу.

Еремей оказался белым с головы до груди.

Ратмир — наполовину.

Ярослав стоял чуть дальше.

Ему повезло.

Он посмотрел на мельника.

Тот медленно вытер лицо.

— Хорошая машина.

Плотник кашлянул.

— Ход большой.

— Правда?

Ярослав не выдержал.

Рассмеялся.

Еремей посмотрел на него.

— Вам весело?

— Очень.

— Пять сотен золотых.

— Пока сто тридцать.

— Уже легче.

Плотник присел возле механизма.

Передвинул точку крепления тяги ближе к оси.

— Попробуем так.

Следующий запуск был лучше.

Но рама вибрировала.

Добавили направляющие.

Потом сито заедало.

Изменили форму крепления.

К вечеру механизм наконец работал.

Не идеально.

Но работник больше не стоял, постоянно двигая раму.

Он только следил за подачей и выгребал готовый продукт.

Ярослав смотрел минут десять.

Ратмир подошёл.

— Что?

— Жду.

— Чего?

— Пока сломается.

Ратмир рассмеялся.

— Вы очень оптимистичны.

— Я реалистичен.

Механизм выдержал до конца дня.

На следующий слетела тяга.

Починили.

Через два дня больше не слетала.

С норией мучились почти неделю.

Первый вариант плохо захватывал зерно.

Ковши были слишком глубокими и цепляли дно.

Сделали мельче.

Потом часть зерна сыпалась обратно.

Изменили угол верхнего колеса и желоб.

После этого цепь стала перекашиваться.

Добавили направляющую.

Еремей уже перестал говорить:

— Не получится.

Теперь говорил:

— Здесь переделать надо.

Что Ярослав считал огромным прогрессом.

В день, когда зерно впервые пошло вверх непрерывным потоком, никто не закричал.

Не заплодировал.

Просто все стояли и смотрели.

Маленькие деревянные ковши уходили вниз пустыми.

Поднимались с зерном.

Наверху переворачивались.

Зерно с шорохом сыпалось в желоб.

Пустой ковш уходил вниз.

Следующий.

И снова.

Двое работников, которые раньше таскали мешки, стояли рядом.

Один почесал голову.

— А мы?

Еремей повернулся.

— Что вы?

— Нам что делать?

Мельник посмотрел на Ярослава.

Вот он.

Первые вторичные последствия.

Очень маленькие.

Но настоящие.

— Не увольнять, — сразу сказал Ярослав.

Еремей нахмурился.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

Ратмир спросил:

— Тогда куда?

Еремей задумался.

— Один нужен на приёмке.

— Почему раньше не нужен был?

— Был.

— Кто делал?

— Я.

Ярослав улыбнулся.

— Уже одно применение нашли.

— Второй?

Мельник посмотрел на мешки готовой муки.

— На упаковку.

— Сейчас кто?

— По очереди.

— Значит, туда.

Работники переглянулись.

Один осторожно спросил:

— А таскать больше не надо?

Еремей посмотрел на движущуюся цепь.

— Похоже, нет.

Мужчина несколько секунд молчал.

Потом сказал:

— Хорошая штука.

Ярослав улыбнулся.

Вот это была первая оценка, которая ему действительно понравилась.

Первые результаты появились быстро.

Но Ярослав запретил праздновать.

На третий день после полного запуска мельница сделала двадцать девять мешков.

Рекорд.

Ратмир приехал лично.

— Было двадцать.

— В хороший день, — уточнил Еремей.

— Сегодня двадцать девять.

— Новый механизм.

— И?

Ярослав смотрел записи.

— И ничего.

Ратмир посмотрел укоризненно.

— Вы невозможный человек.

— Три дня.

— Что три дня?

— Мы не знаем, выдержат ли механизмы месяц.

Он показал на норию.

— Не знаем, насколько быстрее изнашивается вал.

На сито.

— Не знаем, не будет ли оно ломаться каждую неделю.

На муку.

— И мне интересно, не стало ли хуже качество.

Еремей немедленно вмешался:

— Не стало.

— Вы проверяли.

— Конечно.

— Тогда хорошо.

— Всё?

— Пока.

Еремей что-то пробормотал о молодых господах, которым невозможно угодить.

Ярослав сделал вид, что не слышал.

Месяц пролетел неожиданно быстро.

И не только из-за мельницы.

За это время жизнь Ярослава окончательно перестала помещаться в одну комнату.

Утром — записи состояния тела.

Тренировка.

Теперь уже нормальная по меркам слабого человека, хотя старый Александр в зале называл бы это хорошей разминкой.

Ходьба.

Вставания.

Отжимания от высокой опоры.

Несколько упражнений, которые Святобор сначала считал

оскорблением воинского искусства.

Потом — учебный камень.

Одна маленькая контролируемая попытка.

Никакого желания выжать Источник досуха.

Состояние медленно улучшалось.

Но пока недостаточно, чтобы делать выводы.

Потом уроки.

Ярослав уже читал простые тексты сам.

Медленно.

Проводя пальцем по строке и периодически ругаясь на местную письменность.

Мирослава каждый раз сообщала, что в восемь лет читала быстрее.

Ярослав каждый раз сообщал, что она отвратительный человек.

После обеда — хозяйство.

Ратмир.

Цифры.

Советы.

Лес.

Поля.

Дорога.

Шахта.

Часть проблем Ярослав записывал.

Часть сразу вычёркивал.

Не потому что они были неважными.

Потому что невозможно исправить всё одновременно.
Это оказалось самым сложным.

Он действительно хотел.

Видел плохо организованный склад — хотелось переделывать.

Смотрел, как ведут учёт — хотелось добавить таблицу.

Видел телегу с неудобной разгрузкой — возникал вопрос.

Но каждый новый проект забирал:

деньги;

людей;

внимание;

время.

И если разбрасывать их на всё сразу, не получится ничего.

Поэтому первым оставалась мельница.

Через месяц они приехали снова.

Теперь Еремей встретил их у дороги.

Без муки на бороде.

Почти.

— Ну? — спросил Ярослав.

— Что «ну»?

— Я месяц ждал.

— Могли приезжать чаще.

— Ратмир не разрешал.

Управляющий поднял бровь.

— Я?

— Вы сказали, что если я буду приезжать каждые два дня,

мельник перестанет работать и начнёт развлекать наследника.

Еремей кивнул.

— Правильно сказал.

— Вот видите.

Они вошли.

Нория работала.

Ровно.

Ковши шли один за другим.

Сито двигалось короткими движениями.

У жерновов стоял помощник Еремея.

Сам Еремей был у приёмки.

Ярослав остановился.

— Вы его пустили к жерновам?

— Пустил.

— Почему?

Мельник пожал плечами.

— Теперь он может поставить зазор по отметке.

Ярослав ничего не сказал.

Но внутри маленькая галочка появилась.

Не только производительность.

Знание перестало полностью зависеть от одного человека.

— Сколько? — спросил Ратмир.

Еремей не торопился.

Очевидно наслаждался моментом.

— Раньше в хороший день делали двадцать.

— Мы помним.

— Иногда двадцать два.

— Еремей.

— Что?

— Сколько?

Мельник улыбнулся.

— Вчера сорок один.

Ратмир остановился.

Ярослав тоже.

— Повторите.

— Сорок один мешок.

— За один день?

— Нет, молодой господин, за месяц.

Ярослав посмотрел.

Еремей рассмеялся.

— За день.

Ратмир уже улыбался.

— А среднее?

Вот правильный вопрос.

Еремей перестал шутить.

— Последние две недели — тридцать семь с половиной.

Ярослав кивнул.

Вот.

Не один рекордный день.

Среднее.

— Качество?

— Такое же. Иногда лучше. Настройка стабильнее.

— Поломки?

— Тягу сита меняли один раз. На нории два ковша треснули.

— Стоимость?

— Ерунда.

Ратмир уточнил:

— Девять золотых за всё.

Ярослав записал.

— Люди?

Еремей посмотрел в цех.

— Раньше на двадцать мешков нужно было восемь постоянно.

— Сейчас?

— Шесть справляются.

— Двух убрали?

— Перевёл.

Он указал наружу.

— Один принимает зерно и ведёт очередь. Второй помогает на складе и выдаче.

— То есть не уволили.

— Зачем? Работы стало больше.

Ярослав улыбнулся.

Вот это тоже было важно.

Машина убрала работу.

Но не человека.

Люди просто перестали тратить большую часть дня на то, что механизм делал лучше.

Ратмир медленно обошёл помещение.

Смотрел.

Считал.

Потом вернулся.

— Производительность почти вдвое.

— Да, — сказал Еремей.

— Людей непосредственно внутри меньше.

— Да.

— Расход воды тот же.

— Река дороже брать не стала.

Ратмир усмехнулся.

— Дополнительные расходы?

— Обслуживание механизмов. Цепь смазывать. Иногда ковши. Тяга.

— Сколько за месяц?

Еремей посмотрел на записи.

— Двадцать два золотых сверх прежнего.

Пятьсот на переделку.

Двадцать два дополнительных текущих расхода.

Почти удвоенная производительность.

Ярослав не стал считать вслух.

Ратмир уже считал сам.

Именно этого Ярослав хотел.

— Если загрузка сохранится, — сказал управляющий, —

дополнительный доход от помола перекроет переделку меньше чем за год.

Еремей усмехнулся.

— Если будет что молоть.

Ярослав поднял голову.

Вот оно.

— Что значит?

Мельник повёл их к складу.

Показал.

Пустовато.

— Последние четыре дня к середине дня заканчивается очередь.

— Людей меньше приезжает?

— Столько же.

— Тогда почему?

Еремей посмотрел на него так, будто ответ был очевиден.

— Потому что мы теперь быстрее их обслуживаем.

Ярослав остановился.

Конечно.

Раньше двадцать мешков заполняли день.

Теперь тот же поток зерна мельница проглатывала значительно раньше.

Ратмир тоже понял.

— Сколько могли бы молоть сейчас?

Еремей пожал плечами.

— Сорок стабильно. Возможно, сорок пять.

— А привозят?

— В среднем тридцать-два — тридцать пять.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Ратмир начал смеяться.

Ярослав посмотрел на него.

— Что?

— Простите.

Управляющий пытался остановиться.

— Просто месяц назад нашей проблемой было, что мельница не успевает молоть.

— Да.

— Мы решили проблему.

— Да.

Ратмир посмотрел на пустой участок склада.

— И теперь проблема в том, что ей нечего молоть.

Ярослав тоже улыбнулся.

— Именно.

Еремей скрестил руки.

— Значит, зря переделывали?

— Наоборот.

Ярослав посмотрел на механизмы.

На вращающийся вал.

На движущееся сито.

На ковши, поднимающие зерно.

— Мы просто нашли следующее ограничение.

Ратмир повторил:

— Ограничение?

— То, что теперь мешает сделать больше.

Он кивнул на жернова.

— Мельница уже не мешает.

Потом на пустой склад.

— Теперь мешает количество зерна.

Ратмир задумался.

Еремей тоже.

— Значит, нужно больше зерна, — сказал мельник.

— Да.

— Где взять?

Вот это уже был следующий вопрос.

Соседние деревни.

Другие земли.

Цена помола.

Доставка.

Дорога.

Конкуренты.

Ярослав почувствовал знакомое возбуждение.

Система открывала следующий слой.

Но заставил себя остановиться.

Не сейчас.

Сначала зафиксировать результат.

— Ратмир.

— Да?

— Сколько дополнительных денег мы реально получили

за месяц, а не могли бы получить?

Управляющий улыбнулся.

— Уже попросил писаря считать отдельно.

Ярослав посмотрел на него.

— Когда?

— После второй недели.

— Почему?

— Вы бы всё равно спросили.

Несколько секунд Ярослав молчал.

Потом протянул руку.

Ратмир посмотрел.

— Что?

— У нас так благодарят.

— За что?

— За то, что мне не пришлось просить.

Управляющий пожал руку.

Немного неловко.

Но пожал.

Еремей смотрел на них.

— Станный обычай.

— В старых книгах встречается.

Мельник снова посмотрел на механизмы.

— Молодой господин.

— Да?

— А всё-таки вы новую мельницу придумали.

Ярослав покачал головой.

— Нет.

— До вас этого не было.

— Вал был?

— Был.

— Цепь?

— Была.

— Ковши?

— Были.

— Винты кузнец делать умел?

— Умел.

— Сито было?

— Было.

Он указал на колесо.

— И вода всё это время крутила мельницу.

Еремей молчал.

— Я ничего не изобрёл.

Ярослав посмотрел на людей.

Один принимал зерно.

Второй следил за готовой мукой.

Помощник уверенно регулировал жернова.

Никто не таскал мешок по лестнице.

Никто не тряс сито часами.

— Я просто заставил мельницу работать, пока люди занимаются тем, что машина делать не может.

Тишина.

Ратмир посмотрел на работающую норю.

Потом на Ярослава.

— Если применить этот принцип не только здесь...

Ярослав поднял палец.

— Нет.

Управляющий удивился.

— Что нет?

— Я знаю это лицо.

— Какое?

— Моё собственное месяц назад.

Ратмир улыбнулся.

— И что с ним не так?

— Оно хочет улучшить всё сразу.

— А разве это плохо?

Ярослав посмотрел на пустеющий склад.

— Вот мельницу улучшили.

— Да.

— И получили новую проблему.

— Да.

— Сначала разберёмся с ней.

Ратмир медленно кивнул.

— Больше зерна.

— Не просто больше.

— А?

Ярослав посмотрел в сторону дороги.

По ней как раз подъезжала телега.

Один воз.

Несколько мешков.

Мельница проглотит их быстро.

— Нужно понять, откуда люди сейчас возят зерно.

— Из наших деревень.

— Только?

— В основном.

— А ближайшие соседние?

Ратмир уже понял направление.

— Часть ездит на другие мельницы.

— Почему?

— Ближе. Где-то дешевле. Где-то старые договорённости.

— Вот это и надо узнать.

Еремей усмехнулся.

— Опять вопросы.

— Всегда.

Ратмир посмотрел на пустой склад.

Потом на работавшее без человеческих рук сито.

— Месяц назад я бы сказал, что мельница работает нормально.

Ярослав ничего не ответил.

— Теперь она делает почти вдвое больше.

Пауза.

— А мне уже кажется ненормальным, что половину дня она может простаивать.

Ярослав улыбнулся.

Вот это было интереснее самой нории.

Метод начинал жить не только в его голове.

— Значит, начинаете понимать.

— Что?

— Проблема никуда не исчезает.

Он посмотрел на механизм.

— Она просто переезжает.

И на этот раз Ратмир записал фразу первым.

Глава 8. Следующее ограничение

Через три дня после возвращения с мельницы Ратмир принёс цифры.

Не приблизительные.

Не «стало заметно лучше».

Цифры.

Ярослав посмотрел на управляющего с одобрением.

— Вы меня балуете.

— Не привыкайте.

Ратмир положил перед ним лист.

— До переделки мельница в среднем давала триста семьдесят золотых в месяц. В сезон больше, зимой меньше, но для сравнения я взял одинаковые периоды.

— Хорошо.

— За последний месяц — пятьсот двадцать восемь.

Ярослав провёл пальцем по строке.

Рост приличный.

Но не настолько, насколько выросла производительность.

— Почти сто шестьдесят сверху.

— Сто пятьдесят восемь.

— А молоть можем почти вдвое больше.

— Можем.

— Но не мелем.

— Не мелем.

Ярослав поднял глаза.

Ратмир уже улыбался.

— Почему?

— Вы знаете почему.

— Хочу услышать.

Управляющий сел напротив.

— Потому что возможность перемолоть сорок мешков и наличие сорока мешков — разные вещи.

Ярослав усмехнулся.

— Вы начинаете портиться.

— Это заразно.

На листе появилась новая таблица.

Причём Ратмир составил её сам.

Мощность мельницы.

Фактический объём помола.

Средняя загрузка.

Доход.

Ярослав смотрел несколько секунд.

— Это вы сделали?

— Да.

— Почему?

— Потому что после прошлого разговора стало очевидно, что строка «мельница принесла столько-то» больше ничего нам не объясняет.

Ярослав откинулся на спинку кресла.

Вот это нравилось ему даже больше, чем сорок один ме-

шок.

Метод начинал работать без его участия.

— Сейчас средний фактический объём — тридцать три мешка в день, — продолжил Ратмир. — Можем устойчиво держать около сорока.

— То есть примерно четверть мощности простаивает.

— Иногда больше.

— Откуда сейчас идёт зерно?

Ратмир развернул карту.

Теперь на ней были небольшие отметки возле деревень.

— Отсюда, отсюда и отсюда — основная часть.

— Наши?

— Да.

— Остальные?

— Понемногу из двух дальних деревень. Иногда с соседних земель.

Ярослав наклонился над картой.

— А наши крестьяне все пользуются нашей мельницей?

— Нет.

Он поднял голову.

— Почему?

— Потому что это крестьяне, а не солдаты.

— Не понял.

— Им никто не приказывает, где молотить зерно.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

— Я спрашиваю, почему им выгоднее платить другому мельнику.

Ратмир указал на северную деревню.

— Отсюда часть ездит сюда.

Палец переместился за границу родовых земель.

— Мельница Беловых.

— Далеко?

— Для них ближе.

— Цена?

— Чуть выше нашей.

— И всё равно едут.

— Да.

Следующая деревня.

— Эти раньше в основном ездили к Еремею.

— А теперь?

— Примерно половина — на мельницу Орловых.

Ярослав нахмурился.

— Она же дальше.

— Дорога лучше.

Вот.

Ярослав посмотрел на карту.

Снова система.

Никогда одна цена.

Расстояние.

Состояние дороги.

Очередь.

Время.

Корм лошади.

Потерянный рабочий день.

— Поедем.

Ратмир даже не спросил куда.

— Когда?

— Завтра.

— В три деревни?

— В две.

— Почему не три?

Ярослав посмотрел на него.

Ратмир усмехнулся.

— Понял. Одна проблема за раз.

— Учитесь слишком быстро.

— Приходится.

Первая деревня встретила их лаем собак.

Грязью.

Курами.

И абсолютным отсутствием какого-либо желания участвовать в великих хозяйственных реформах наследника древнего рода.

Староста встретил их у большого дома.

Нервничал.

Ярослав это видел.

Приезд наследника и управляющего одновременно явно редко означал что-то приятное.

— Налог уплачен, молодой господин.

Ярослав остановился.

— Хорошо.

Староста напрягся ещё сильнее.

— Полностью.

— Я верю.

— Все списки переданы.

— Отлично.

Ратмир спрятал улыбку.

Ярослав посмотрел на него.

— Почему он решил, что мы приехали за деньгами?

— Потому что обычно мы приезжаем за деньгами.

— Надо чаще бывать без причины.

— Это уже будет причиной для беспокойства.

Ярослав повернулся к старосте.

— Мы приехали про мельницу спросить.

Тот растерялся.

— Про нашу?

— Про мельницу Еремея.

— А.

Стало немного легче.

— Сколько хозяйств отсюда возит зерно к нему?

Староста задумался.

— Может, десяток.

— А всего?

— Тридцать семь дворов.

— Остальные?

— Кто куда.

— Почему?

На этот раз вопрос явно показался ему странным.

— Кому куда ближе.

— До Еремея сколько?

— Если дорога сухая — часа четыре.

— В одну сторону?

— Да.

Ярослав посмотрел на Ратмира.

Тот уже что-то записывал.

— А до другой мельницы?

— До Михея — часа два с половиной.

— Он берёт дороже?

— На один мерок с десяти больше.

Ярослав не сразу понял местную систему оплаты.

Ратмир пояснил:

— Еремей оставляет одну десятую часть помола как плату. Михей — немного больше.

Ярослав снова обратился к старосте.

— То есть люди готовы отдать больше зерна, лишь бы ехать меньше?

Тот пожал плечами.

— А что делать?

— Почему это важно?

Теперь староста точно решил, что наследник после инициации стал несколько странным.

Но ответил.

— Пока я отвёз зерно, дождался, пока перемелют, и вернулся — день прошёл.

— А если очередь?

— Тогда и два.

— Все едут каждый со своей телегой?

— А как иначе?

Вот эта фраза снова.

А как иначе?

Ярослав посмотрел на двор.

Там стояла обычная телега.

Две лошади.

Несколько мешков.

— Когда вы в следующий раз повезёте зерно?

— Я?

— Деревня.

Староста задумался.

— Кто-то завтра. Кто-то послезавтра.

— Каждый отдельно?

— Обычно.

Ярослав молчал.

Ратмир уже смотрел на него.

Понимал.

— Сколько зерна в среднем везёт одно хозяйство?

— По-разному. Четыре мешка. Шесть. Иногда десять.

— Телега сколько берёт?

— Хорошая — двадцать мешков легко.

Вот.

Человек.

Лошадь.

Телега.

Четыре мешка.

Восемь часов дороги туда и обратно.

Иногда ожидание.

Ради процесса, который можно объединить.

Ярослав повернулся к Ратмиру.

— Вы тоже это видите?

— Да.

— Уже придумали?

— Возможно.

Ярослав прищурился.

— Вы определённо испортились.

Управляющий развернул карту.

— Если собирать зерно здесь в один день, одной телеги достаточно на несколько хозяйств.

Староста нахмурился.

— Кто собирать будет?

Ратмир ответил раньше Ярослава:

— Мельница.

Ярослав посмотрел на него.

Ратмир пожал плечами.

— Вы всё равно это предложили бы.

— Да.

— Значит, сэкономили время.

Староста переводил взгляд с одного на другого.

— Мельница сама приедет?

— Это пока вопрос, — сказал Ярослав.

— А кто платить будет?

Хороший вопрос.

— Тоже вопрос.

— А если мешки перепутают?

Ярослав уже собирался ответить.

Ратмир остановил его поднятой ладонью.

— Не перепутают.

Ярослав повернулся.

Управляющий задумчиво смотрел на телегу.

— Каждому хозяйству парные бирки.

— Какие?

— Деревянные. С одинаковой меткой.

Он показал руками.

— Одна остаётся у хозяина. Вторая крепится к мешкам.

Ярослав улыбнулся.

Ратмир продолжал:

— При приёме записываем имя, метку, количество мешков и вес. На мельнице запись повторяется. При выдаче му-

ки сверяем бирку.

Староста задумался.

— А если бирку потерять?

— Тогда будем решать отдельно.

— А если два человека скажут, что мешок их?

— Не скажут. Метки разные.

Ярослав не вмешивался.

Это было прекрасно.

Проблема ещё не возникла.

Ратмир уже увидел её.

И сразу заложил решение.

— Сколько разных меток сможете сделать? — спросил Ярослав.

— Для одной деревни? Сколько угодно. Номер, знак хозяйства или сочетание.

— Лучше просто.

Ратмир кивнул.

— Номер двора и одна дополнительная отметка на случай подделки.

Ярослав поднял бровь.

— Подделки?

— Люди есть люди.

Староста тихо кашлянул.

Видимо, спорить не собирался.

— Вот поэтому вы управляющий, а я задаю вопросы.

Ратмир посмотрел с лёгкой улыбкой.

— Запишу.

До второй деревни дорога была хуже.

Значительно.

В одном месте пришлось почти остановиться, пока возница осторожно проводил колёса между двумя глубокими ямами.

Ярослав смотрел на дорогу.

Не записывал.

Ратмир заметил.

— Даже ничего не скажете?

— Я уже знаю, что дорога плохая.

— Прогресс.

— Если начну сейчас думать о дороге, мы не закончим с зерном.

— Ещё больший прогресс.

Во второй деревне причина оказалась другой.

Мельница Еремея была почти на том же расстоянии, что чужая.

Но крестьяне ездили к чужой.

— Почему? — спросил Ярослав.

Староста ответил:

— Очередь.

— Теперь её почти нет.

— Теперь.

Вот.

Одно слово.

И вся проблема.

— А раньше?

— В сезон приезжали утром. Иногда до вечера не успева-
ли.

— И люди привыкли к другой мельнице.

— Да.

— Они знают, что наша теперь молет почти вдвое быст-
рее?

Староста пожал плечами.

— Я знаю.

— Откуда?

— Племянник у Еремея работает.

— Остальные?

— Не знаю.

Ярослав посмотрел на Ратмира.

— Мы улучшили услугу.

— Но забыли рассказать людям.

— Похоже.

— Очень по-вашему.

— Почему?

— Сначала сделать, потом думать, кто этим будет пользо-
ваться.

— Неправда.

Ратмир посмотрел.

Ярослав немного подумал.

— Ладно. В этот раз правда.

Один пожилой крестьянин, стоявший рядом, вмешался:

— А если там теперь быстро, всё равно ехать.

Ярослав повернулся.

— Сколько?

— Полдня.

— В одну сторону?

— Нет. Туда и обратно, если лошадь хорошая.

— И на чужую примерно столько же?

— Примерно.

— Тогда почему не вернётесь к нашей?

Мужчина пожал плечами.

— А зачем?

Прекрасный вопрос.

Ярослав усмехнулся.

— Справедливо.

Улучшить процесс недостаточно.

Клиент должен получить от улучшения что-то заметное лично для себя.

Быстрее на мельнице — хорошо.

Но если основное время человек теряет не в очереди, а в дороге, его проблема решена лишь частично.

Ярослав посмотрел на телеги.

— А если ехать вообще не придётся?

Мужчина рассмеялся.

— Мука сама придёт?
— Было бы удобно.
— Очень.
— Думаю примерно об этом.
Смех прекратился.

На обратной дороге Ратмир достал записи.

— Одна телега.
— Для начала.
— Один возчик.
— Да.
— Одна деревня.
— Да.
— Раз в три дня?

Ярослав задумался.

— Зависит от объёма.
— Я посчитаю.
— Хорошо.
— Плату за доставку брать отдельно?
— А сколько будет стоить рейс?

Ратмир начал перечислять.

— Возница. Лошадь. Корм. Износ телеги. Время.
— При полной загрузке?
— Немного.
— На один мешок?

— Зависит от загрузки.

— Вот.

Ярослав указал на него.

— Это важно.

— Что?

— Если отправить телегу за четырьмя мешками — идея идиотская.

— А если за двадцатью?

— Уже может работать.

Ратмир кивнул.

— Значит, устанавливаем минимальный объём рейса.

— Или день сбора.

— Как рынок?

— Что?

— Все знают: в такой-то день зерно забирают. Кто хочет — привозит мешки к одному месту.

Ярослав посмотрел на него.

— Даже лучше.

— Почему?

— Телега не ездит по каждому двору.

— Я поэтому и предложил.

— Вы действительно быстро учитесь.

Ратмир убрал записи.

— А если крестьяне не захотят платить за подвоз?

— Не заставляем.

— Просто оставляем возможность ехать самим?

— Конечно.

Управляющий задумался.

— А если подвоз сделать бесплатным?

Ярослав повернулся.

— Зачем?

— Чтобы увеличить загрузку мельницы.

Вот теперь стало интересно.

Ратмир продолжил:

— Мы теряем часть прибыли на доставке, но получаем дополнительный помол.

— Сколько?

— Нужно считать.

Ярослав улыбнулся.

— Вот.

Ратмир поморщился.

— Только не говорите.

— Не скажу.

Пауза.

— Данных недостаточно.

— Ненавижу вас.

Через два дня расчёт был готов.

Полностью бесплатная доставка оказалась слишком щедрой.

Но если мельница забирала полный воз зерна, стоимость

рейса получалась небольшой относительно платы за помол.

Ратмир предложил компромисс.

Первые два месяца — подвоз для выбранной деревни бесплатно.

— Почему два? — спросил Ярослав.

— Чтобы люди попробовали.

— А потом?

— Небольшая плата.

— Сколько?

— Ниже того, во что крестьянину обходится самостоятельная поездка.

Ярослав посмотрел на него.

— Вы это сами придумали?

— Да.

— Мне начинать беспокоиться за свою работу?

— У вас пока нет работы.

— Жестоко.

На первый маршрут выбрали деревню в четырёх часах от мельницы.

Там было достаточно хозяйств.

Дорога позволяла пройти гружёной телеге.

Староста согласился выделить участок амбара под временный сбор зерна.

Ратмир сразу организовал бирки.

Деревянные.

Простые.

На каждой — выжженный номер хозяйства и маленький знак рода на обратной стороне.

Парная бирка оставалась у хозяина.

Такая же крепилась к партии зерна.

Отдельный журнал содержал:

номер;

имя хозяина;

количество мешков;

вес;

какой помол требуется;

что должно вернуться.

Ярослав просмотрел систему.

— Хорошо.

— Только хорошо?

— Очень хорошо.

Ратмир подозрительно посмотрел.

— Ничего не хотите добавить?

Ярослав задумался.

— Качество зерна.

— Что?

— Сухое. Влажное. Чистое. С примесью.

Ратмир кивнул.

— Три категории?

— Еремей лучше знает.

— Спрошу.

На следующий день в журнале появилась ещё одна колон-

ка.

Не потому что случился спор.

Не потому что кто-то потерял мешок.

Просто Ратмир уже понял главное:

если процесс становится сложнее, учёт должен стать точнее раньше, чем появится проблема.

Первый рейс собрал семнадцать мешков.

Меньше полной загрузки.

— Плохо, — сказал Ярослав.

Ратмир пожал плечами.

— Для первого раза нормально.

— Телега могла взять двадцать два.

— Люди пока не верят.

— Во что?

— Что зерно действительно вернётся.

Ярослав задумался.

Конечно.

Он смотрел на процесс как на логистику.

Крестьянин смотрел иначе.

Он отдаёт урожай незнакомому вознице.

Сам не едет.

Не видит, как взвешивают.

Не стоит рядом с жерновами.

Для него новая система означала не только экономию вре-

мени.

Но и потерю контроля.

— Нужно вернуть точно в обещанный день.

— Разумеется.

— Даже если придётся отправить отдельную телегу.

— Это будет невыгодно.

— Первый раз — неважно.

Ратмир поднял бровь.

— Вы только что сказали, что не любите терять деньги.

— Это не потеря.

— А что?

Ярослав вспомнил разговор про предоплату.

— Цена доверия.

Управляющий немного улыбнулся.

— Запишу.

На мельнице новый поток встретили спокойно.

Еремей уже почти перестал удивляться.

— Семнадцать?

— Да.

— Мало.

— Я тоже сказал.

— Люди разумные.

Ярослав посмотрел на него.

— Это сейчас было оскорбление?

— Нет.

Мельник взял первую бирку.

Сверил номер.

— Первый сорт. Сухое. Помол обычный.

Помощник записал.

Бирку подвесили на отдельный крючок.

Ярослав наблюдал.

Нория подняла зерно.

Жернова заработали.

Сито двигалось само.

Человек только контролировал.

Через несколько часов партия была готова.

На мешки с мукой повесили те же номера.

Еремей проверил выход.

— Нормально.

— Что значит нормально? — автоматически спросил Ярослав.

Мельник посмотрел.

— Когда-нибудь я вас ударю.

— В очередь.

На следующий день телега вернула муку.

Ратмир поехал лично.

Ярослав хотел тоже.

Управляющий запретил.

— Почему?

— Потому что если наследник рода будет лично сопро-

вожжать каждую телегу, через месяц нам понадобится десять наследников.

Аргумент был убедительный.

Поэтому Ярослав остался.

И ждал.

Что оказалось гораздо тяжелее, чем ехать самому.

Ратмир вернулся вечером.

— Ну?

Управляющий специально медленно снял плащ.

— Что «ну»?

Ярослав прищурился.

— Вы слишком много общаетесь с Еремеем.

Ратмир рассмеялся.

— Всё вернули.

— Жалобы?

— Нет.

— Потери?

— Нет.

— Люди?

— Сначала пересчитали мешки четыре раза.

— Я бы тоже.

— Потом начали спрашивать, когда следующий рейс.

Ярослав улыбнулся.

Вот.

На второй рейс пришло двадцать три мешка.

Телега едва вместила.

На третий пришлось отправить две.

Ратмир вернулся к расчётам.

— Так не пойдёт.

— Почему?

— Две телеги съедают экономию.

— Значит?

— Либо больший воз.

— Дорога выдержит?

— Летом — да.

— Лошадь?

— Пара.

— Стоимость?

— Посчитаю.

Ярослав даже не успел сказать.

Ратмир уже записывал.

Через неделю из первой деревни стабильно приходило около двадцати пяти мешков за рейс.

Не каждый день.

Но достаточно, чтобы мельница перестала пустовать большую часть времени.

Еремей сообщил:

— Средняя загрузка поднялась до тридцати восьми.

Ярослав спросил:

— Мешков?

— Нет. Процентом.

Он подождал.

Ярослав посмотрел.

Еремей рассмеялся.

— Мешков.

— Однажды я запрещу вам шутить.

— Тогда я уволюсь.

Вторую деревню подключил Ратмир.

Ярослав узнал об этом после факта.

— Что значит подключили?

— То и значит.

— Без меня?

— Вы хотели, чтобы система работала только при вашем присутствии?

Ярослав замолчал.

Нет.

Конечно нет.

Именно наоборот.

— Расскажите.

— Та же схема. День сбора. Парные бирки. Журнал. Бесплатный подвоз на первый месяц.

— Почему месяц, а не два?

— Первая деревня уже доказала, что схема работает. Не вижу смысла платить за обучение второго клиента столько

же.

Ярослав смотрел.

Ратмир поднял бровь.

— Что?

— Ничего.

— Это ваше плохое «ничего»?

— Нет. Хорошее.

Управляющий немного смутился.

— Я просто использовал то, что уже получилось.

— Именно.

Вот это и было масштабирование.

Не десять новых идей.

Одна работающая схема.

Перенесённая дальше.

Через две недели появилась третья деревня.

Там бесплатной доставки уже не было.

Ратмир ввёл небольшую плату сразу.

Крестьяне согласились.

Потому что первые две деревни уже рассказывали, что система работает.

Репутация начала делать часть работы сама.

Мельница вышла на средние сорок мешков.

Иногда сорок два.

Иногда тридцать восемь.

Но больше не двадцать.

Ратмир принёс новый финансовый лист.

— Шестьсот восемьдесят четыре золотых.

Ярослав поднял глаза.

— За месяц?

— Да.

До модернизации — около трёхсот семидесяти.

После модернизации, но без дополнительного зерна —

пятьсот двадцать восемь.

Теперь — почти шестьсот восемьдесят пять.

Ярослав записал три числа друг под другом.

370

528

684

Ратмир смотрел.

— Довольны?

— Теперь да.

— Почему не раньше?

— Потому что раньше мы увеличили возможность работать.

Он показал на последнюю цифру.

— Теперь увеличили реальную работу.

— Переделка уже почти окупилась.

— Скоро.

— Ещё месяц-два.

— Если ничего не сломается.

Ратмир вздохнул.

— Даже сегодня нельзя просто порадоваться?

— Можно.

Ярослав улыбнулся.

— Молодцы.

— Это всё?

— Хотите обниму?

— Нет.

— Тогда всё.

Магия тоже не стояла на месте.

Но двигалась раздражающе медленно.

Ярослав продолжал работать с учебным камнем.

Один и тот же маленький нагрев.

Одна попытка.

Потом восстановление.

В первые недели лекарь определял возвращение Источника к исходному состоянию примерно за три часа.

Иногда два с половиной.

Иногда больше.

Теперь всё чаще получалось около двух с половиной.

Один раз — чуть больше двух.

Ярослав смотрел на записи.

Хотелось увидеть тенденцию.

Тенденция вроде была.

Но измерения оставались слишком грубыми.

— Быстрее, — признал лекарь.

— Насколько?

— Немного.

— Вот опять.

— Ярослав.

— Молчу.

Он записал:

Скорость восстановления, вероятно, растёт. Пока недостаточно точности.

А потом сделал привычную физическую тренировку.

Тело изменилось заметнее.

Отжимания от высокой опоры уже не казались подвигом.

Приседания до скамьи стали уверенными.

Ходьбу он перестал считать шагами.

Теперь считал время.

Двадцать минут.

Спокойно.

Без остановки.

Старый Александр посмеялся бы.

Ярослав — нет.

Это было его тело.

Слабое.

Пока.

Но уже не беспомощное.

Проблема пришла в пятницу.

Ратмир вошёл в кабинет Всеволода с письмом.

По лицу было понятно: что-то интересное.

Ярослав сидел сбоку и разбирал сводку по лесу.

Всеволод поднял голову.

— Что?

— Письмо от княжича Белова.

Ярослав тоже посмотрел.

— Что хочет?

— Жалуется.

— На что?

Ратмир положил письмо на стол.

Всеволод прочитал первым.

Лицо осталось спокойным.

Потом протянул Ярославу.

За прошедший месяц тот уже читал достаточно хорошо.

Медленно.

Но самостоятельно.

Он начал разбирать текст.

Половину сложных оборотов пришлось уточнять.

Смысл оказался простым.

Мельница рода начала принимать слишком много зерна из деревень, которые традиционно пользовались другой мельницей.

Ярослав перечитал.

Потом ещё раз.

— Мы кому-то запрещаем пользоваться их мельницей?

— Нет, — сказал Ратмир.

— Заставляем людей ехать к нашей?

— Нет.

— Угрожаем?

— Нет.

— Сбросили цену ниже себестоимости?

— Тоже нет.

— Тогда в чём претензия?

Всеволод усмехнулся.

— В том, что они теряют деньги.

— Это я понял.

— Значит, понял всё.

Ярослав положил письмо.

— Люди сами выбрали нас.

— Именно.

— Потому что быстрее.

— И потому что теперь зерно забирают из деревни.

Ратмир добавил:

— Из трёх последних новых клиентов двое вообще с земель Беловых.

Ярослав посмотрел на него.

— Новых?

— Да.

— Когда?

— На этой неделе.

— Почему не сказал?

— Хотел проверить, останутся ли.

Ярослав улыбнулся.

Опять.

Сначала проверить.

Потом докладывать.

Ратмир действительно заразился.

Всеволод откинулся.

— И что теперь?

Ярослав посмотрел на письмо.

— Не знаю.

Дед застонал.

— Когда-нибудь ты ответишь иначе?

— Конечно.

— Когда?

— Когда буду знать.

Всеволод указал на письмо.

— Вот политика. Добро пожаловать.

Ярослав задумался.

Он ничего не отнимал.

Никого не заставлял.

Не захватывал земли.

Не снижал цену до убытка.

Просто сделал услугу лучше.

И уже этого оказалось достаточно, чтобы кому-то стало

хуже.

— Интересно.

— Что именно? — спросил Ратмир.

— Я думал, что конкуренция начинается, когда ты нападаешь на чужой рынок.

Всеволод улыбнулся.

— Нет.

— А когда?

Дед указал на письмо.

— Когда чужой рынок замечает тебя.

Ярослав снова посмотрел на результаты мельницы.

Триста семьдесят.

Пятьсот двадцать восемь.

Шестьсот восемьдесят четыре.

Небольшая хозяйственная реформа.

Несколько шестерён.

Нория.

Сито.

Телега.

Бирки.

И вот уже письмо от соседнего рода.

Ратмир тихо сказал:

— Похоже, проблема опять переехала.

Ярослав посмотрел на него.

Управляющий улыбался.

— Нет.

— Почему?

Ярослав постучал пальцем по письму.

— Теперь она выросла.

Всеволод рассмеялся.

А Ярослав впервые подумал, что улучшать мельницы было значительно безопаснее, когда никто не замечал результата.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.